

ИГРА В ГОРОДА

По материалам экспедиций
в малые города Беларуси

Серия «культурная политика»

Научный редактор и составитель кандидат социологических наук Т.Водолажская

Рецензенты:

Андрей Завадский, (уточню)

Сергей Харевский, магистр истории и теории искусства

Игра в города: по материалам экспедиций в малые города Беларуси. — И.П.Логвинов, 2009. — 220 с. — (культурная политика).

В книге представлен опыт исследования современного образа жизни и организации малых городов Беларуси. Экспедиции в города строилось на мало известном в Беларуси методе — исследование действием. Особенности метода и эвристические возможности, которые он дает, отражаются в содержании и структуре книги. В ней читатель не найдет всего того, что традиционно можно встретить в книгах о городах — историю, достопримечательности архитектуры и природы, статистические данные. Но в ней есть непосредственное восприятие и включение в жизнь города, попытки понимания и осмысления обнаруженных феноменов. Книга не претендует на полноту отражения или решение проблем, она скорее предлагает вместе поразмыслить над современной жизнью в малых городах.

© Составление Т.Водолажская, 2009

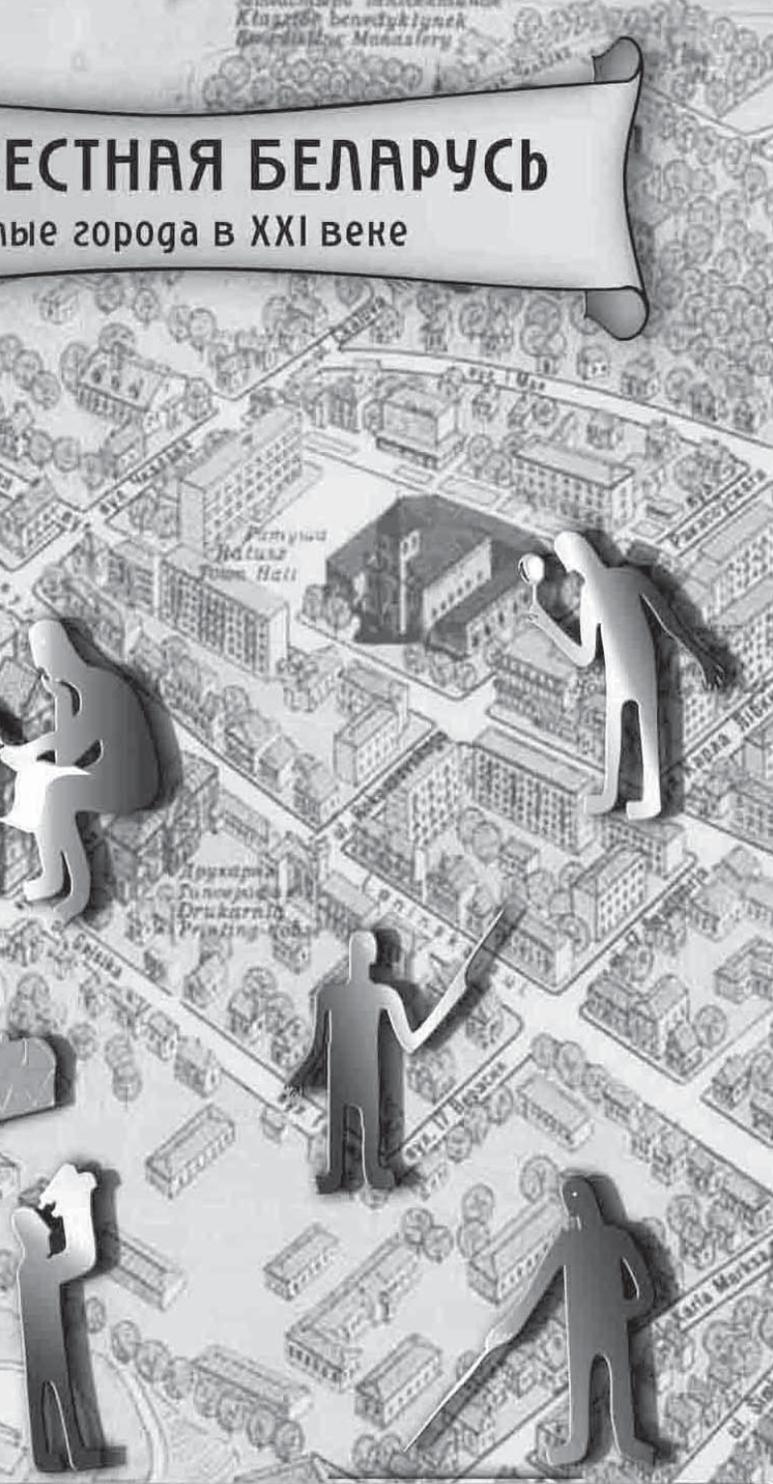
© Оформление И.П.Логвинов, 2009

© Обложка М.Кароль, 2009

ЕСТНАЯ БЕЛАРУСЬ

ые города в XXI веке

ИГРА В ГОРОДА

По материалам
экспедиций
в малые
города
Беларуси

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛЫХ
ГОРОДОВ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ
ПОЛИТИКИ 7

МАЛЫЕ ГОРОДА: ОТЧЕТЫ ПО
ЭКСПЕДИЦИЯМ 26

Береза 27

Мстиславль 32

Верхнедвинск 39

Щучин 45

Ганцевичи 52

Туров 56

Глубокое 61

Кличев 63

Брагин 67

Столин 70

Давид-городок 77

Сморгонь 80

Ивье 84

Чаусы 90

Дисна 95

Каменец 100

Поставы 104

Лепель 110

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ
ПОНИМАНИЯ 116

Малые города: who governs? 117

*Реализация и утилизация активности
горожан* 125

*Пространство коммуникации: формы,
каналы, барьеры* 133

*Потребление: структура
и возможности* 141

*Малые города на фоне культурных
катастроф* 146

*Образ малого города в представлениях
его жителей* 151

*Неправительственные организации: формы
жизни и выживания* 161

Организация городской среды 168

*История взлета и падения
Мстиславского фэста*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 182

ПРИЛОЖЕНИЯ 188

*Малыя гарады беларусі: эканамічная
гісторыя і ўрокі*

Сводная таблица по малым городам

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем с детства известна игра в города. Мы перебираем, ищем и выстраиваем их названия в цепочки так, чтобы каждый следующий город начинался с последней буквы предыдущего: Минск — Кельн — Нюрнберг — Гродно — Ольштын... Обычно мы легко различали названия городов и стран, но иногда все же возникали споры и вопросы: город ли это? А иногда города «заканчивались» и приходилось их искать, напрягая память.

Но искать города можно не только в памяти. Их можно искать в той реальности, в которой мы живем. Для нас, авторов книги, это необходимо, поскольку возможности развития страны мы видим именно в городском устройстве. Нам нужны города в Беларуси. А вот есть ли они — это вопрос. Найти города в Беларуси — это тоже игра, у которой свои правила. И главное правило в том, что городов не существует, если они не являются частью нашего мышления, если никого не волнует «идея города». Город — это индивидуальность, и каждый из них создается из устремлений, представлений и действий людей, которые позволяют себе мечтать и создавать то, чего еще нет.

Казалось бы, исследование и игра вещи несовместимые. Первое представляется чем-то основательным, а второе — несерьезным. Но если вы хотите исследовать то, существование чего ставится под вопрос, или если вы хотите исследовать нечто для того, чтобы оно стало таким, каким должно быть, то без игры не обойтись.

Наши исследования начались почти 15 лет назад, когда Владимир Мацкевич сформулировал задачу «Думать Беларусь»¹, реализация которой невозможна без игры и требует глубоких исследований. За это время мы обращались к различным темам и аспектам белорусской жизни (образу и качеству жизни, местным сообществам, образованию) и закономерно пришли к пониманию необходимости исследовать и «искать» города в Беларуси. Представленная на суд читателя книга — это результаты изучения и размышления над проблемами малых городов.

Книга имеет несколько частей. С одной стороны, они отражают этапы нашего движения в исследовании городов; с другой стороны, они представляют собой разные «виды работ».

Первая, вводная, часть посвящена краткому изложению нашего подхода к исследованию («культурной политике»). Эта часть может показаться сложной, но нам кажется, что без нее

¹ Мацкевич В. В. Думать Беларусь // Культурная политика. 1994. №0.

читателю будет трудно вникнуть в замысел книги и понять то, что ищут и о чем размышляют авторы. Мы часто встречаемся с непониманием или даже нежеланием разбираться не просто в наших утверждениях или выводах, а именно в нашем способе смотреть на Беларусь и что-то делать — в правилах игры. Мы не рассчитываем на то, что они обязательно будут приняты другими, но надеемся на понимание и вдумчивое отношение читателей.

Вторая, наиболее объемная, часть состоит из 18 отчетов по экспедициям, которые были проведены в 2007 и 2008 годах. Это материалы наблюдений. В своих отчетах мы не стремились к созданию исчерпывающей картины города и тем более не считали необходимым описывать то, что можно найти в других источниках — справочниках, художественных произведениях, исторических очерках. Поэтому в них практически не входят ни история, ни достопримечательности архитектуры и природы, ни статистические данные. Мы пытались отразить то, что, как нам кажется, пока ускользает от внимания исследователей, экспертов, политиков и других деятелей белорусского общества, но, тем не менее, является очень важным для понимания современной жизни в малых городах. Мы двигались как бы на ощупь, стараясь не потерять способность удивляться и не пропускать мелочей, которые могли бы касаться предмета нашего интереса: организации и образа жизни в малых городах. По самим отчетам можно проследить, как менялся наш взгляд: от довольно формального и наблюдательно-собирательного до более глубокого и аналитического.

В третьей части мы собрали ряд материалов, которые содержат размышления и попытки некоей систематизации богатого эмпирического материала, полученного в ходе экспедиций. Темы, затронутые в этой части, поднимались на семинаре-конференции «Неизвестная Беларусь. Малые города в XXI веке», которую мы провели осенью 2008 года, чтобы подвести итоги экспедиций. Эти материалы также не претендуют на целостность. Это скорее отражение наиболее явных и важных обнаруженных феноменов.

В приложении собраны материалы, которые помогли нам в работе и дадут возможность читателю восстановить более широкий контекст размышлений о проблемах малых городов Беларуси.

Отдельную благодарность выражаем профессору, доктору исторических наук Захару Васильевичу Шибeko, который не только любезно предоставил нам материалы по истории малых городов в Беларуси, но и активно участвовал в семинаре-конференции.

Эта книга имеет много авторов. Наиболее активные участники экспедиций в малые города стали авторами текстов, вошедших в книгу. Но кроме них, авторами можно считать и тех, кто не так часто включался в экспедиции, и тех, кто нам встречался в городах, и тех, кто интересовался нашим исследованием и вместе с нами обсуждал и размышлял. Полный коллектив авторов составил бы, наверное, более двух десятков человек. Всем им, особенно оставшимся безымянными, — искренняя благодарность. Надеемся, что книга предложит читателю разнообразный материал для размышлений над темой современных малых городов и что она увеличит число «играющих в города» в Беларуси

ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Европейцы или люди европейской культуры глобознательны. Именно европейцы организовали исследование всех стран и континентов на планете. Их всегда привлекала экзотика далеких стран, особенно тех, где не ступала нога человека. В самой же Европе таких мест практически не осталось. Наша Беларусь, казалось бы, исхожена вдоль и поперек. Кажется, что у нас нечего исследовать, все давно известно и все хорошо знакомо. Однако это иллюзия. Как раз в силу освоенности и исхоженности Беларусь настолько мало привлекала внимание исследователей, что до сих пор остается практически неизвестной страной. Изучая литературу о Беларуси, мы найдем много банальностей и мифов, которые некритично переносятся из книги в книгу, из статьи в статью. Но если проявить больше внимательности и интереса, то можно обнаружить, что мы практически ничего не знаем про устройство белорусского общества, а все знания о нем опираются на теории и концепции, построенные в других странах, на эмпирический материал, систематизированный и осмысленный исследователями, которых больше привлекали другие культуры и народы. Неизвестными могут быть не только страны и земли, куда не ступала нога человека, но и те

места, которые по каким-то причинам просто не привлекали к себе внимания и исследовательского интереса.

Беларусь — terra incognita именно в силу отсутствия интереса со стороны исследователей. Европейцы смотрят сквозь Беларусь на восток, поскольку огромная и загадочная Россия привлекает их внимание в большей степени. И знания, полученные о России, они автоматически проецируют на Беларусь. Российские исследовательские центры интересуются Беларусью только в рамках изучения своей страны. Исследовательские центры и группы в Беларуси пока слабы, плохо организованы и попросту малочисленны, а литература, которой пользуются белорусские исследователи, преимущественно российская или западная. Однако проблема даже не в том, что их мало, а в том, что эти исследования не систематизированы в тематическом и методологическом плане. Они не определены рамками масштабных исследовательских программ. Документы, которые организуют исследовательскую деятельность таких больших научных подразделений, как академия наук или университеты, нередко эклектичны и включают теоретически и методологически не согласующиеся между собой исследовательские

проекты. В свою очередь, более узкие тематические разработки, которые могут быть глубоко содержательными, редко встраиваются в реальную социальную или политическую практику и ориентированы сами на себя. В результате, исследования, проводимые в Беларуси, тематически не покрывают всех проблем и сфер знания. Если пробелы в исторических и культурологических изысканиях постепенно закрываются, то особенно остро чувствуется нехватка системных знаний о том, что связано с современностью и современными изменениями, с происходящей, хоть и очень медленно, трансформацией белорусского общества.

Последние два десятилетия Беларусь претерпевала попытки реформирования и трансформации, сходные с теми, что разворачивались в соседних странах. Однако результаты этих реформ в Беларуси не просто неудовлетворительны, но и иногда и противоположны тем, которые достигаются в странах с аналогичными стартовыми условиями. Существует много очевидных объяснений того, почему трансформация и реформы Беларуси проходит медленнее, чем в соседних странах или вовсе неуспешно. Аналитическая группа Агентства гуманитарных технологий² тоже предлагала свое видение этого. Однако, мы предполагаем, что неуспех трансформации и реформ в Беларуси имеет всего две причины. Первая — проекты и программы реформ плохо продуманы и подготовлены, вторая — мы просто очень плохо знаем свою страну. Мы —

это и те, кто разрабатывает и продумывает реформы, и те, кто их реализует, и те, кто обеспечивает проектировщиков и реализаторов реформ конкретными экспертными знаниями.

При всей очевидности связи между знаниями и действиями, в реформах, инновациях или проектах, реальное взаимодействие и согласование этих двух планов деятельности составляет особую проблему, проблему соорганизации знания и действия. И такая соорганизация требует специальных размышлений, определений и обоснований. Всякая исследовательская программа, претендующая на системность и практическую осмысленность должна решать эту проблему. Мы решаем ее в рамках программы культурной политики.

ПРОГРАММА КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

Культурная политика — это программа³, то есть особый способ соорганизации и разворачивания сложной деятельности, которая включает в себя совокупность процессов, позволяющих обеспечивать осмысленное, целенаправленное и рефлексивное реформирование и управление в социокультурных ситуациях. Она увязывает и организует связь мыслительных, в том числе исследовательских, и деятельностных процессов.

Культурная политика, как способ методологического осмысления, возникла

² Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — аналитическая группа образованная В.Мацкевичем в 1994 году, имевшая разные формы существования. С 2007 года АГТ представляет собой аналитическую группу в ОО Центр социальных инноваций.

³ Представления о программах и программной организации деятельности культурной политики основаны на разработках в рамках СМД-подхода: см. Наумов С. Представления о программах и программировании в контексте методологической работы. Кентавр, 1991, № 1, с. 31—46

почти случайно в конце 80-ых годов. Тогда Союз кинематографистов СССР, одним из первых вступивший на путь реформ, на волне перестроечного энтузиазма заказал методологам⁴ организационно-деятельностную игру, посвященную развитию национального кинематографа. Именно тогда началась концептуализация культурной политики. Под влиянием результатов прошедшей игры при Союзе кинематографистов была создана школа культурной политики и менеджеров культуры. Первоначально предполагалось, что она будет готовить менеджеров культуры, которые должны были проводить в жизнь новые реформаторские идеи, в том числе и в кинематографе в национальных республиках бывшего СССР. Собственно внедрение и распространение идей реформирования и стали называть культурной политикой. Но через несколько лет такое представление о культурной политике забылось, так как в условиях стремительных социальных изменений такая организация деятельности не имела перспектив. Изменения происходили быстрее, чем успевали готовить менеджеров перемен.

Однако на этом разработка и концептуализация культурной политики не закончилась. Методологи, проводившие игру, посвятили дальнейшей проработке концепции культурной политики серию своих семинаров, на которых были выдвинуты ее различные версии и трактовки. Со временем одна из таких версий оформилась в идеологию и программу Школы культурной политики, возглавляемая П.Г.Щедровицким

(Москва). Другая версия разрабатывалась и оформлялась В.Мацкевичем в Беларуси, исходя из тех вызовов и задач, которые стояли перед молодым независимым государством и продолжают быть актуальными для Беларуси. К 1994 году была сформулирована программа культурной политики Беларуси, которая реализуется уже на протяжении 14 лет⁵.

В чем же она состоит?

Одним из базовых оснований программы культурной политики являются представления, разработанные в рамках системомыследеятельностного подхода, о «жизни» норм культуры, тех эталонов, образцов, идей и концептов, в которых фиксируется все наработанные человечеством способы отношений с реальностью. «Жизнь» норм культуры, в самом общем смысле, может быть представлена в двух отношениях: трансляции и реализации. Нормы транслируются в пространстве культуры и реализуются в конкретных социальных ситуациях. Не вдаваясь в подробный разбор этой схемы, следует лишь отметить важный для программы культурной политики тезис: *всякая социокультурная ситуация, может быть понята и описана через нормы, которые в ней реализуются.*

По прошествии нескольких лет после обретения независимости ситуация в Беларуси виделась и осмыслялась следующим образом. К моменту распада Советского Союза в 1991 году ни у одного из действующих субъектов не было продуманных, четких и подготовленных схем, рецептов и вариантов действий. И сам распад

⁴ Московский методологический кружок, основанный и возглавляемый Георгием Петровичем Щедровицким, впоследствии перерос в методологическое движение, которое развивает системно-мыследеятельностный подход.

⁵ Мацкевич В. Думать Беларусь // Культурная политика. 1994. №0

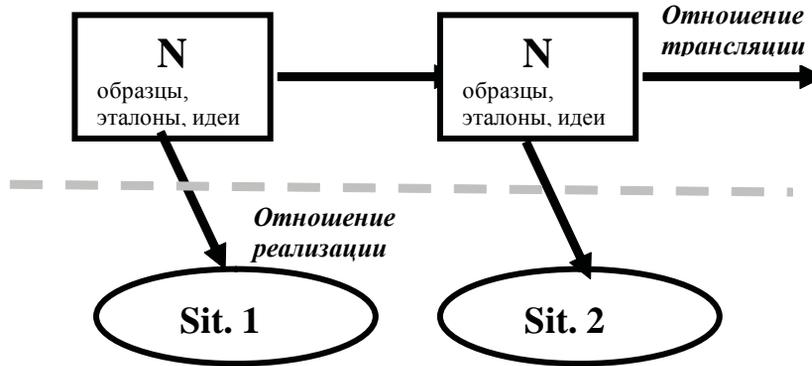

Рис.1 ПОДПИШИТЕ РИСУНОК

шел по тем лекалам, по которым был скроен Советский Союз, то есть по границам псевдогосударственных образований, которыми фактически являлись советские республики. Это было результатом сформулированной Сталиным и позднее реализованной национальной политики, и эта же норма, без пересмотра и осмысления, стала основанием для образования новых независимых государств. В том числе самостоятельной стала Беларусь, не имея всего того, что необходимо было для государственной независимости и самостоятельного существования. Ситуация 1 на схеме может быть описана комплексом норм, организующих всю жизнь и деятельность в СССР. А ситуация 2 — это ситуация каждой из получивших самостоятельность стран, образовавшихся на территории бывшего СССР. В нашем случае — ситуация суверенной Беларуси, и в ней должен был бы действовать другой комплекс норм или просто другие нормы, эталоны и образцы. Некоторые независимые государства (в первую очередь, страны Балтии) в короткое время изменили весь комплекс норм, эталонов

и образцов, а в Беларуси по-прежнему руководствовались комплексом советских норм.

К 1994 году налицо было несоответствие норм независимого государства, представлений о том, каким оно должно быть, и норм, которые из-за инертности культуры и массового сознания продолжали транслироваться и реализовываться. Эта инертность свойственна всем странам и культурам: даже в странах Балтии, решительно двигавшихся в Евросоюз и НАТО, еще долго руководствовались старыми нормами регулирования жизни и деятельности, но транслировали уже другие нормы, изучали их в системе образования и на практике. В Беларуси же старые нормы не только продолжали действовать и реализовываться, но и транслировались всей системой образования, хотя и декларировались на идеологическом уровне независимого государства. То, что заявлялось и декларировалось, и то, что имелось в реальности — очень сильно расходилось.

Поэтому очевидной становится задача приведения реальной ситуации в соответствие

с нормой независимого государства. Эта «простая» задача требует

- во-первых, заниматься изучением, теоретической критикой и комментированием представлений о суверенитете, государственности, нации и т.д.;
- во-вторых, транслировать эту норму — преподавать и рассказывать, как это должно быть устроено;
- в-третьих, реализовывать норму в конкретной социальной ситуации, то есть строить то, что есть в реальности в соответствии с идеальными представлениями о суверенитете и независимости.

В Беларуси, уже суверенной в течение нескольких лет, ничего подобного не происходило. Вместо того, чтобы заниматься приведением государственных структур и институтов к нормам суверенного государства, суверенным объявлялись те структуры и институты, которые были в наличии и руководствовались старыми нормами. Региональная администрация, заведомо неполноценная без союзного центра, предназначенная для управления территорией или провинцией большой империи, в одночасье становится национальным правительством. И никто не спрашивает, соответствует ли это «национальное» правительство норме независимого государства или нет? Может ли оно принять на себя всю полноту ответственности за страну? Ведь эта администрация была создана, а ее сотрудники были обучены, проводить на

данной территории волю и политику центра, который эту политику разрабатывал и вменял провинциальной администрации. Умений и компетенций реализовывать чужую волю, пусть даже хорошо справляясь с этим, заведомо недостаточно, чтобы самостоятельно управлять страной, вырабатывать собственную политику и проводить ее в жизнь. Правительство Республики Беларусь в 1991—94 годах не справлялось с управлением страной. Старые нормы, которыми это правительство руководствовалось, не срабатывали в новой ситуации, а новые нормы не транслировались и не изучались.

В результате осмысления сложившейся ситуации и задач, которые необходимо решать, были сформулированы два направления культурной политики.

Во-первых, культурная политика должна сосредоточиваться на процессе реализации норм⁶. И все институции и организации, которые есть в стране, должны проверяться на соответствие этим нормам. При обнаружении несоответствия он должны изменяться и приводиться в это соответствие.

Во-вторых, нужна специальная работа внутри самой ситуации, внутри пространства реализации, для того, чтобы изменять качество ситуации, готовить ее воспринять эту норму. Это работа по повышению качества материала для реализации необходимых норм. Все текущие задачи и решения, которые принимаются как на уровне страны, так и на уровне отдельных политических субъектов, должны переосмысливаться через представление о повышении качества материала

⁶ Пространство, где существуют нормы, образцы, идеалы — это пространство культуры. Поэтому приведение в соответствие этому пространству может называться культурной политикой.

Такая трактовка не совпадает с представлением о политике в области культуры. Культурная политика распространяется не на определенную сферу в жизни общества, которая как-то выделяется и очерчивается — кинематограф, изобразительное искусство, театр т.д.. Здесь культурная политика разрывает границы отрасли культуры и расширяется до политики вообще. Сферой приложения культурной политики становится все пространство социальных ситуаций, для которого действительна и политика как таковая. Различаются они по тому где, в каких пространствах, и *какая* работа ведется.

Культурная политика не ставит себе задачу бороться за власть как таковую. Но без власти нельзя выполнить поставленные задачи, нельзя реализовать норму, нельзя влиять на качество материала в ситуации. Культурная политика не может оставаться безразличной к власти.

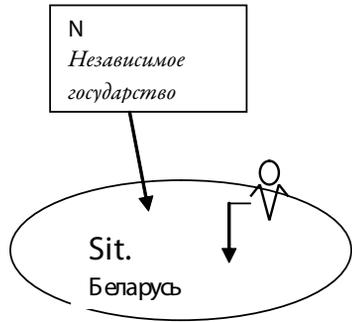
Культурная политика — это новая версия политики. Механизм политической власти становится лишь реализационным механизмом приведения реальности в соответствие с нормами и повышения качества материала этой реализации. При этом для культурного политика увеличивается число объектов, которые он должен удерживать как единое целое в мышлении и деятельности.

Традиционная политика осуществляется исходя из ситуации и в ситуации (*Рис. 2А*). Место президента, министра, партии — в пространстве реализаций. Чтобы осуществлять политическую власть, конкретный политик должен видеть всю ситуацию и воспринимать ее как целое, иначе он будет действовать неэффективно.

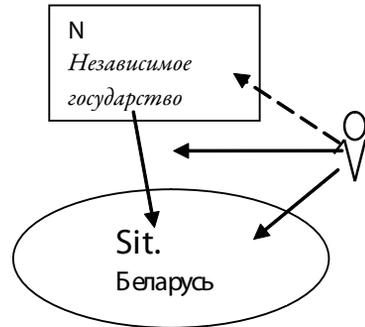
Место «непосредственного действия» культурного политика — тоже в ситуации (*Рис. 2В*). Но вот рефлексия требует охвата и пространства норм, образцов, идеалов (пространство культуры), и пространства реализации (ситуации). В деятельность культурного политика включена и работа с нормами, и деятельность по их реализации, и работа по повышению качества материала для обеспечения реализации норм. Таким образом, культурная политика требует удержания большего числа объектов и видов деятельности, а также связей между ними.

Культурная политика строится на основе программирования долговременных процессов, которые включают в себя работу как в пространстве культуры (где транслируются нормы, эталоны, образцы), так и в социальных ситуациях, и увязывают эти работы между собой. Так опыт реализации той или иной нормы, может давать основания для исследования и выводов относительно материала ситуации. Что, в свою очередь, может стать базой, с одной стороны, для анализа и критики норм и эталонов, а с другой, поставить задачи по разворачиванию деятельности и по улучшению материала (например, образование или внедрение технологий).

Даже самые простые программы требуют внимательного отношения к состоянию материала. Причем не только материала ситуации, о котором мы говорили выше. В отличие от техники и естественных наук, имеющих дело с природным материалом, культурная политика, как программа, имеет дело с материалом деятельности. Материал же деятельности описывается по-разному, но его очень трудно свести к чему-то одному, например, к людям или к знаниям, к средствам

А. Сфера деятельности и мышления политика

В. Сфера деятельности и мышления культурного политика

Рис.2 АВТОРЫ ПОДПИШИТЕ РИСУНОК

и ресурсам деятельности. Очень часто в менеджменте или в инновационной деятельности встречается редукция материала до какой-то одной субстанции. Кто-то работает только с людьми, кто-то со знаниями или ресурсами. Но целостный процесс все равно собирается из очень разнородного материала. Материал в реализации любой программы всегда гетероморфен, всегда представляет собой композицию из материала разных природ. Для реализации культурной политики в системном деятельностном подходе можно выделить несколько существенных пластов, слоев материала. Мы выделяем эти слои в соответствии со схемой воспроизводства деятельности и трансляции культуры (Рис.3):

1. Первый слой, это нормативный план, включающий: нормы, эталоны, образцы и прототипы деятельности. Это не только право, Конституция и законы, но и этика, нормативы и критерии оценки успешности и неуспешности деятельности, эталоны и образцы для подражания (например, Петр Машиеров, как образец для главы государства,

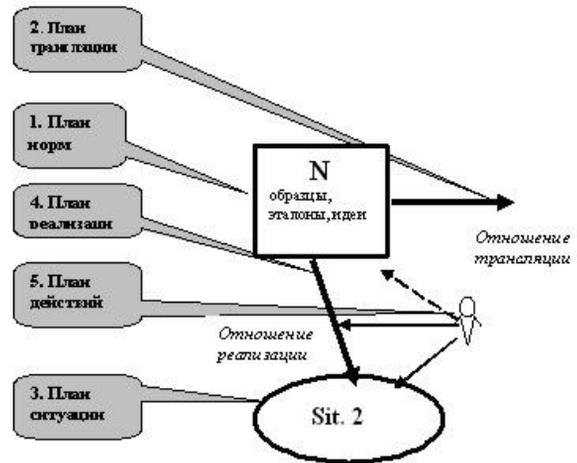

Рис.3 АВТОРЫ ПОДПИШИТЕ РИСУНОК

или Вацлав Гавел, для его оппонентов), мировоззрение, представления о современности, научные и идеологические концепции в различных областях деятельности, образ будущего для всей нации и для отдельных групп людей и т.д.

2. К нему примыкает план трансляции норм, эталонов, образцов и прототипов, который обеспечивает хранение и передачу знаний, умений и навыков. Сюда необходимо включать всю систему формализованного и неформального образования, СМИ, состав библиотек, доступность Интернета и его содержания при владении или невладении иностранными языками (функциональная грамотность населения), даже мобильность населения, при той или иной возможности выезжать за рубеж, замкнутость тех или иных социальных, этнических или конфессиональных групп, барьеры в распространении знаний и информации, и т.д.

3. Далее, план ситуации, в которой реализуются нормы. Это конкретное знание о жизни и деятельности людей: уровень, образ и качество жизни, проблемы, трудности, состояние дел, наличие средств и ресурсов, ценностей и ориентаций нации, отдельных групп и страт населения, а также мода и доминирующие тенденции в образе жизни людей, субъективные картины будущего для себя и детей и т.д.

4. План ситуации дополняется планом реализации норм. Сюда входят стратегии, программы и планы обустройства страны и ее отдельных областей и отраслей, концепции и программы реформ, реваншистские планы, планы регионального развития, даже планирование карьеры отдельных людей. Причем все это должно браться не в статике — в виде текстов или документов, а в динамике — по этапам реализации, с мониторингом и анализом сделанного или не сделанного.

5. Последним идет план действий или актов деятельности, который включает в себя позиции деятелей, материал и продукт или

результат деятельности, сами действия. Для государственных деятелей и политических субъектов может и должен описываться и анализироваться каждый шаг и предпринимаемые действия. Следует выделить состав ньюмейкеров — тех, кто привносит и реализует инновации в самых разных областях деятельности, в культуре, экономике, политике и т.д. Действия же большинства и различных меньшинств описываются социологической, политической и экономической аналитикой.

Для того, чтобы знать состояние материала необходимы исследования, причем исследования всех слоев. Результаты таких исследований становятся необходимым элементом разворачивания программы культурной политики. Однако эти исследования коренным образом отличаются от большинства исследований, проводимых в Беларуси, — научных в том числе. Это коренное отличие состоит в органичной включенности исследовательских задач и полученных результатов в практику реформирования социокультурной ситуации. Речь идет не об объективных знаниях об истинной природе вещей, а о знаниях о сопротивлении материала тем или иным действиям.

В несколько упрощенном виде исследование в программе культурной политики можно представить как исследование сопротивления материала, а точнее материалов различной природы. Материал сопротивляется изменению формы и стремится сохранить старую форму. Состояние переходности и трансформации в Беларуси продолжается уже почти 20 лет. Ни одна из реформ не признана успешной, процессы трансформации не доведены до положительных результатов, цели

не достигнуты. Такое положение дел во многом вызвано сопротивлением материала. Описываться это может по-разному. Например, утверждается, что некоторые реформы не успешны, поскольку не продуман план реализации, или ситуация не благоприятна, или исполнители не готовы. Т.е. обнаруживаются препятствия и затруднения в одном из перечисленных планов деятельности. Иногда говорят, что та или иная реформа или тот или иной замысел трансформации противоречат принятым в нашем обществе нормам и образцам деятельности. И все эти утверждения в той или иной степени справедливы, они имеют под собой серьезные основания. Но в культурно-политическом подходе они не могут быть оправданием отказа от реформ и трансформации. Ведь реформа в рамках культурной политики трактуется как комплексная работа, одновременная во всех планах: Нельзя изменить норму деятельности, не запустив в трансляцию (в частности в образовании) новую норму, новые эталоны и образцы деятельности; не продумав того, как они будут реализовываться, в том числе и заменяя собой старые нормы, эталоны и образцы; не учитывая сложившуюся ситуацию и воздействие на нее; не подготовив деятеля, включая в эту подготовку и знание о материале и продукте новой деятельности.

Поэтому в рамках культурной политики исследовательская составляющая занимает такое важное место, но исследования имеют несколько специфических особенностей.

Во-первых, методы изучения сопротивления материала гораздо более широки, нежели, в научных исследованиях, они включают в себя как традиционные виды сбора и анализа информации, так и

исследование действием⁷ и организационно-деятельностные игры.

Во-вторых, понятийный и категориальный аппарат исследований разрабатывается в соответствии с практическими задачами, чтобы лучше схватывать материал в рамках этой задачи. Поэтому полученные данные никогда не претендуют на полноту и исчерпываемость понимания того или иного феномена в отдельности, а обеспечивают рефлексию, системное согласование задач и действий, соотносении задач и действий с общими рамками методологических, теоретических и аксиологических оснований.

В-третьих, результаты исследования не рассматриваются как самоценность и конечный продукт. Они, включаясь в реализационные процессы, могут быть проблематизированы по всем пунктам: от интерпретаций эмпирических фактов до концептуальных схем понимания и анализа материала.

ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОГРАММЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследования в рамках культурной политики начались в 1993-94 годах. За это время видоизменялись, эволюционировали все компоненты исследовательской программы. Эти изменения определяются как внутренней логикой разворачивания программы, так и внешними воздействиями. Любая длительная программа становится историческим процессом, а действуя в исторических рамках нельзя игнорировать исторические принципы.

Одним из простейших исторических принципов является преемственность — все

последующее так или иначе вытекает из прошлого. Правда зависимость будущего от прошлого никогда не бывает простой и линейной.

И здесь вступает в действие еще один принцип, характеризующий историчность не как естественность, объективность и закономерность, а как сознательное целенаправленное движение. Действия исторических субъектов определяются не тем, что есть, но тем, что должно быть. И именно представление о том, что должно быть определяет видение настоящего. Мы смотрим на настоящее с точки зрения того, насколько оно содержит в себе элементы будущего, что в настоящем должно перейти в будущее, а что должно стать прошлым, т.е. перестать быть настоящим. Если мы сталкиваемся с анахронизмами и пережитками, мы относим их не к настоящему, а к прошлому, т.е. к тому, что не следует брать с собой в будущее. Точно так же, если мы видим в настоящем элементы желаемого будущего, то именно о них мы проявляем особую заботу, чтобы из этих элементов собрать в будущем нечто цельное и жизнеспособное. Однако, разные люди видят будущее по-разному, и поэтому по-разному относятся к настоящему. Например, кто-то может считать колхозы анахронизмом и пережитком, тем, что следует оставить в прошлом, а развивать и поощрять фермерство как элемент будущего в настоящем. А оппоненты, напротив, видя слабость и малочисленность фермеров в Беларуси, предполагают, что будущее за колхозами, и предпринимают все, чтобы их

реанимировать и укреплять, в том числе и за счет отъёма ресурсов у фермеров. И те, и другие могут знать статистику соотношения фермерских хозяйств и колхозов, производительность труда, но по-разному эти знания истолковывают. По-разному же относятся и к программным предложениям, например, к восстановлению частной собственности на землю. Для сторонников колхозов частная собственность нечто ненастоящее, анахронизм начала XX века. И наоборот, для их оппонентов анахронизмом представляется государственная собственность на землю. Те и другие имеют разное прошлое, хотя и те, и другие апеллируют к истории, как к чему-то общему.

Напротив, у нас скорее общая история в будущем, которое будет результатом наших совместных усилий. Усилий, потраченных на бесплодную борьбу в попытках навязать друг другу свое видение будущего либо направленных на диалог, поиск компромиссов и конструктивную работу. В первом случае, будущее хоть и будет общим, но не будет устраивать какую-то часть общества, т.к. будет ущемлять их интересы. Во втором случае, придется отказываться не от приближения общего будущего, а только от каких-то представлений о будущем, от части своих идеалов. Хотя людям порой труднее отказываться от реальности, чем от представлений и идеалов.

Исторический характер программы культурной политики означает, что каждый новый этап нашей работы хоть и вытекает из предыдущего, но может быть понят только

⁷ К методу исследования действием более подробно мы обратимся ниже, а про исследовательские возможности ОДИ см. Егоров А., Водолажская Т. Организационно-деятельностные игры. Популярное введение. Минск, 2007; Ягораў А. Арганізацыйна-дзейнасная гра як метада паліталагічнага даследавання і ўзаемадзяння // Палітычная сфера. 2006. №5. С.102-109.

как схождение нескольких программных линий и рефлексивный, осознанный переход к новым проблемам и объектам.

К началу 2007 года программа культурной политики сосредоточивалась на нескольких направлениях. Главными из них были:

- работа по исследованию и развитию сообществ;
- исследование, организация и управление общественными движениями и инициативами;
- организационное развитие в третьем секторе;
- становление и развитие белорусской идентичности;
- гражданское образование⁸.

Весьма скромные ресурсы, которыми располагала исследовательская группа, требовали сосредоточиться и свести разбегающиеся программные направления к нескольким обозримым и управляемым линиям. Такое сведение стало возможным благодаря пониманию, что все те проблемы, которыми мы занимаемся, являются компонентами городской культуры и цивилизации.

Это понимание возникло не сразу. Одно из направлений нашей деятельности было связано с развитием агротуризма и необходимой для этого работы с местными сельскими сообществами. По мере накопленных знаний и опыта все очевиднее становилось, в каком катастрофическом состоянии находятся сельские и все остальные сообщества в Беларуси. Проблема развития сообществ была переформулирована нами

как проблема их возрождения, или создания заново⁹. При этом мы понимали, что она не может быть решена в локальном варианте: развитие или возрождение сообществ в отдельно взятой деревне или городе невозможно. Восстановление сообществ требует их взаимодействия, как реальных субъектов социального и политического пространства. Иначе они становятся просто кругом близких и интересных друг другу людей, но не имеют никакого социального смысла и значения.

Очевидно, что на сельской территории если и могло бы складываться местное сообщество, то только одно, а сосуществование и взаимодействие сообществ — это явление характерное для города. Более того, само существование сельских сообществ и вообще сообществ как формы социальной организации в обозримой исторической перспективе связано с нормами городской цивилизации и городской жизни. Поэтому наше внимание постепенно сместилось от самих сообществ, как объекта исследования и действия, к городскому устройству жизни, как тому пространству или среде, которая обеспечивает возможность сосуществования и взаимодействия нескольких сообществ. Города стали объектом нашего пристального внимания и интереса. Но даже работая в столице, мы сталкиваемся здесь с явлениями характерными не столько для города, сколько для неких иных типов поселений. Расхожие утверждения о Беларуси как о сельской нации нас не устраивают. Мы не можем признать образ жизни, способы деятельности и существования нескольких поколений

⁸ Наиболее полно деятельность в рамках культурной политики в последние годы отражена на сайте АГТ www.methodology.by

⁹ Мацкевич В. Водлажская Т. Становление и развитие сообществ. Минск, 2007.

столичных жителей сельскими или соответствующими нормам сельской жизни. Это что-то иное, не объяснимое ни в представлениях о городской, ни в представлениях о сельской жизни. Для этого у нас пока нет приемлемых категорий. Обнаруженное отсутствие не только необходимых нам знаний, но и инструментов для того, чтобы получить эти знания, стало одной из линий в постановке исследовательских проблем.

В то же время, с другой стороны, разбираясь с проблемами гражданского образования и организацией общественных движений в Беларуси, мы понимали, что современная гражданственность имеет исторические корни и связана с трансляцией и реализацией норм городской культуры. Мы сталкивались с различными формами организации общественной жизни в белорусских поселениях, которые в нормы городской жизни не укладывались. Объяснения этих форм через «мимикрию» и «имитацию» могут быть приемлемыми, пока нет необходимости действовать. А чтобы действовать, следует понимать то, с чем имеешь дело. И «негативные» определения здесь оказываются мало эффективными.

Рефлектируя таким образом свою работу по разным направлениям, мы всякий раз выходили на проблему определения и типологизации тех поселений, из которых складывается Беларусь. Понимая важность реализации в Беларуси нормы городской культуры, мы также понимаем, что к сегодняшнему дню в нашей стране сложилась и реализуется какая-то иная норма. Наша задача состоит в том, чтобы разобраться с ней, исследовать возможности разнообразного материала по отношению к

реализации нормы городской культуры и понять, каким образом возможно приведение реальности нашей жизни в соответствие представлениями о городском устройстве. Но прежде чем обращаться к анализу материала в ситуации, следует разобраться с самой нормой города и городской культуры, поскольку они также являются объектом исследования в рамках культурной политики.

Поселения или населенные пункты в Беларуси официально могут носить несколько наименований: деревни, села, поселки городского типа, города и т.д. Сами города тоже различаются. В зависимости от задач их делят на малые, средние и большие или на города районного, областного или республиканского подчинения и т.д. Самый крупный город в Беларуси — столица — стремительно приближается к демографическому порогу 2-ух миллионов жителей. Самый маленький город — Дисна — насчитывает не многим более двух тысяч. Разница в численности населения между ними почти в 100 раз. Почему же мы называем и Минск, и Дисну городами? Есть ли у этого отнесения таких разных поселений к одному и тому же типу, хоть какие-то рациональные основания?

С одной стороны, нас может интересовать, что есть общего между Дисной и Минском, чтобы и то, и другое называть городом. А с другой стороны, можно задаться вопросом, а являются ли Минск и Дисна городами? Пытаясь отвечать на эти вопросы, мы пытаемся разобраться и с понятием города и с идеей города.

В первом вопросе мы апеллируем к некоторому *понятию или определению* того, что есть город. Понятие можно упростить до предела и договориться считать городом

всякое поселение, насчитывающее число жителей свыше некоторого значения. Но тогда мы сталкиваемся с тем, что в Беларуси существуют сельские поселения, превышающие по численности Дисну в несколько раз. Например, деревня Ольшаны Брестской области насчитывает 7 тысяч жителей. Административные, архитектурные, градостроительные нормы используют более сложные понятия и определения. Любые понятия и определения фиксируют некоторый набор характеристик, которые приписываются «городу» в той или иной ситуации, для решения тех или иных задач. Соответственно все они применимы в ограниченной сфере, и могут противоречить друг другу и уж тем более не позволяют отвечать на второй вопрос. Он апеллирует не к какому-то ситуативному отраслевому или конвенциональному определению города. А к *иде* города. Мы можем договориться, проголосовать и утвердить в вышестоящих инстанциях некое определение и сделать его отраслевым или дисциплинарным понятием, которое будет применимым в своих практических рамках. Но все равно остается открытым вопрос о том, что есть город.

Понятия и определения города изменчивы и всегда привязаны к историческим социокультурным ситуациям. Каждое сколь-нибудь серьезное исследование городов фиксирует эту историческую изменчивость и очевидные различия городов в разных странах и в разные времена. История появления и изменения городов, а вместе с ними формулирования и переформулирования понятия «город» достаточно хорошо описаны в исторических изысканиях. Можно проследить, как складывались города в результате действия

экономических, политических и социальных процессов. Они меняли свой облик, усложняли принципы, по которым складывалась в них жизнь. Во всякой социокультурной ситуации оформлялись свои понятия и определения, которые закреплялись, прежде всего, в практических документах описывающих и регулирующих городскую жизнь.

Когда-то ироничный Диоген шутил над афинянами, что, собираясь на войну, они могут проголосовать на народном собрании за то, чтобы считать ослов лошадьми, хотя это вряд ли поможет им выиграть войну. От того, что административные или какие-либо другие органы из каких-то соображений объявят некое поселение городом, оно таковым сразу не станет. Даже на обыденном уровне, понятно, что после такого объявления с поселением необходимо что-то сделать. Необходимо придать поселению вид и характер города. Иногда достаточно видимых материальных изменений, но в рамках культурной политики нас интересует некоторые другие характеристики. В древние времена городом могло считаться поселение, обнесенное стенами. Во времена распространения Магдебургского права в городе необходимо было построить ратушу. Но даже тогда было очевидно, что не стены ратуши и не крепостные стены делают город городом, а то, что происходит и осуществляется внутри этих стен. В стенах города течет иная жизнь, чем снаружи. В стенах ратуши, принимаются какие-то решения и непременно эти решения принимаются оговоренным способом. Поэтому понятие города должно содержать в себе критерии организации городской жизни, которая делает город городом.

С развитием цивилизации понятие города усложнялось. Современные понятия формулируются не одним предложением, они предстают в виде длинных документов, называющиеся уставом города или городским правом или как-то иначе. И каждое из таких понятий утверждает или постулирует отличие города от того, что городом не является. Поэтому каждое из понятий тем или иным образом отражает идею города. Но как бы они не отражали эту идею, она по-прежнему остается трудноуловимой и плохо сформулированной. Необходимость схватывания и формулирования некой идеи города возникает значительно позже появления самих городов.

В большинстве практических ситуаций людям, институтам, учреждениям вполне достаточно операциональных понятий города. А к идее города люди обращаются только в особых ситуациях. Либо тогда когда возникает угроза правам, свободам, всему городскому образу жизни, со стороны внешних сил или накопившихся внутренних противоречий. Либо в ситуациях развития, когда горожане стремятся вывести свой город на некий новый уровень или реализовать какие-то идеалы.

До поры до времени изменения понятия города и форм городского устройства, подчиняющиеся практическим задачам и внешним тенденциям, не создавало рефлексивных ситуаций. Пока с ходом времени не складывается некое особое содержание и смысл городской жизни, которое становится ценным само по себе, как принцип. И угроза утраты этого особого смысла становится толчком, для того, чтобы попытаться сформулировать этот смысл, сформулировать идею города как такового.

Не претендуя на историческую точность, можно предположить, что впервые попытки осмыслить и сформулировать идею города были сделаны во времена, когда уже сформированное и широко распространенное в Европе городское устройство (где города выступали самостоятельными субъектами), стало переноситься на устройство государств. Тогда возникла задача осмысления и описания того особого городского образа жизни как идеала, который обеспечивает этот статус городов и может быть инвариантом, в отличие от исторических сменяемых понятий городов. Можно сказать, что с этой ситуации европейская цивилизация начала становиться городской цивилизацией, так как дальнейший путь развития европейских политических и социальных институтов уже не обходился без идеи города.

С тех пор соотношение представлений, заложенных в понятие и оформленных в уставах городов или законах, с идеей города или идеалами горожан становится актуальным. Конкретное понятие или определение города, которое как норма реализуется в конкретной социальной ситуации и включает в себя идею города и рассогласовано с ней. Идея города сама по себе не может быть реализована даже при самых оптимальных условиях. Она лишь то, что может служить ориентиром для работы с понятиями и определениями города, она и возникает в ситуации критики и рефлексии. Рассогласованность конкретного реализующегося понятия с идеей города в обыденных ситуациях вполне устраивает людей. Но в определенных случаях это несогласование становится предметом

изменения. Требуется новое согласование и новое понятие. Именно в таких ситуациях исследователи, политики, специалисты по градостроительству или планированию городов, начинают отстаивать идею города, показывая несоответствие устаревших понятий и представлений этой идеи. Именно в таких ситуациях рефлектируется отличие города от не города и обнаруживаются противоречия и недостатки в имеющихся понятиях, законах и уставах.

В борьбе с угрозой городскому образу жизни или в ситуациях развития, прежде всего, формулируются представления о том, что не является городом. Люди начинают осознавать, что они живут не в городах, а в гарнизонах, слободах или придатках к промышленным предприятиям (рабочих слободах), начинается критика правил и законов, по которым организован не-город и борьба за введение и установление иных норм и законов, правил, организующих жизнь в поселении.

Поселения растут и совершенствуются под воздействием природных, хозяйственных, демографических факторов, а городами они становятся (или не становятся) в политической или культурно-политической действительности. Тогда стихийный, неуправляемый рост поселения становится предметом контроля и заботы со стороны тех, кто принимает на себя ответственность за судьбу этого поселения, за совместную жизнь людей и за ведение этими людьми общих дел. Но мало принять на себя ответственность, необходимо еще иметь политическую волю, реализовать идеалы и знание того, как эти идеалы могут быть реализованы в конкретной ситуации. Стихийно возникающие поселения

становятся городами в процессе политического волеизъявления. Но тогда вопрос упирается в субъект этой политической воли. Перефразируя шекспировского Мальволио, можно сказать, что одни поселения добиваются статуса города, а другим поселениям этот статус присваивается. В качестве примера последнего можно вспомнить историю Великого Княжества Литовского, когда великий князь даровал некоторым поселениям Магдебургское право.

Можно предположить, что эти два способа (по Мальволио) проявления политической воли являются двумя разными способами учреждения города. В одном случае воля исходит от жителей, а в другом от внешнего источника власти. Однако с точки зрения культурной политики и при апелляции к идее города следует признать такое предположение иллюзорным. Мы утверждаем, что политическая воля, превращающая поселение в город может исходить только от его жителей. Великий князь может даровать закон и ввести Магдебургское право, но после этого проходит достаточно большой период времени, пока горожане научатся реализовывать это право и городское сообщество станет политическим субъектом.

Занимаясь культурной политикой, мы определяем ситуацию в Беларуси как ситуацию развития, которая требует восстановления идеи города, рефлексии существующих понятий, исследования ситуации реализации этой идеи и формулирования современного понятия города, оформленного как программа деятельности по их развитию и становлению современных белорусских поселений городами.

«Идея города»

Мы не беремся сформулировать идею города в таком виде, чтобы она устраивала всех и каждого. Мы лишь укажем на несколько составляющих, на которые мы ориентируемся, включая белорусские города в объект культурной политики и начиная их исследование.

Идея города не мыслима без прав и свобод горожан и без организованного ими самоуправления. Понятно, что не бывает бесконечных прав и ничем не ограниченных свобод. Понятно, что самоуправление всегда ограничено рядом компромиссов с другими политическими субъектами. Можно иметь те или иные права, пользоваться большей или меньшей свободой и самоуправляться в рамках оговоренных полномочий. Права, свободы и самоуправление, если они реализуются, то они всегда ограничены. Иное дело, когда они вообще не реализуются. Речь здесь идет не обо всех правах, а только и исключительно о политических правах или о правомочности города как политического субъекта, который реализуется в городском самоуправлении, когда сообщество городских жителей становится субъектом управления (т.е. политическим субъектом). Эта составляющая позволяет отличать город от сопоставимых с ним по численности населения или по хозяйственному и экономическому потенциалу других поселений, не являющихся городами.

В современных демократических государствах — где городские нормы и

идеалы стали прототипами норм и устройства гражданского общества, где сложилась гражданская нация, а права и свободы граждан, включая участие в самоуправлении, распространены на всех граждан без исключения, — это различие недостаточно. В истории существовали периоды, когда по критерию самоуправляемости или политической субъектности можно было провести границу между сельскими и городскими жителями. Для современной гражданской нации такое различие не актуально. Этот критерий действует только для отделения поселений, которые созданы под решение какой-то задачи и не предполагают наличие самоуправления — военные гарнизоны и т.п. А в Беларуси и в других странах, где не сложилось гражданское общество, этот критерий сохраняет свою различительную силу и актуальность.

На протяжении последних столетий (с конца 19 века) можно наблюдать распространение европейских норм организации жизни и деятельности по всему миру. Распространяются и заимствуются принципы и нормы гражданственности в форме приведения законов к общеевропейским стандартам. В частности, законодательно закрепляются право на самоуправление. И здесь уместно вспомнить о политической субъектности и правомочности. Практика такой европеизации показывает, что пожалованные или дарованные сверху или извне демократия, права, свободы и самоуправление либо не приживаются, либо симулируются. Нельзя

¹⁰ Сегодня проблема наличия самоуправления, городских прав и свобод нередко сводится к отсутствию соответствующей законодательной базы. Это указание, несомненно, оправданно. Неоправданна лишь иллюзия, что при приведении в соответствие законодателя

даровать свободу тому, кто в ней не нуждается. Нельзя вменить самоуправление тому, кто не является субъектом¹⁰. Но тогда, становится понятным, что в идею города необходимо добавить еще одну трудно формулируемую составляющую, которая позволила бы понимать, почему и когда дарованные права, свободы и самоуправление становятся реальностью, когда законодательное авансирование приводит в конечном итоге к реальному самоуправлению, а когда оно на долгие годы сохраняется как имитация и симуляция.

Мы полагаем, что эта составляющая метафорично выражена в известной фразе Аристотеля, что «город — это единство непохожих». Для нас она схватывается категориями «качество и образ жизни¹¹». Чтобы была возможность зафиксировать непохожесть, она должна не только проявляться в человеческой индивидуальности, но и оформляться и публично предъявляться как образ жизни. Многообразие образов жизни и их согласование образует собственно городскую среду и городскую культуру. Поэтому, говоря о качестве жизни мы увязываем его не с теми или иными характеристика потребления, а с возможностью вести тот или иной образ жизни. Качество жизни рассматривается нами как такая характеристика, которая задает свободу выбора и возможность реализации любого избранного образа жизни. Качество жизни предполагает, во-первых, наличие экспозиции, веера возможных образов жизни, а во-вторых, обеспечение возможности их реализации, а

также условия для диалога и согласования разных образов жизни.

Итак, идея города для нас неразрывно связана со степенью разнообразия образов жизни, необходимостью их публичного проявления и согласования, нахождения компромиссов без нивелирования этого разнообразия. Это собственно и порождает необходимость политики в городе, как искусства ведения общих дел.

ЭКСПЕДИЦИИ В МАЛЫЕ ГОРОДА БЕЛАРУСИ

Итак, разворачивание программы культурной политики привело к необходимости организации экспедиций в малые города. Смысл и цель этих экспедиций состоит в том, чтобы разобраться, по каким нормам и принципам организована жизнь в беларуских поселениях. Насколько близка она к тем представлениям о городской культуре и городском устройстве, идее города, на которые мы ориентируемся в культурной политике? Каковы должны быть усилия и ресурсы, чтобы привести имеющийся материал в соответствие нормам городской культуры?

Мы не строим иллюзий, что знания, полученные в этих экспедициях, могут дать полные и исчерпывающие ответы на эти вопросы. Во-первых, мы всегда ограничены в собственных ресурсах, которые во многом определяют и охват, и полноту исследовательских действий. Во-вторых, исследования в культурной политике не призваны давать окончательных ответов.

¹¹ Анализ этих категорий и попытка понятийной работы проделана в книге Мацкевич В., Водолажская Т. Качество и образ жизни в Беларуси: эволюция и возможности трансформации. Минск, 2008. тельных документов решится проблема отсутствия самоуправления.

Начиная программу экспедиций, мы ставили задачу понимания, схватывания сути ситуации там, где, по нашему мнению наиболее виден и доступен для изучения материал, с которым имеет дело культурная политика. Поэтому мы пытались реализовать несколько принципов.

Сосредоточивать свое внимание на том, что лежит за пределами традиционного интереса к малым городам, который обычно обращен к архитектурному и историческому наследию, статистическим показателям, экономическим и социологическим данным..

Искать и разбираться с такого рода проявлениями, которые могли бы отразить имеющиеся образы жизни и возможности их реализации в малых городах.

Избегать скорых объяснений всего того, с чем мы встречаемся.

Исходя из этих принципов, мы строили программу экспедиций, рассчитанную на 2-3 дня. В каждом городе мы:

Намечали места в городе, где мы рассчитывали встретить проявления различных образов жизни. Среди таких мест могли быть музеи, дома культуры, церкви и костелы, места отдыха, мастерские, клубы и т.д.

Обходя и посещая намеченные места, мы искали людей, чей образ жизни, так или иначе, включает в себя функциональное использование этих мест (читатели, театралы, торговцы, верующие), или наиболее ярких представителей образов жизни, профессионально связанных с этими местами (работники культуры, библиотекари, пастыри и т.д.).

Мы исследовали городскую среду и инфраструктуру на наличие признаков, свидетельствующих о присутствии в поселении образов жизни, отличающихся от наиболее распространенных и традиционных, выделяющихся из общей массы.

Выясняли основные виды занятий местных жителей в соответствии с обнаруженными образами жизни, выясняли способы и виды употребления свободного времени.

Искали и исследовали места, способы и интенсивность коммуникаций и пересечений различных образов жизни.

Мы собирали мнения представителей различных образов жизни о развитии и изменениях их поселения и об их собственных планах на будущее.

Изучали программы развития, которые реализуются в поселении.

Выясняли степень участия граждан в определении программ развития их поселения, вовлеченность их в реализацию этих программ, а также степень влияния местных властей и местного сообщества на реализацию их собственных планов.

Выясняли наличие заинтересованности местных жителей в инновационных идеях и инициативах, которые становятся нам известными или которые мы сами можем им предложить, исходя из наших возможностей. Старались оценить и понять их реакцию на эти предложения.

Но этого все равно мало для того, чтобы проникнуть в суть ситуации. Перед тем как мы начали ездить в экспедиции, у нас были сомнения: увидим ли мы, что жизнь в малых городах Беларуси различается, столкнемся ли с тем, что никакой разницы между городами нет. И сбор даже самой полной информации, не позволяет дать точный ответ на вопрос реализации городской жизни в каждом конкретном поселении. Нужно было сделать ряд действий в этих городах, получить реакцию горожан и по ней понять различия.

Для этого использовался специфический метод культурной политики — «исследование

действием¹²». Имея некоторые представления о том, что есть норма города, мы приезжали и пробовали произвести в нем действие как в городе — и получали реакцию на это действие, а уже по реакции судили, какая норма реализуется в устройстве жизни этого поселения. Обычно таким действием является предложение проведения какого-нибудь мероприятия, преимущественно небольшого, но имеющего характер городского события. Мы искали людей, которые могли бы включиться в его организацию и реализацию, и начинали вместе с ними разворачивать подготовку.

В городах должна быть система согласования интересов, согласования подходов и действий. В таком событии

маленький город должен участвовать практически целиком. И на принятии решений и организации деятельности по его организации высвечивается вся внутригородская политика. Некоторые поселения, которые зовутся городами, как-то функционируют, как-то живут, но они не могут предпринять никаких действий, выходящих за пределы нормы организации тех поселений, не подвергающейся осмыслению. И разобраться с этой нормой нам также предстоит в ходе экспедиций и в ходе анализа полученных материалов.

*Владимир Мацкевич,
Татьяна Водолажская*

¹² Об исследовании действием см. Мацкевич В., Водолажская Т. Становление и развитие сообществ. — Минск, 2007.

МАЛЫЕ ГОРОДА: ОТЧЕТЫ ПО ЭКСПЕДИЦИЯМ

За 2007-2008 годы в своих экспедициях мы посетили 18 городов. Понимая ограниченность наших возможностей и выбирая, какие из городов посетить, мы ориентировались сразу на несколько критериев

- наличие неформализованных инициатив (людей и групп), фактов проявления самоорганизации и активности, авторитетных, неформальных лидеров или людей, увлеченных реализацией своих идей;
- наличие и потенциальная возможность налаживания контактов с людьми из различных сфер для наиболее широкого исследовательского охвата;
- социологические и статистические факты, выделяющие данный город, среди других городов региона (высокая безработица, высокая концентрация религиозных общин, высокий уровень оппозиционных настроений и т.д.);
- административно-территориальное положение, влияющие на образ жизни (охват территории страны, близость/удаленность от крупных городов, близость/удаленность от транспортных магистралей, наличие предприятий и т.д.).

В итоге наш выбор пал на следующие малые города:

Береза, Мстиславль, Верхнедвинск, Ганцевичи, Щучин, Туров, Кличев, Брагин, Столин, Давид-Городок, Глубокое, Сморгонь, Ивье, Дисна, Чаусы, Каменец, Поставы, Лепель

В этом разделе мы представляем отчеты по экспедициям. Мы специально не задавали для них жесткой формы, поскольку и сам метод исследования предполагал скорее понимание и опыт проживания и взаимодействия в городе, чем сбор объективных данных. В отчетах можно проследить не только индивидуальное восприятие городов членами экспедиций, но и эволюцию способов понимания и попыток объяснения.

Береза

11-12 марта 2007 года

Общие впечатления

Довольно средний по благоустройству город. Центральные улицы относительно чистые, но во дворах — улицы с давно раскучеренным асфальтным покрытием или выбоинами, лужи, грязь.

Старых (до 1950–60-гг.) построек практически не сохранилось. Многоэтажные дома разных лет и одноэтажные деревянные постройки соседствуют друг с другом, т.е. генерального плана застройки города, видимо, не было. Есть так называемый «Северный городок», построенный немцами в 1989—1995 гг. как жилье для военнослужащих и их семей, выводимых из Восточной Германии. Дома в основном пятиэтажные, большой частный сектор, который занимает большую часть городской площади. Есть улица, застроенная коттеджами. Город растет, строятся новые дома, но нельзя сказать, что идет «строительный бум». Фасады жилых домов не ремонтировались довольно давно (видимо с начала 90-х). Частный сектор неоднородный — деревянные дома (и вполне добротные, и очень обветшалые), кирпичные постройки и внушительные коттеджи (один дом мы даже приняли за протестантскую церковь).

Центральная улица — улица Ленина (пересекает весь город), непосредственно на ней (и поблизости) расположено большинство адми-

нистративных зданий, магазинов, кафе, торговых мини-павильонов, кинотеатр, Городской дом культуры (ГДК), поликлиника, автовокзал и т.п. Окрестности площади Ленина выглядят не очень презентабельно, постройки старые (годов 70-х). С правой стороны от площади ведутся какие-то ремонтные работы, все захлавлено. Из всех административных зданий новое только одно — здание, в котором расположены суд и прокуратура.

В городе достаточно много пандусов для передвижения инвалидов, все светофоры оборудованы звуковыми сигналами.

Мобильность и транспорт

Местные жители передвигаются пешком и на старых, еще советского времени, велосипедах. Ходят городские автобусы: около семи маршрутов (автобусы — ЛАЗ, ПАЗ). Автопарк: в основном иномарки, как правило — дешевые и в «возрасте», новых автомобилей мало (заметили «шкода», тюнингованную «Волгу»), дорогих авто не видели.

Междугородние автобусные маршруты — на Минск, Барановичи, Брест — 1-2 раза в день. Гораздо больше пригородных автобусов, обеспечивающих связь с окрестными деревнями. Сама автостанция достаточно потрепанная, с асфальтом проблемы, зато внутри есть камеры хранения и в большом количестве. По словам местного жителя, маршрутки особого распространения не имеют, навскидку назвал один маршрут (кажется, Ивацевичи).

В городе две железнодорожные станции — Береза-Картузская и Береза-Город. По визуальным наблюдениям, народ достаточно активно перемещается за пределы города — в понедельник утром и на железнодорожной станции, и на автостанции большое количество людей.

Торговля и бизнес

В городе два рынка. Один в центре — вещевой и продовольственный, другой в Северном городке. В воскресенье в 11:00 центральный рынок полупустой. Ассортимент продовольствия довольно хороший, вещевой рынок, напротив, — бедный. Кроме того, есть ларьки с ширпотребом: косметика, средства гигиены, музыкальные диски и кассеты (в основном попса). Второй рынок достаточно большой по площади, причем торговыми рядами занят примерно на треть. Что там продается в торговые дни — неизвестно. Судя по надписи на стене рынка «Продажа с машин», существует какая-то «приезжающая» торговля, но так ли это — мы не выяснили. Кроме того, на рынке расположен ряд мини-магазинов («Мир меха», «Мир кожи», «Автозапчасти» и т.д.), штук 7-8.

Деловая активность, бизнес присутствуют, но в целом — мелкие, скрытые. На рынке и по центральным улицам — комплексы ролетов с частными ларьками и мини-магазинчиками, в секторе многоэтажной застройки — продуктовые ларьки, практически в каждом квартале. Вообще в городе очень много продуктовых мини-магазинов и ларьков, где есть в ассортименте продукты повседневного спроса (макаронны, растительное масло, консервы, колбасы, сыры и т.п.). Есть ларьки с автозапчастями. Есть частники, занимающиеся ремонтом автомобилей. Много компьютерных магазинов (4 или 5; тех, кто занимается таким бизнесом на дому — еще больше), компьютерщики торгуют в основном б/у техникой и возят компьютеры на заказ. Бизнес не обязательно местный, березовский. Как правило, владельцы держат несколько ларьков (торговых «точек») по всему району, есть филиалы брестских фирм.

В названиях магазинов часто встречается слово «мир»: «Мир кожи», «Мясной мир» (бренд

местного Березовского мясокомбината), «Книжный мир», «Компьютерный мир», или знак «+», например: «Хороший плюс», «Инициатива +». Вывески с названиями мини-магазинов стандартизованные, возможно изготавливаются каким-то местным «дизайнером».

Есть секондхенды, магазин бытовой техники, универсам (государственный). В универсаме продается одежда, бытовая техника, обувь, посуда, электроприборы — все в пределах средней ценовой категории, выбор небольшой. На входе несмывающейся краской — объявление о скидках на обувь.

Услуги: парикмахерские, бытовые услуги, магазинчики и салончики сотовой связи (Velcom, МТС), фотоуслуги (фотографии со свадеб).

Книжных магазинов — 3 (может и больше). Выбор книг: детская литература, школьная литература, книги для поступающих, учебники (не много, видимо для заочников), книги типа «помоги себе сам», «сад и огород», «детективы» (Устинова, Маринина) и «фэнтези», парочка современных российских авторов (Пелевин и проч.), белорусская литература (Короткевич, Быков), несколько подарочно-альбомных изданий. Ничего экстраординарного и особо интеллектуального нет.

На что люди тратят деньги: в городе нет хорошего магазина с одеждой, на рынке ассортимент одежды бедный, магазин бытовой техники — один, правда, есть мебельные магазины. Возможно, дорогие вещи покупаются на заказ, через объявления. Так продаются холодильники, пылесосы и т.п., пригоняются автомобили из Германии.

Инфраструктура — социальная и не только

В службе занятости висит список вакансий. Требуются рабочие строительных специаль-

ностей, инженеры, очень много врачей (более 10-ти), инженер-программист в РОВД, следовательно в РОВД, бухгалтеры. Вакансий учителей и преподавателей нет. Средние оклады — 300-400 тысяч рублей. Максимальные — 600-700 тысяч (инженер-программист).

Есть курсы для лиц с начальным, средним и высшим образованием. С высшим образованием переподготавливают на юристов и экономистов.

Живут люди преимущественно с зарплатами, работая на крупных местных предприятиях. Проблемы с трудоустройством в городе «гендерно окрашенные», женщины устраиваются и на мало оплачиваемую тяжелую работу (вроде отделения мяса креветок от панцирей в г. Ивацевичи, кстати, работает там не так мало людей, человек 200). По поводу дополнительных заработков у разных людей разные представления. Так, работники социального сектора утверждали, что мужчины ездят на сезонные заработки в Россино (а вообще город живет довольно скромно), тогда как в другие (менеджеры образования, местный предприниматель) утверждали, что г. Береза — «скрыто богатый», поэтому цены тут выше, а люди «крутятся», делают мелкий бизнес, ездят в Польшу (челночат).

Здание районной больницы сравнительно новое, в хорошем состоянии, большое. Территория возле больницы благоустроена (аккуратные дорожки, тротуары и т.п.). Внутри висят планы ввода медучреждений (ФАПы и др.) в строящихся агрогородках района до 2010 года (спрос на врачей связан именно с этим).

Березовский территориальный центр социального обслуживания населения: здание старое, но после хорошего ремонта. Ведут социальную работу с инвалидами: уход, реабилитация, трудоустройство, кружки, выезды на отдых, концерты. Несколько месяцев назад в

Красных казармах открыли центр, где инвалиды могут работать (делают сувениры), в настоящее время там работают 8 человек, могло бы работать больше, но у центра нет автомобиля, чтобы доставлять инвалидов к месту работы, зарплату инвалидам выплачивает местный центр занятости. Есть один инвалид-предприниматель. Поскольку бизнес в городе мелкий, то о социальных кооперативах речь идти не может.

В городе две гостиницы. Одна в центре — гостиница «Ясельда», хотя название выяснить было сложно. Старая, давно не ремонтированная, все сохранилось с советских времен, душа нет, горячей воды нет (даже крана для горячей воды нет), туалет и умывальник — в конце коридора, в номере две кровати, шкаф, стол, все старое, еле держится, постельное белье тоже ветхое. Все свободные площади сдаются в аренду.

Другая гостиница существенно лучше, расположена на первом этаже общежития. Есть еще места в общежитиях при предприятиях города, для приезжающих с деловыми визитами на эти предприятия.

Информация и коммуникации

Местная газета называется «Маяк», редакция расположена в жутком совковом здании с одиозной надписью «Слава труду». В ларьках «Белсаюздрука» в понедельник ее не было. Продавщица с трудом вспоминала дни выхода местной газеты. Выходит неформальная (если не сказать — подпольная) оппозиционная газетка «Бярозавы венік», распространяется по подписке бесплатно. На три района (Березовский, Ивацевичский и еще какой-то) выходит независимая «Газета для вас», тираж около 1500.

В городе — 3 интернет-клуба. Один — в отделении «Белтелеком», 6 машин, скорость приличная. Клуб в Северном городке по слухам собираются закрывать.

Есть еще несколько геймерских клубов без Интернета.

Локальных сетей в городе очень мало. По всей видимости, локальные сети для пользования дешевым Интернетом не проводятся.

Довольно много объявлений, набранных на компьютере и рукописных, наклеенных в несколько слоев. Кроме купли-продажи — объявления о курсах, предложения написать курсовую, различные услуги, фотосалон, например, или химчистка «одежды всех видов» Достаточно распространена «наскальная живопись» — от невнятных признаний в любви и увековечивания собственных имен до вполне художественных граффити. Поражает манера оформления местных досок почета: таблички с ФИО и должностью, без фотографий.

Школа и образование

Детский центр внешкольной работы, 3 школы, ДЮСШ, есть ПТУ-109 (сейчас — лицей), готовит рабочих строительных специальностей, недалеко от Березы в Белоозерске есть колледж, который готовит электриков. Филиалов вузов, в т.ч. коммерческих, в городе нет.

Центр внешкольной работы ведет кружки хореографии, театра, телеведущих, народного творчества и т.п., в подвале — спортзал, секция каратэ Кёкусинкай. Для центра стоит план по прибыльности — 11 млн. руб. в год. Это создает трудности в работе центра: по закону они не имеют права взимать деньги за свои услуги, но как-то справляются. В июле центр станет самостоятельным юридическим лицом, и соответственно сможет распоряжаться всем своим зданием — здание большое, в три этажа, много классов. Ввиду плана, возможно, начнут заниматься сдачей площадей в аренду, если не найдется другой выход из ситуации.

Молодежный центр в Северном городке — филиал ГДК, ведутся кружки, в концертном зале проходят концерты.

Культурные учреждения и культурная жизнь

Основные культурные заведения расположены в центре города: Городской дом культуры, кинотеатр «Октябрь», библиотека, музей.

Кинотеатр «Октябрь» посещается мало, хотя установлена система «Dolbi». Киносеансы идут 3-4 раза в неделю, фильмы российского производства, довольно новые (например, «Параграф-78» в это же время идет и в Минске). Внутри в холле — обшарпанная старая мебель. В кинотеатре и в ГДК проводятся дискотеки (по пятницам, субботам и воскресеньям), причем в одно и то же время, цена — 1500-2500 руб.

Все свободные площади в кинотеатре сдаются в аренду зоомагазину, магазину компьютеров, секундхенду. В холле второго этажа «тусуются» коллекционеры и нумизматы (5 человек).

В *Доме культуры* висит объявление о концерте «Песняров». Обычно в ГДК проходят официозные праздничные концерты, смотрят концерты местной самодеятельности, говорят, собираются полные залы.

Музей расположен в старом доме еврейского торговца, сейчас «частично на ремонте», доступна только часть фонда, посвященная Великой отечественной и достижениям народного хозяйства. Смотритель музея в качестве этимологического объяснения названия города рассказывала стишок Алеся Разанава про Суворова и картуз на Березе.

Город заклеен объявлениями о концерте Виктора Шалкевича — все тумбы, столбы, остановки, магазины, автостанция, поликлиника и т.п. На сам концерт (бесплатный) при-

шло 60-70 человек, в основном люди среднего возраста и молодежь, значительная часть из них — местная оппозиционная тусовка.

В городе время от времени проходят концерты местных рок-групп. Их довольно-таки много (около пяти). Две даже более-менее известные: «Мясцовыя» и В:Н. Нашли объявление о рок-концерте в школе №1 (вход 500 руб.).

Есть парк аттракционов, по виду заброшенный, однако с недавно обновленной оградой.

Баров и кафе в городе (во всяком случае, в центре) хватает, можно насчитать как минимум 5-6. В большинстве случаев — пережитки советского времени («Белорусское бистро», например, — явно бывшая столовка). Работают до 23:00-24:00. Из приличного: кафе-бар «Фейр Плей» — спорт-кафешка, есть большой монитор, оригинальное оформление, в меню — коктейль «Голкипер», неплохое брестское пиво на розлив. С 21:00 все столики в основном зале (всего 3 маленьких зальчика) заказаны.

Есть фаст-фуд — забегаловка «Бистро». С 19:00 там, как и во всем «центре города», алкоголь (в том числе и пиво) не продается — запрет районного исполкома. Однако молодые люди сидят за столиками (около 10 человек парней и девушек), пьют безалкогольные (?) напитки. Вообще, запрет на продажу алкоголя в центре довольно условный. Например, кафе-бар «Фейр Плей» на той же ул. Ленина, что и «Бистро» (расстояние -- минут 7-8 ходьбы) — спокойно продает все, что пожелаешь, т.к. это уже не центр. В магазине тоже можно без труда уговорить кассира продать пару бутылок пива.

Несколько ресторанов: «У Василя», «Магнит». Первый — еще советское наследие. «Магнит» — очень приличное заведение с хорошим меню, с нормальным обслуживанием, неплохой дизайн интерьера, предусмотрено место для исполнения живой музыки, есть зал для бильярда,

цены по минским меркам не очень высокие, но и недешево. Рядом с «Магнитом» — хорошее детское кафе-мороженное, оба заведения — частные и принадлежат одному владельцу.

Церкви

В городе есть две православные церкви (храм в псевдо-византийском стиле (с луковицами), построен в середине 90-х гг., строится еще один в том же стиле) и один костел. По сведениям, три протестантские конфессии (пятидесятники (ХВЕ), баптисты и адвентисты). Особой прозелитической активности незаметно. Правда, среди объявлений нашлось одно приглашение на воскресные чтения Библии.

НГО и партии

Нормальных НГО (действительно негосударственных) в Березе нет. Из политических партий — суполка БНФ, в лучшем случае человек 20, очень традиционные, судя по встрече, чего-то серьезного от них ожидать не следует. На местных выборах 2007 года все кандидаты проиграли (мол, из-за «моделирования» властями результатов выборов).

Люди

Люди как люди, в меру озабоченные, но, в общем, ничего особенного. Среди старшего поколения попадаете много народа «сельского» вида (платки, резиновые сапоги и т.д.), молодежь одевается довольно стандартно. Неформалы если и есть, то «дресс-кодами» явно не злоупотребляют (было замечено пару человек на концерте Шалкевича плюс местная брейк-дансовая тусовочка на первом этаже «Центра молодежи»).

Самосознание у жителей города Березы очень слабое. Например, повсеместно распространена байка про старое название города —

Береза-Картузская, мол, Суворов забыл свой картуз, когда через г. Березу проходил. Хотя реально название город получил от картезианского монастыря, основанного в 16 веке. Про полуразрушенные «Красные казармы», торчащие посреди города как символ отношения к собственной истории, вспоминают только то, что поляки в них устроили концлагерь.

Население города несколько раз вымывалось и вымывается сейчас. Во время 2-ой мировой войны было уничтожено еврейское население города (возможно, до 80% жителей), в 60-е годы с урбанизацией и индустриализацией в Березу стекалось население из окрестных деревень и других городов, в наше время из Березы уезжает молодежь на учебу, как правило, не возвращаясь, специалисты на Березовские предприятия приезжают в основном по распределению.

По сведениям, в городе есть наркомания, хотя визуально можно констатировать только обилие всякой информации по проблемам СПИДа и наркотиков (в частности, в гостинице). Пьяных в больших количествах замечено не было, хотя, судя по звукам, доносившимся в районе часа ночи с воскресенья на понедельник, с дискотеки молодежь расходится довольно возбужденная. За все время встретили двух мужиков, по внешнему виду которых можно сделать предположение об их бомжовском статусе, хотя тоже не факт.

Необходимо отметить и восприятие информации разными людьми. Несмотря на то, что город заклеен объявлениями о концерте Шалкевича, и не заметить их невозможно, некоторые их в упор не видели.

Оксана Шелест

Мстиславль

13-15 апреля 2007 года

Справочные сведения о городе

Мстиславль — древний город Беларуси, упоминается с 1135 года. До 20-х — 30-х гг. 20 века большая половина населения города составляли евреи. В конце 19 века их проживало около 5000 при общей численности населения 8500 человек. Значительное число еврейского населения (более 1000 человек) было уничтожено во время 2-ой мировой войны, после войны осталось лишь несколько семей.

Мстиславль стоит на р. Вихра в 95 км к востоку от Могилева, в 19 км от железнодорожной станции Ходосы на линии Орша—Кричев. Узел автомобильных дорог на Могилев, Горки, Кричев, Чаусы, Хиславичи (Россия). На 2004 год в Мстиславле проживали 11,4 тыс. человек.

Город стоит на границе с Российской Федерацией.

С 1924 года — районный центр.

Сейчас в Мстиславле работают ОАО «Мстиславльлен», «Мстиславский маслосырдельный завод», хлебозавод. Градообразующих предприятий нет. Экономика района на 80% дотируется из области и республиканского бюджета.

В городе есть колледж, 2 средние школы, школа искусств им. Н.Чуркина, Центр культуры, детско-юношеская спортивная школа, вспомогательная школа-интернат для детей инвали-

дов по слуху, Дом детского творчества, высшее профессиональное училище строительного профиля (колледж), среднее профтехучилище сельского хозяйства (лицей №6, кадры: механизаторы, водители, электрики, повара, швеи, секретари-машинистки со знанием бухучета), 2-е библиотеки, районная больница и поликлиника, есть историко-археологический музей.

Издается газета «Свято Кастрычніка». С 2001 года ежегодно проходит Белорусский фестиваль камерной музыки. В 2001 году прошел «День белоруской письменности», с 2003 года — праздник ежегодный (как день города). 15 — 16 сентября 2006 года в Мстиславле состоялся V Белорусский фестиваль камерной музыки имени народного артиста Беларуси Николая Чуркина «Мстиславль — 2006», организатор М. Финберг.

Общие впечатления

Внешне и на первый взгляд город производит приятное впечатление: чисто, дороги заасфальтированы, бордюры ровно побелены в бело-красную шахматку, дома свежеекрашены, стоят разноцветные мусорки, для раздельного сбора отходов и т.п. Однако, чем дальше находишься в городе, тем больше начинаешь замечать признаки деградации и запустения: разрушенные и полуразрушенные архитектурные памятники, заброшенные дома (где-то начинались ремонтные работы, но так и не были закончены), очень ограниченное количество мест культурного отдыха, подавленное состояние жителей города, встречаются (хотя довольно редко) опустившиеся люди (бомжи или алкоголики?).

Город, можно сказать, пешеходный, поскольку маленький (за 20 минут можно добраться из центра до любой точки). Автомобильного движения практически нет, некоторое транспортное оживление наблюдается в воскресенье

(«базарный» день) возле рынка. Автомобили — в основном подержанные иномарки, хотя иногда встречаются дорогие и новые машины.

Городские постройки преимущественно одноэтажные, многоэтажных домов едва наберется два десятка. В центре преимущественно старая (к. 19 — нач. и середина 20 века застройка, несколько относительно новых многоэтажек и административных зданий (годов 70-х—80-х): здание райисполкома, суда и прокуратуры, дом культуры. Буквально сразу, не отходя от центральных улиц, начинается частный одноэтажный сектор, дома — деревянные, кирпичные, большинство не новые, встречаются очень старые еврейские дома с четырехскатными крышами (и деревянные, и кирпичные). Все дома небольшие, многоэтажных коттеджей нет (кто-то из бизнесменов порывался построить, да так и бросил). Особым шиком здесь считается обшить дом пластиковой доской (сайдингом), от чего он становится похожим на торговый лагерь. Интересны местные архитектурные элементы построек: деревянные ворота («брама», вход в дом), с резными деревянными колоннами, уже упоминавшиеся четырехскатные крыши.

Горожане одеты не хуже, чем в Минске (особенно молодежь), хотя встречаются люди старшего поколения одетые плохо («по-простому», по-деревенски).

Поражает обилие исторических памятников: костелы, церкви, здания 19 века, что-то еще относительно живое, но большинство в очень плохом состоянии, фактически это руины. Особо интереса у жителей к истории города нет. Спрашиваешь: «А что это? А что было там-то?», — тебя посылают в музей, мол, там спросите.

Бизнес и торговля

Деловая активность довольно низкая, бизнес — мелкий, в основном — розничная торговля,

есть магазин бытовой техники (от компьютеров до электрочайников и мобильных телефонов, торговля в кредит), точка продажи велосипедов и скутеров. Частные торговые точки, как правило, располагаются в помещениях государственных магазинов (арендуют площади), хотя в городе много других пустующих площадей. Пример: продукты питания продают частники (индивидуальные предприниматели), 4-5 торговых мест разных ИП-шников располагаются в бывшем магазине РАЙПО, ассортимент: молоко и молокопродукты — из Минска, мясо и колбасы — Слоним, Гродно, кондитерские изделия — из России, шоколад — минский или российский. Ларьков, ролетов и т.п. по городу нет, хотя местные жители говорят, что раньше были. Несмотря на неразвитость инфраструктуры обслуживания, нехватку кафе, баров, мест отдыха и т.п., нового ничего не открывается, скорее наоборот (было когда-то детское кафе, но его закрыли). Часто рассказывают истории «неуспешных предприятий», кто-то что-то начинал, но потом не сложилось.

Интересно, что в городе практически нет объявлений на улицах, единственные — это объявления «о покупке волос». В местной газете «Свято Кастрычніка» объявления касаются продажи товаров сельскохозяйственного назначения (нагревательные котлы, например), молодняка животных (куры, свиньи), подержанных автомобилей, скутеров и квадроциклов, объявления свадебного салона (г. Горки), объявления о продаже компьютеров (г. Кричев). Вообще в газете достаточно много объявлений кричевских предпринимателей. Местные жители жалуются на более высокие цены в Мстиславле, чем в больших городах.

Продовольственные магазины работают до 19:00-20:00 часов. Магазин «Ночной» работает до 23:00, потом все закрыто. Местная особен-

ность: возле большинства магазинов есть специальные стоечки для велосипедов.

РЫНОК

В Мстиславле огромный и старый рынок, предмет особой гордости мстиславльцев. Местные жители утверждают, что их рынок — самый большой в ближайших окрестностях (и наших, и российских). В основном продают одежду и обувь, встречаются ковры, сувенирные изделия (соломка), продукты питания (продают с грузовых машин), корма для животных, DVD и CD-диски (в основном фильмы, из музыки — попса: «У нас иностранного не покупают»). Предприниматели съезжаются со всего востока Беларуси: Орша, Могилев, Кричев и др., местных мстиславльских — не так много. Покупатели, наоборот, в основном из города и деревень района. Рынок — это не только место торговли, но и место времяпрепровождения, встреч со знакомыми, общения, обмена местными новостями.

Кафе, бары, рестораны

Очевидный дефицит мест для отдыха. В городе лишь два ресторана, ресторан «Вихра» и кафе «Дубрава», оба по выходным часто закрыты на спецобслуживание (как правило, свадьбы). Заведения сохранились еще с советского времени, оба государственные. Стиль обслуживания, обстановка и качество питания с тех пор тоже мало изменились.

Есть забегаловка (типа рюмочная) «Ромашка», работает до 20:00, можно взять пива или спиртного (от «чернил» за 200 рублей до водки и коньяка) и бутерброд (или быстро-разогреть) на закуску.

Случай в «Ромашке»: Женщина неопределенного возраста в очереди очень торопит стоящих впереди покупателей. Она волнуется, что не успеет на выступление конезавода на

смотре-конкурсе коллективов самодеятельности в городском доме культуры. Когда подходит ее очередь, то оказывается, что у продавщицы нет сдачи с ее купюры. Женщина обращается ко всем присутствующим в «Ромашке», мол, что ж такое, люди помогите, дайте, пожалуйста, двести рублей, а то не успею! Может конезавод коней на сцену выведет. Мы даем. Она покупает себе стакан «чернил», подходит к нам, благодарит, залпом выпивает и, выходя, говорит: *«Хорошо, что устраивают такие праздники! Хоть от пьянства отвлекает!»*

Кинотеатр

Кинотеатр «Мир» — небольшое здание, где по вечерам в пятницу, субботу и воскресенье идут видео-дискотеки (это когда музыка и на экран что-то проецируют, стоимость билета 700 рублей), есть зал для бильярда. Из фильмов есть только кино российского производства. Стоимость билета — 500 рублей.

Дом культуры

Городской дом культуры построен в конце 60-х гг., до этого располагался в здании бывшего иезуитского костела. Просторное здание, работают кружки детского театра, хореографии, вокальные ансамбли, духовой оркестр, театр юмора, и др. В ГДК проходят концерты приезжих «звезд» (объявления: «Александр Солодуха», цена: 12000 рублей) и смотр-конкурсы местной самодеятельности.

Смотр-конкурс местной самодеятельности — это довольно интересное явление в культурной жизни города. Из местной администрации было спущено распоряжение о том, что каждый трудовой коллектив предприятий города (водоканал, маслосырзавод, хлебозавод и т.д.) должен подготовить выступление (или маленькую концертную программу) на конкурс. После

чего эти предприятия представляют свои мини-концертники в ГДК. Вход платный, но плата символическая — 500 рублей, можно пролезть бесплатно. Зал набит до предела, люди стоят в проходах, живо поддерживают выступающих, снимают на видео и записывают на мобильные телефоны. Уровень выступающих, конечно, скромный но многие искренне стараются и получают от этих выступлений удовольствие, хотя часть явно «отрабатывает номер» из солидарности с коллективом или по «обязаловке». Так или иначе, но эти концерты есть некий выход активности, иного выхода которой в городе практически нет вообще (или, правильнее, люди не видят такого выхода).

Гостиница

Гостиница «Мстиславль» в городе одна, расположена в центре города в комплексе с рестораном «Вихра». Сама гостиница довольно большая, трехэтажная, на значительное число мест, идет ремонт, внешне и в холлах гостиница выглядит прилично, хотя все еще очень по-советски. Стоимость гостиничного номера за сутки около 15000. В комнатах внешне опрятно, белье вполне приличное, стоит телевизор, холодильник, но холодно, душа нет (хотя когда-то был), горячей воды тоже нет.

Библиотеки

В Мстиславле две библиотеки: детская и районная («взрослая») библиотека, детская находится в подчинении районной. В районной библиотеке есть компьютерный класс на два компьютера с выходом в Интернет, доступ к электронной базе правовых документов НЦПИ. Среди новых поступлений в библиотеку — преимущественно попсовая литература (детективы, женские романы, и т.п.), они пользуются спросом, зачитаны до дыр. Классическая и интеллек-

туальная литература спросом не пользуется и, по всей видимости, не выписывается. Студенты-заочники в библиотеке часто берут учебники для написания сессионных работ, учебники почти новые.

Работники библиотеки встретили незнакомых посетителей настороженно, но пообщавшись некоторое время они разговорились (о специфике общения местных жителей — см. ниже). Как выяснилось, в библиотеке введен план по платным услугам, в год районная библиотека должна заработать 300000 рублей (детская — 60000). Среди услуг — компьютерные услуги (ксерокс, распечатка), Интернет (ищут для студентов рефераты), пользование литературой из читального зала и «коммерческого фонда» на дому. Самостоятельной закупки библиотека не ведет (и вообще не является самостоятельным юридическим лицом), работники библиотеки лишь составляют список желательных изданий, который утверждается отделом по культуре исполкома, он же выделяет деньги на закупку. Существует ряд «запрещенных» изданий, т.е. официально запрета нет, но все и так знают. В последнее время к таким изданиям зачислена популярная «Комсомольская правда». Некоторые книги не вносятся в библиотечный каталог, т.е. в фонде они есть, но взять почитать их нельзя. (Я думаю, что прямого запрета нет, но библиотекари сами перестраховываются.) Получают в библиотеке 300-400 тысяч, это по местным меркам средняя зарплата, за рабочее место держаться, т.к. работы в городе нет.

В детской библиотеке ситуация практически такая же. Что-либо интеллектуальное выходящее за рамки школьной программы, рефератов для школы дети не читают (*«есть только один мальчик...»*), но берут литературу из «коммерческого фонда» («Гарри Поттер», например), скачивают литературу из Интернета, иногда

играют в компьютерные игры, но это особой популярностью не пользуется, т.к. у многих есть дома компьютеры получше. На полках в читальном зале — цветастые развлекательные журналы, большинство — российские.

Районная газета

Местная «районка», газета «Свято кастрычніка» — единственная Мстиславльская газета, в свободной продаже ее нет, можно получить только по подписке. Выходит два раза в неделю, тираж — около 3000 экземпляров, хотя в городе утверждают, что он явно завышен. Содержание — официальные новости национального и местного характера, информация о проверках, проведенных могилевским КГК и последовавших наказаниях (практически в каждом номере), местные новости (типа «портрет человека», информация о праздниках, конкурсах), две последние страницы — объявления.

Интересная особенность — в газете много объявлений о пропавших молодых людях (15-18 лет): ушли из дома и не вернулись, просим сообщить, если известно о местонахождении. В библиотеке пояснили, что все они, как правило, находятся, через 2-3 месяца. Это парни, которые уезжают из дома искать заработков в России и ничего не говорят родителям, потом возвращаются, говоря о девушках, намекнули на проституцию.

Музей

Мстиславльский историко-археологический музей основан в конце 1990-х гг., по инициативе двух местных жителей. До этого в городе музея не было, хотя бывший директор школы-интерната для глухих детей создал при интернате что-то вроде краеведческого музейчика (сохранился до сих пор). Раскопки, которые активно велись под Мстиславлем (и около) заканчивались вывозом

археологических находок в Москву, Минск или куда-либо еще. Уникальные вещи, собранные сегодня в музее, просто гнили на мусорках или были похоронены в подвалах заброшенных домов. Инициатор создания музея с товарищем принялись за организацию и при поддержке местных властей создали его, под музей отдали здание бывшей почты, отремонтировали. Затем, когда музей заработал, его основателю сказали: спасибо мол, до свидания, и уволили (довольно типичная для Мстислава история). Сегодня в музее другой директор. Экспозиция музея не богатая, хотя есть уникальные экспонаты — закрытый шлем 14-15 века, деревянная скульптура — распятие (предположительно 17 век, нашли на мусорке). Ждут приезда картин из Израиля, которые завещал городу известный еврейский художник.

Отношение к истории у местных жителей требует особого описания. Естественно в большей степени эта история никого не интересует, исторических подробностей жизни города никто особенно не знает. Знают только, что город древний, что есть развалины костела или монастыря. Есть лишь несколько энтузиастов, которые знают историю более-менее глубоко. Но! Восприятие истории города не личностно, не субъективировано. Об Мстиславе рассказывают как об истории чужого города. Тогда-то — было это, тогда-то — то, без всяких эмоций, как-то остраненно-объективно: «Трубецкая резня» (русские войска Трубецкого вырезали всех жителей города), постой Петра I в Мстиславе — все едино хорошо, все история. Никто, по сути, не докапывается до «исторической правды», не выясняет, кем же были жители — беларусами, русскими, лицьвинами, и кто действительно застрелил первого комиссара-«колхозника» (памятник в городском парке) кулаки или беларуские партизаны, или белогвардейцы?

Музейные истории

Про «Дубновские чтения». Город Мстиславль был наполовину еврейским местечком, из него родом Дубнов, известный еврейский историк. Как-то в Могилеве по инициативе еврейской диаспоры проводились «Дубновские чтения». Местная работница музея собрала обширный материал и подготовила доклад о Дубнове, но этот доклад по каким-то причинам не понравился властям. Ей порекомендовали не делать доклада. Однако сотрудница музея все же прочла его. После такого строитивного поведения, её уволили, проведя манипуляцию с похищением монет из музея и всю ответственность повесив именно на эту активную женщину.

История про Лину. В музее нас принимали довольно вяло, что-то такое рассказывали, но без энтузиазма. Однако все резко изменилось, когда появилась датчанка — Лина Петерсон с переводчицей. Сотрудники музея забежали, засуетились, стали приглашать на чай, звонить кому-то. Появился мужик, который представился руководителем местного НГО, как оказалось НГО фиктивное, для прикрытия бизнеса. Собираются что-то туристическое делать, сейчас под Мстиславль завозят оленей для охоты, надеются, что это сильно привлечет туристов из-за рубежа.

Интернет-клубы

Интернет есть на почте («Белтелеком») — один компьютер, в районной библиотеке — 2 компьютера, и в детской — 1, есть компьютерный клуб, но без выхода в Интернет. Среди жителей особого спроса на Интернет нет, у многих выход дома, через модем.

Школа-интернат для глухих детей

Находится в областном подчинении, с городом и районом связь очень слабая. Активную

спонсорскую поддержку оказывают бельгийцы, американцы, итальянцы, местные бизнесмены их не поддерживает. Учителя в основном местные, мстиславльские. Дети после школы поступают в Могилевское училище, где есть специальное отделение для людей с ограниченными возможностями. Школа с выпускниками связь не поддерживает, сообществ инвалидов по слуху в Мстиславле нет. Сотрудничают с баптистской общиной города.

В школе-интернате сохранился краеведческий музей, первый в городе, основан еще в 50-60-е годы директором школы-интерната. Экспозиция не уступает историко-археологическому музею, хотя немного другой направленности.

Церкви

В Мстиславле — 4 религиозные общины:

- православный Собор Александра Невского;

- римско-католический костел Успения Божьей Матери;

- церковь евангельских христиан-баптистов;

- церковь христиан веры Евангельской

Довольно активная католическая община, хотя и небольшая — 20-30 человек, сходная численность прихожан и в других церквях — православной, в общине пятидесятников. Ксендз Кароль пытается организовать разные конфессии для совместных действий, пока получается плохо. У католиков проблема с активной молодежью, которая по окончании школы просто уезжает из города. Местная община баптистов оказывает помощь интернату для глухих детей.

Все христианские конфессии что-то пробуют делать (помогать школам и т.п.), но особых успехов не заметно.

История об органисте в костеле. В Мстиславле жил обычный молодой человек, вроде как ка-

толик. Однажды к нему приехала тетка из Томска и спросила, есть ли в городе католическая община? Тот точно не знал. Пошли в костел, и молодой человек с удивлением обнаружил, что он действующий. После чего стал ходить на службы, и, имея музыкальное образование, стал органистом. Заметим, город маленький, а человек не знал, что делается фактически на соседней улице!

Неформальная жизнь (партии, НГО, молодежные субкультуры)

Обнаружить не удалось, внешних проявлений типа граффити тоже не видно. Был один ОГП-шник, но и он отошел от активной деятельности, т.к. даже выиграв выборы, он ничего не смог сделать в местном совете, где депутаты его просто боялись, не садились рядом, старались не давать слова и т.п. Есть бывшие БНФ-овцы, тоже отошедшие от активной общественной деятельности.

Клубной жизни нет. В городе есть несколько «чудиков», но все они живут замкнуто, каждый сам по себе, хотя знают и даже уважают друг друга.

Молодежь ходит на дискотеку по выходным, есть бассейн в спортивном центре «Олимп» — это единственное место, куда можно сходить в будний день. Молодежь обменивается DVD-дисками, особенно ничем не интересуется, по окончании школы уезжает в Минск, Могилев, Россию. Практически никто не возвращается, считается, что те, кто остался в Мстиславле — это неудачники.

Байка про местных «зубров». По рассказам была-де в городе группа полукриминальных отмороzków, типа «Зубр». Но эти ребята даже не думали, что то, что они делают, имеет какую-то политическую подоплеку. Как только поняли — сразу разбежались.

Люди и контакты

Глубина депрессии города отражается на состоянии местных людей, они глубоко одиноки, чем-то подавлены, скептически и усталы. Поражает монологичность местных жителей: куда бы вы ни пришли, что бы не спросили — вам все расскажут, долго и многословно, но при этом, кто вы и что вы, никто не спрашивает, почему вы задаете такие вопросы, никого не интересует. Как будто горожане думают, что у вас есть на это какое-то право. За редким исключением, везде такая странная реакция.

Жители города частично живут с работы на местных предприятиях — маслосырзавод, хлебозавод, но рабочих мест не хватает, градообразующих предприятий в городе нет. Многие ездят на заработки в Россино или занимаются автомобилями: покупают, чинят и перепродают, по какой-то причине в бизнес идут очень не охотно. Когда рядом проходила граница, город неплохо получал с приграничного бизнеса, с таможи, но сейчас этого нет. Хотя это и порождало свои проблемы (проституция на дорогах, например).

Чем люди занимаются в свободное время — неясно, развлечений в городе нет, сидят по домам, возможно, выпивают, но по внешним признакам алкоголизм не является острой проблемой.

Именно в этом городе мы «действовали» самым активным образом. Опыт этого действия и сопутствующие размышления -- в материале «История взлета и падения Мстиславльского феста».

Андрей Егоров

Верхнедвинск

20-21 апреля 2007 года

Общие сведения

Верхнедвинск — административный центр Верхнедвинского района. В летописных источниках город Верхнедвинск, который до 1962 года назывался Дрисса, впервые упоминается в 1386 году. Районным центром Верхнедвинск стал в 1924 году. В июле 2002 года был утверждён герб г.Верхнедвинска, основанный на историческом гербе г.Дрисса, утверждённого в 1781 году Екатериной II.

Верхнедвинск расположен в 174 км от Витебска. Ж/д станция не в городе, до нее ходит маршрутка. В городе проживает 7,9 тысячи человек.

И по внешнему виду, и по реальной организации жизни он представляет собой образец райцентра. Смысл и образ жизни города определяется тем, что он является местом сосредоточения административных, социальных, экономических и других функций жизнедеятельности района. Все основные достопримечательности, начиная от исторических памятников и заканчивая Курганом дружбы, расположенный на стыке границ трех государств — Беларуси, Латвии и России — достопримечательности района. Ведущая роль в экономике района принадлежит сельскому хозяйству.

Общее впечатление и внешний вид города

Город располагается вдоль одной главной улицы (ул.Ленина), которая тянется через весь

город. На ней расположены все основные административные здания, учреждения, банки, кино-театр, ресторан, кафе и большинство магазинов. Улица застроена одно-, двухэтажными домами. Жилые — в основном деревянные одноэтажные, а административные — кирпичные или блочные. Есть два микрорайона. Один на въезде в город: в нем преобладают многоквартирные дома, второй — через р. Дрисса — состоит из одноэтажных деревянных домов и промышленных построек (хлебозавод, маслосырзавод и др.). Остальные улочки прилегают к главной и застроены в основном частными домами.

Среди домов мало заброшенных и обветшавших, но и новых или хорошо отремонтированных практически нет. Строительство фактически не ведется, есть несколько современных коттеджей, расположенных не на главной улице. Административные здания в основном старой советской застройки и типовые для малых городов (например, гостиница и ресторан). На этом фоне выделяется новая автостанция, открытая пару лет назад, и облагороженные здания банков. Улицы и строения довольно ухожены, хотя и не имеют парадного вида.

Огромный дом культуры по своим размерам явно не соответствует небольшому городку. Строился он, видимо, еще в конце советского периода с расчетом на аккумуляцию и удовлетворение культурных потребностей жителей района. При этом места отдыха, рассчитанных только на горожан, — фактически отсутствуют, а то что есть либо не приспособлено для проведения свободного времени, либо не используется как таковое самими горожанами. Есть небольшой сквер, в котором стоит памятник погибшим в Великой отечественной войне (без огня — город не газифицирован), но нет скамеек — видимо, там отдыхать не принято. Вероятно, это компенсируется дву-

мя речками, между которыми лежит город, и жители отдыхают на их берегах. По рассказам местных жителей, это облюбованное, но не обустроенное место. Но мы такого не видели: наверное, не сезон.

Кафе, рестораны и кафетерии посещаются либо утром (у вокзала), либо на банкетно-праздничных мероприятиях. Людей, которые пришли в кафе просто посидеть, пообщаться или провести вечер мы практически не видели.

Вообще каких-то проявлений жизни не встроенной в понятные и функционально определенные рамки практически не наблюдается. В городе крайне мало объявлений. Это создает впечатление, что стихийной или самоорганизующейся жизни нет. Обмены, покупки и т.д. совершаются в рамках регламентированных каналов, нет необходимости дополнительного обмена информацией (в местной газете отдел объявлений также практически отсутствует). Такая «скромность» в коммуникации наводит на размышления: или не возникает необходимости для таких контактов, или эти информационные сети между жителями скрыты и работают на уровне личных контактов. И то, и другое характеризует отсутствие потребности в информационной инфраструктуре, которая является одной из важнейших характеристик функционирования публичной сферы в организации городского пространства.

Кроме того, в городе напрочь отсутствуют такие признаки «неформальной жизни», как места молодежно-подростковых тусовок, граффити или какие-нибудь надписи на стенах и заборах. Даже покрашенных нет.

Не встречали мы и маргинальных проявлений: пьяных, бомжей и т.д. Да и таких мест, где бы они могли кучковаться — пивных, киосков, забегаловок — вроде бы нет. В этом смысле город выглядит стерильно.

Внешне относительно благополучный городок, при ближайшем рассмотрении оказывается каким-то пустым, неживым — местом, выполняющим свои административно-организующие функции в районе, но не имеющим своего особенного лица.

Потребление и инфраструктура

В гостинице жить практически не возможно, ну разве что пару дней. Кроме нас там жили вроде бы только строители, которые ее же и ремонтируют. Полгостиницы разгромлено ремонтом. Остальные номера — более-менее, некоторые даже после ремонта вполне прилично выглядят, но душа нет, горячей воды тоже, туалет один на всю гостиницу, который практически не закрывается и без туалетной бумаги. Гостиницей, наверное, почти никто не пользуется, город редко посещают гости. Есть номер «люкс» (президентский), зарезервирован областным исполкомом, там даже душ есть. Правда, как в этом душе решается проблема горячей воды — неизвестно.

Зато есть отдельная баня, по размерам здания конкурирующая с исполкомом. Правда, работает только полдня в неделю (в субботу).

Транспорт. Городского общественного транспорта нет. Люди передвигаются либо пешком, либо на машинах, велосипедов не много (хотя была очень плохая погода). Из общественного транспорта видели только маршрутки к железнодорожной станции, к соседним деревням. Два года назад открыли новый автовокзал: маленький — только кассы и места для ожидания, но выглядит вполне современно.

Связи с окружающим внешним миром для города и района сложные. Кажется, что к ним никто не стремится. В соседний Мнорский район — понтонный мост (только весна-лето-осень). Раньше был паром, но теперь все на-

дежды на строящийся новый стационарный мост. Близость латвийской границы в городе не чувствуется. О ней напоминает только название рынка — Красловский. Правда, кроме названия ничего «иностранного» в нем нет. По словам жителей, все контакты ограничены официальным «обменом специалистов». Латышские каналы не ловятся.

Магазины и рынки

Есть один «супермаркет» — вполне современный, и по разнообразию товаров, и по оборудованию (сканер, система контроля на выходе). Остальные магазины — обычные, с одинаковым и не очень богатым ассортиментом. В основном — продукты, одежда и товары для дома. Магазин по продаже компьютеров — только один и очень маленький (был закрыт), правда, говорят, что возможно заказывать, но объявлений по этому поводу нет. Поэтому как распространяется информация для потребителей — не понятно. Книжного магазина тоже не видели. Есть несколько (2-3) небольших частных магазинов. Хозяева — местные бизнесмены. В центре довольно много павильонов, товары в основном китайские, российские. По качеству такие же, как в Минске, только разнообразие поменьше.

Рынок только один — Красловский, в основном вещевой. В закрытом павильоне (старый и, по-видимому, антисанитарный) занято треть прилавков, продают свежее мясо. Остальных продуктов практически на рынке нет. Несколько лотков с фруктами.

Рестораны, кафе. Нашли 4 точки общепита, попали в три. Частное кафе «Лабиринт» выглядит вполне прилично. Ассортимент не богатый, обслуживание «советское». Денису предложили к чаю купить целый лимон, поскольку «резаных» у них в ассортименте нет. Рядом столовая-

ресторан: с утра — столовая, вечером — ресторан. Ассортимент тот же. Оба заведения (кафе и ресторан) были заняты обслуживанием КВН-щиков, которые в этот вечер соревновались в юморе в местном доме культуры. Но ни ресторан, ни кафе не были закрыты на спецобслуживание, как это обычно бывает. При этом кроме нас пришло только еще несколько человек (пятница, вечер). Вероятно, большого ажиотажа в этих заведениях нет, поэтому и закрывать нет смысла. Других мест, по крайней мере, в центре города, мы не нашли. Кафетерий вечером был закрыт. Поскольку наша экспедиция пришлась на пятницу и субботу, то можно предположить, что посещение ресторанов в городе не принято. И имеющийся набор увеселительных заведений вполне покрывает потребности горожан.

СМІІ. Идут только белорусские программы, да и то не всегда хорошо. В микрорайоне уже есть кабельное телевиденье, но еще не заработало в полную силу.

Местная газета «Двинская правда» распространяется только по подписке. Темы отчетно-прогнозные — производственные успехи, награды, визиты, отчеты и планы, бытовые советы т.д., газификация, мост через Двину, посещения руководителей, медицина — общая информация (СПИД, птичий грипп), но не местные проблемы.

Листок «Рубон», выпускаемый активистами общественных объединений, ориентирован на постоянный выпуск с освещением событий и проблем района. Однако сейчас трудная ситуация с выпуском, нет человека для верстки.

Что касается компьютеризации и возможности выхода в Интернет, то на почте есть два подключенных компьютера — дети и молодежь активно пользуются. В школах Интернета вроде бы нет. На квартирах компьютеров довольно много (по словам жителей), но Интернет под-

ключен мало у кого. Локальных сетей нет.

Работа и образование

Как следует из программы развития Верхнедвинска, «сформированный в городе Верхнедвинске экономический потенциал ориентирован на максимальное вовлечение в хозяйственную деятельность экономических ресурсов, которыми располагает район». Соответственно в городе есть полный набор предприятий занимающихся переработкой местного сырья. Официально безработицы практически нет (около 1%). Но люди жалуются, что работать негде. Мужчины ездят в Россию на стройки. Тем не менее, люди на улицах выглядят вполне прилично, на концерте — много цифровых фотоаппаратов, мобильных с камерами и две или три видеокамеры.

В центре занятости довольно много свободных вакансий. Среди специалистов с высшим образованием — инженеры, врачи (ветврачи в СПК, психотерапевт), психологи в сельские школы, работники культуры (завклубом, хормейстер), а также продавцы, буфетчики. Среди рабочих профессий — доярки, механизаторы, трактористы и прочие с/х рабочие в окрестные совхозы, водители.

Очевидно, предлагаемые вакансии мало устраивают местных жителей и они предпочитают иной вид заработка, хоть и сопряженный с риском и длительными отлучками.

Деловая активность и бизнес, по крайней мере явный, развит крайне слабо. Есть несколько местных бизнесменов, вышедших из руководящих органов и имеющих там поддержку. Остальным развиваться не дают, хотя, судя по стерильности города, особо желающих нет.

В городе три школы: одна — с трудовым уклоном (без начальных классов), другая — с эстетическим уклоном, третья — «борется за

звание гимназии». Есть детская школа искусств. Преподавательский состав в основном молодой (по крайней мере, в двух первых) — прибывшие по распределению. Нет своих училищ, ПТУ или каких-либо других учреждений, дающих профессиональное образование. Желающие получить специальность после школы вынуждены уезжать учиться. Едут в основном в Новополоцк и Минск. Правда одна из школ с трудовым уклоном готовит рабочих на местные предприятия.

Медицинское обслуживание —
головная боль

Главная проблема и одновременно главная отличительная характеристика и всего района, и Верхнедвинска в частности — медицинское обслуживание. По непроверенным сведениям здесь самая высокая смертность, огромное число случаев лечения с летальным исходом. Слава о верхнедвинских медиках — по всей области. Особенно плохо с детским медобслуживанием. По словам жителей, на весь город один педиатр на 2-3 ставки и крайне неквалифицированный. Ситуация довольно странная. С одной стороны врачей не хватает, хотя для них вроде даже все условия есть (дают квартиры). А с другой, хорошим врачам не дают практики, и они уезжают, а неквалифицированным дают по 2 ставки. В общем, жители ездят лечиться в Полоцк или Новополоцк.

В недавнем случае с химическими взрывами в Дретуни местные медики не проявляли никакого беспокойства. В то время как в Полоцке, который находится дальше, была инструкция детей на улице не выпускать.

Коррекционный центр для детей-инвалидов кочует из здания в здание (то в милиции, то в школе), и нигде не обустроивают для него специальные условия (пандусы и др.). В соседней деревне интернат для душевно-больных, совсем

в плачевном состоянии. Судя по словам местных активистов, выживает только на гуманитарной помощи, если она доходит.

Похоже, что, как это не странно звучит, именно эта проблема и является фактором, который стимулирует проявление реальной жизни в городе. Она выбивается из спокойноритмичного течения организованных процессов. Она аккумулирует хоть какое-то человеческое внимание, боль и даже активность, хотя бы коммуникативную. О ней говорят.

Культурная жизнь

Культурная жизнь Верхнедвинска является собой пример хорошо организованного досуга. Вся она сосредоточена на местной самодеятельности и имеет кружковой характер: театральные, танцевальные кружки, кружки вышивки, соломоплетения, керамики и т.д. Все они прикреплены и курируются Районным домом культуры, школой искусств и «Центром ремесленного творчества», то есть иницированы и контролируются районным управлением. В РДК заявлен 21 «творческий коллектив», кроме того, в Детской школе искусств есть театр мод «Образ», который признали лучшим на международном конкурсе детской и юношеской моды «Max Moda» в Таллинне. Регулярно организуются фестивали местного значения, например, в этом году будет театральный. Жители активно включены в эту культурную жизнь — гордятся театром, кружками.

Довелось нам побывать на КВН-е. Он также иницируется сверху, райкомом профсоюза работников образования и науки, но при этом видно, что участники не отбывают номер, а вполне искренне играют и соревнуются. Вероятно, это крупное событие и в культурной, и в развлекательной жизни города. Никаких специфических городских тем или проблем не под-

нималось: в основном просто смешные сценки, комедия положений и какие-то ритуальные причитания по поводу учительской доли — загруженность и зарплата.

Какая-либо «внешняя» культурная жизнь или не входящая в курирование руководством района крайне бедная. Всего одна афиша — через месяц один концерт. Альтернативных концертов или проектов не видно. Отсутствуют проявления неформальных тусовок, компаний, которые бы не были вписаны в предложенные формы

Кинотеатр посещается мало. Не видели ни одного заходящего в пятницу, субботу. Идут фильмы те же, что и в Минске (например, «Параграф-78»). Рекламируются белорусские фильмы («Анастасия Слуцкая»). Внутри — пункт по прокату видео кассет и дисков.

Та же ситуация с библиотеками. Их две: районная и детская. Народа немного (хотя суббота). Стенды по краеведению и по местным известным литераторам, поэтам и писателям, список мероприятий для детей. Библиотекарь показала себя безучастной: не выказала никакого интереса к людям, которые пришли и что-то фотографируют.

«Общественная активность»

Вся общественная активность в ее организованных и не очень формах (местные НГО, инициативы и партии) сосредоточены в одном месте и представлены в одном лице — Валентине Кудлацкой. Это и социал-демократы (единственная партия), и трудящиеся женщины (БОТЖ), и ТБМ, и профсоюз и т.д. Можно сказать, что вокруг этого человека образовался такой своеобразный «клуб» для общения и канализации энергии недовольно-, оппозиционно-, активных. Некогда, вероятно, более широкое и дифференцированное общественное движение, сейчас свернуто до такой единой

формы. Они занимаются всем, что подкидывает ситуация и спонсоры: участвуют в выборах, ездят на школы лидеров, раздают гуманитарную помощь, организуют семинары и встречи. Естественно, что никаких четко очерченных целей, программ, задач и интересов у них нет и быть не может, поскольку практически невозможно реально совместить цели всех тех организаций и инициатив, которые собраны здесь на одних и тех же людях. В результате действительной целью становится сохранение хоть какой-то активности и независимости. Поэтому дом, где собираются местные активисты стал тем самым местом, где можно собраться и что-то полезное сделать, обсудить. Туда приходят местные жители, чтобы поговорить, поругать власть и жизнь. В итоге — это место, как громоотвод стягивает на себя любую неформальную и неформатную активность в городе, но, не будучи в состоянии аккумулялировать эту активность для реального решения каких-то задач, просто утилизирует ее.

С местными властями у них наладился определенный тип взаимоотношений: они друг о друге хорошо знают и оценивают возможности. В общем, если бы такого «центра» не было, властям его стоило бы организовать, чтобы локализовать всю неформальную энергию и какие-то ростки жизни.

Еще одно место, где могла бы возникнуть или культивироваться общественная активность — это церкви и религиозные общины. В городе их четыре: католическая община и костел, православная церковь, христиане-баптисты «Вознесенье» и Евангельская церковь «Благодать». Последнюю не нашла, она вроде бы в микрорайоне, и там около 20 человек. Остальные были закрыты. Баптисты вообще ведут очень тихую жизнь, даже соседи их практически не видят. Судя по всему, жизнь православной и ка-

толической общины ограничивается посещением богослужений, ни о какой другой активности, например, по отношению к городу, прихожане не говорили. Например, при разговоре с «активистами» они говорили, что принадлежат к общинам (разным), но в рассказах об общественной жизни об участии общин вообще не вспоминается. Общинная принадлежность касается только приватной жизни.

Люди

Население города в основном выходцы из окрестных деревень. До войны в городе было около 3 тыс. человек, около трети погибло. Крупной промышленности в городе нет, так что специально организованного притока, вероятно, не было, город рос за счет сельских жителей. Они рассматривают Верхнедвинск как ступеньку в социальном продвижении, которую хорошо бы пройти и двинуться дальше. Если не сами, то для детей намечают более благоустроенные и перспективные города. Фактически, у них не только нет городского образа жизни, но и даже представление о себе как о горожанах, сформировано слабо. Сам город не воспринимается как нечто отдельное, целостное, как нечто отличающиеся от окружающих деревень, то, что имеет свою особую сущность. При разговорах на вопросы о городе, даются ответы обо всем районе, включая Верхнедвинск и окрестные деревни. Районный центр воспринимается именно как центр района, а не как город.

Поразило полное отсутствие интереса и вопросов к нам. Всем все равно, ходят какие-то фотографируют, никто не спрашивает: кто вы, чего смотрите. Если задаешь вопросы, отвечают, но не особенно распространено, только то, что спросили.

Татьяна Водолажская

Щучин

20-22 апреля 2007 года

Общие сведения

Город Щучин — районный центр, население — около 12 тысяч, в районе проживает 54,4 тыс. человек (по переписи 1999 года белорусы составляют 41,1% от всего населения района, поляки — 50,5%, русские — 6,5%). Город старый, первое упоминание зафиксировано в Литовской метрике в 1537 году. В 1939 году — около 3 тысяч человек, 75% — евреи. Статус городского поселка Щучин получил в октябре 1940 года, города — в 1962 году.

Ближайшая железнодорожная станция — Рожанка — в семи километрах от Щучина. Через город проходит автомагистраль Лида-Гродно. Из Минска ходят маршрутные микроавтобусы (Минск-Гродно), стоимость билета — 20000-24000 рублей.

Предприятия — Щучинский завод «Автопровод» и Щучинский маслосырзавод считаются градообразующими. В Щучине — несколько строительных предприятий (ПМК). Экономика города и района на 50% дотируется из бюджетов области и республики.

В Щучине находятся следующие учебные заведения: три средних школы, сельскохозйственное ПТУ, гимназия, районный учебно-производственный комбинат, 7 детских садов.

Общие впечатления

Город чистый, но без особенного лоска, встречается битый асфальт, выбоины на старой

троутуарной плитке. Отремонтирован центр — улица старых домов напротив центральной площади (пл. Свободы) и здания исполкома. Облезлый памятник Ленину на площади в день рождения «вождя» был перекрашен. В центре идут строительные работы, строят новую гостиницу, новое здание прокуратуры, что-то перестраивают и переделывают (правда, уже давно, как говорят жители). В последние годы город, видимо, не растёт, хотя говорят, что строятся «три кооперативных дома». Город вытянутый практически вдоль одной улицы, от нее в стороны разбегаются бывший военный городок, частный сектор, коттеджная застройка чуть на отшибе («для богатых»). Интересно, что в городе много видео-камер слежения, прямо на улицах, которыми обозревается вся площадь, всего же их штук 12, трансляция идет прямо на пункт ОПОП милиции. Здания банков выглядят чрезмерно большими и все -- как после ремонта.

В обветшалом состоянии, с начатым, но незаконченным ремонтом стоит барочный дворец Друцких-Любецких, бывший Клуб офицеров. За ним — озеро (запрудили в 60-х гг.), два лебедя плавают, на берегу — пляж с зонтиками.

Много досок с объявлениями, но все везде дублируется: свадебный салон, компьютеры, обшивка мебели, съём, покупка, продажа квартир, подержанные авто, детские коляски и т.п.

Люди в основном ходят пешком, автомобильное движение не слишком оживленное. Среди машин встречаются и дорогие, хотя в основном — подержанные иномарки.

Современная история города связана с постройкой под городом аэродрома для советских авиационных частей (около 1940 года). С этого времени под Щучином дислоцировались разные авиационные части (размером до дивизии), в том числе и стратегического назначения. Часть города была закрытой, поскольку стояли

то ли стратегические бомбардировщики, то ли что-то такое же секретное. Эти объекты охраняли части КГБ. Местная жизнь во многом определялась жизнью военного городка. Аэродром давал значительное число рабочих мест, инфраструктура города частично поддерживалась военными («франшизе, мол, в военном городке было чисто, а теперь...»), при военной части был спортивный клуб и бассейн (теперь закрыт), работал Городской дом офицеров, а сами офицеры, их жены и дети были эдакой городской элитой. Затем авиадивизию расформировали (в году 1998-1999-м), территория военного городка (ул. Островского) пришла в запустение. Сегодня там куча заброшенных зданий. Правда, город постепенно начинает осваивать эти площади (например, в бывшем военном городке открылся бар «Магнит»). Некоторые семьи офицеров и прапорщиков остались жить в Щучине. В памяти жителей «авиационное прошлое» занимает много места, буквально каждый что-то вспоминает и рассказывает, видимо, значительная часть жизни ушла из города вместе с гарнизоном.

Гостиница

В Щучине три гостиницы и строится четвертая. Гостиница «Элен» (в комплексе с кафе «Элен») — частная, стоимость номера 35000 в сутки, выглядит очень прилично. Гостиница «Паўлінка» от завода «Автопровод» (25000 в сутки) — очень хорошая, вполне европейского уровня, новая отделка, в номерах: телевизор, холодильник, электрочайник, можно взять в пользование любую посуду, душевая кабина в каждом номере, горячая вода (стоят электронагревательные котлы). Городскую гостиницу (естественно самую дешёвую) в старом обветшалом здании посетить не удалось, с утра в субботу там стояла конторка: «Ушла, скоро буду». Вечером стояла та же табличка.

Бары и рестораны

В городе есть две категории заведений: помойничковые кафе и заведения получше. Первые: кафе «Фортуна» — пластиковая, «а-ля» ларек, постройка, внутри довольно прилично, но без дизайнерских изысков, можно пообедать разогретой едой (все приготовлено заранее), но большинство посетителей заходит выпить (от 50 грамм в обед до «хорошо посидели» вечером), громкая музыка, пива разливного нет (как и во всем городе), обслуживание — в лучших традициях СССР. Другие заведения этого класса: «Магнит», «Вояж» по сути такие же, разве что расположены в нормальных зданиях. В «Вояже» — живая музыка — дядька играет на синтезаторе и поет попсовые песни.

Ресторан «Вега», кафе «Галактика» (оно же «Джокер»), кафе «Элен» — якобы места поприличнее. Попасть ни в одно из них не удалось, т.к. все они были закрыты на спецобслуживание. Есть еще бар с бильярдом — неплохое место, но именно чтобы погонять в бильярд, 6 новых бильярдных столов, стоимость — 7000-8000 рублей в час.

Мест культурного отдыха не хватает, по крайней мере, жители города жалуются.

Бизнес

Бизнес в основном мелкий, хотя есть несколько местных предпринимателей средней руки: у одного — сеть торговых ларьков, другой владеет сетью компьютерных клубов, кто-то открыл пекарню и этим почти «задавил» местный хлебзавод (по слухам), работают несколько частных кафе (судя по новостям в Интернете, еще собираются открывать новый ресторан и детское кафе), в центре довольно много относительно приличных частных магазинчиков (одежда, обувь, бытовая техника), два мини-рынка, городской рынок побольше, магазин автозапчастей «Гера» и

др. Говорят, что открывать новый бизнес сложно, те кто успел заработать раньше, остались и сейчас, но новых людей в бизнес почти не приходит. При нехватке рабочих мест люди «крутятся», используя преимущества приграничной зоны. Щучин находится в 60 км от польской границы, покупают машины с большим объемом бака, заливают под завязку топливо, в Польше полбака продают -- и назад. За день можно три раза съездить, заработок выходит очень приличный.

Интересный факт. В Щучине работает предприниматель-голландец. Его бизнес как-то связан с сельским хозяйством, живет в Гродно, каждый день ездит в Щучин.

Работа

В городе два крупных предприятия — завод «Автопровод» (выпускает автомобильные провода) и Маслосырзавод, они и дают городу основные рабочие места. Кроме этого, в виду строительства агрогородков, растет занятость в строительстве (в Щучине три ПМК). Средние зарплаты — 500-600 тысяч, в строительстве выше — 700-900 тысяч, в образовании (в школе) по-разному от 300-400 до 800-900 тысяч.

В районном центре занятости дали информацию о том, что требуются в основном рабочие специальности — механики и водители (в с/х), строительные специальности (в город). Квалифицированная рабочая сила требуется в меньшем объеме — врачи некоторых специальностей в районную больницу, экономисты, бухгалтеры. Переобучение проводят по разным специальностям на базе местного ПТУ или гродненских учебных заведений.

Библиотека

В городской библиотеке из новых поступлений в основном — детективы и всякая другая попка, лежит Коэльо, но библиотекари

стараются выписывать и покупать что-то «поинтеллектуальнее», типа Мураками и Пелевина, хотя Умберто Эко, например, они не знают. В библиотеку ходят разные люди, но «странной» литературы особо не спрашивают (*«есть один читатель, который и по истории берет, и энциклопедии, и газеты читает, оппозиционер, наверно, или историк»*), — охарактеризовала библиотекарь).

При библиотеке действует клуб читателей «Ля самавара», собираются активные читатели по обзвону.

Неформальная активность
(партии, НГО и др.)

Оппозиции в Щучине практически нет. То есть внешние проявления заметны — надписи (16-ть в круге), корявые политические граффити, но выйти на живых людей не удалось. За все время называлось лишь два имени (возможно, это один и тот же человек).

Рассказывали такую байку. В Щучине есть один оппозиционер из БНФ, врач районной больницы, вокруг него была небольшая группа людей. Этот человек в поддержку событий марта 2006 года поставил на центральной площади Щучина палатку. Палатка простояла ровно 15 минут (с 6:00 до 6:15), затем его задержали. Возбудили уголовное дело, надавили на семью, припугнули. Теперь он никаких активных действий не предпринимает, группа людей разбежалась, так что оппозиции в городе как бы и нет.

Сообщественными организациями несколько иная ситуация. Во-первых, существуют официальные организации, типа ветеранских (создали ветеранские ячейки на каждом предприятии), ДОСААФ, организации инвалидов, различные кружки в Центре детского творчества и при турбазе (местная команда авиамоделирования при турбазе когда-то стала чемпионом мира, но потом все сошло на нет), Объединение ветеранов войны в Афганистане (установили недавно па-

мятник погибшим), во-вторых, есть две неформальные группы и несколько активных людей.

Первая неформальная группа — «ролевики». Группа молодых людей (16-20 лет), около 30-ти человек, занимаются ролевыми играми (LARP). Начали с квартирных игр, к сегодняшнему дню провели две полевые игры (заброшенный аэродром — это прекрасная площадка для таких игр). Видимо, начали все это делать от скуки, сегодня же все держится на активных лидерах (Мастерах игры). Думаю, клуб не является устойчивым, и когда лидеры поступят в вузы, уедут из города, то клуб распадется. В настоящий момент в этом кругу собирается вся более-менее «продвинутая» молодежь, т.е. те, чьи потребности выходят за рамки триады «дискоотека»-«алкоголь»-«шмотки». В основном это «неформаль» (четкой дифференциации нет, здесь все — от симпатиков «антифы», коммунистов, доморощенных панков до потенциальных интелов). Тут встречаются, например, начинающие музыканты, эдакий молодежный протест («панк», «думали играть СКА»), иногда репетируют в РДК, правда, не особенно серьезно к этому относятся.

История про помещение для репетиций в РДК. Неформальная молодежь тусовалась на трубах теплотрассы. Милиция их оттуда гоняла. Как-то раз она поймала пару человек: что тут делаете? — а мы — музыканты, а играть нам негде! Старлей позвонил в РДК и договорился о комнате для репетиций.

Вторая группа — клуб пенсионеров, говорят, около 30-40 человек. Собраны все по инициативе лидера — Винчевской Марии Ивановны. В основном — интеллигенция (бывшие учителя), но есть и «люди попроще», собираются регулярно на «дискуссионные клубы», обсуждают литературу, кино. Мария Ивановна старается приглашать в клуб и молодежь для представления разных мнений, устраивают краеведческие поездки и по району, и по области,

собираются поехать в Полоцк. Есть проблемы с организацией транспорта, положительно смотрят на возможные варианты обучения. Винчевская — пенсионерка, учитель, была завучем-организатором в школе, считается активным человеком в городе, сегодня помимо клуба пенсионеров Мария Ивановна ведет скаутский клуб в Центре детского творчества (хотя собираются в Доме поляков), работает с трудными подростками из неблагополучных семей.

Клуб «Что? Где? Когда?» состоит из школьников и держится на энтузиазме Таисы Михайловны Майко (пенсионерка, бывший учитель химии в СШ №1). По сути, клуб ничем не отличается от школьных олимпиадников, разве что более неформальный.

По городу расклеены объявления о том, что открывается клуб защиты животных. В районной газете «Дзяніца» об этом напечатана статья. Предысторией послужил жестокий отстрел бродячих животных, что подтолкнуло работников ветаптеки к организации клуба.

Есть большое здание союза поляков — «Польский дом». Его директор во время конфликта с Союзом поляков подчинился властям, соответственно теперь поляки перестали оказывать помощь «Дому». Работают кружки, идут занятия польского языка.

Рынок

Городской рынок работает по утрам со среды по воскресенье. Рынок в основном вещевого: одежда и обувь, есть мебель, ковры, сантехника. Кто-то скупает старинные вещи. В воскресенье на рынок приходят и для того, что бы пообщаться или просто «погулять-посмотреть».

СМИ и коммуникация

Ситуация с районными СМИ достаточно стандартная — районная газета «Дзяніца» распространяется только по подписке

(добровольно-принудительной), в розничную продажу не поступает. Спросом не пользуется, материалы пустые. Местное радио вещает по два часа в сутки по определенным дням. О нем знают, но не слушают. Распространено кабельное телевидение,

В Щучине несколько компьютерных клубов (около 4-5 штук), но в них «Интернет только для игр», просто выйти в Сеть нельзя, выход есть в отделении «Белтелеком» и в библиотеке. Компьютеров у жителей много, в Интернет выходят с обычного модема, локальных сетей практически нет, хотя условия для создания есть. Есть сайт города.

Поражает количество частных объявлений, которыми заклеены все подходящие и не очень подходящие места. Объявления касаются в основном купли-продажи, строительных услуг, ремонта мебели, много объявлений по поводу купли, обмена и съема жилья.

Настенная живопись имеет весьма специфический характер как по содержанию, так и по распространению. Художественные граффити отсутствуют. Местная неформальная молодежь для самовыражения и переписки с «противниками» использует стены бывшего дворца.

Кинотеатр «Беларусь»

В кино не ходят, на сеансы не собирается даже 10 человек. Кинотеатр «Беларусь» проката кинофильмов как такового не осуществляет, вся деятельность в этом направлении осуществляется за счет «кинолекториев» — добровольно-принудительных коллективных посещений (школьники, их родители и прочие подневольные граждане) лекций на «злободневные» темы и показа кинофильмов (в основном белорусского производства).

Кинотеатр известен свои баром «Джокер» и дискотеккой. Основной контингент дискотек — на 99% старшеклассники.

Дом культуры (РДК) и культурная жизнь

Здание районного дома культуры (РДК) — «архитектурный выкидыш» — огромное, в нем размещаются детские кружки, Дом ремесел, бильярд (1-н стол), тренажёрный зал (качалка). По мнению молодежи все это работает только для виду, за исключением разве что «качалки». По выходным — дискотека, которая активно посещается молодежью.

Вообще, если жители хотят приобщиться к культуре, то можно поехать в Гродно, в театр (что и делают). Культурная жизнь не развита. Город с богатым историческим прошлым, с хорошо сохранившимися памятниками архитектуры не имеет собственного музея. Точнее есть какие-то музейчики при школах и предприятиях, но все это не организовано. Приезжий человек этого не найдет и не увидит. Разные люди в городе пытаются создать краеведческий музей, большой и красивый, но эти люди даже не знают о попытках других. Каждый вариться в своем соку. Если посадить этих энтузиастов за один стол, может что и получиться...

В ДК концерт Алеси. Цена 10000 рублей. Из всех опрошенных на него никто не пойдет. Спрашивается, кто будет на концерте? Администрация города и персонал ДК? Ах, да!.. У нас культивируется добровольно-принудительное распространение билетов на госпредприятиях и в организациях. Так что ползала наберут.

Из любопытных событий стоит отметить цветочный фестиваль, который проходит в конце июня каждый год.

Церкви

Среди населения города по крайней мере 50% — католики. Костел, православная церковь, «строится» еще одна (несколько лет собирали средства на строительство), в этом году плани-

руется закладка фундамента, на месте будущей церкви. Сейчас это какая-то теплушка, «храм-вагон», но службы проводятся. Две православные воскресные школы, школа при костеле (1-11 класс). По сведениям, полученным от работника идеологического отдела исполкома, в городе зарегистрированы баптистская община, община евангелистов, и есть община адвентистов, которая добивается регистрации, но пока безуспешно. Однако обнаружить хоть какие-то следы протестантских общин не удалось, среди местных по этому поводу тоже нет единства во мнениях: кто-то утверждает, что в городе много баптистов, но в церковь они ездят в Лиду, кто-то говорит, что их нет вообще и т.д.

Православная и католические общины существуют параллельно, в том смысле, что конфликтов между ними нет, но и взаимоотношений практически тоже никаких (костел и православная церковь находятся по разные стороны одной улицы на расстоянии ста метров друг от друга). В последнее время духовенство разных церквей стало приглашать «соседей» на свои «мероприятия», но не более того. На уровне впечатления: потребности в каком-либо сотрудничестве между церквями нет.

Исполком, прокуратура

История про бдительность местных правоохранительных органов. Проходя мимо, я сфотографировал здание прокуратуры, после чего за мной стали пристально наблюдать работники прокуратуры. Я подошел, спросил, в чем дело. Они затребовали документы, стали расспрашивать, кто я и что. Я на ходу придумал версию, что группа молодых ученых из Минска по частной инициативе исследует жизнь малых городов, они затребовали разрешение на такую работу, сказали, что здание прокуратуры можно фотографировать только при наличии

разрешения от областной прокуратуры, и на этом они не успокоились. Подняли на уши местный исполком, вплоть до председателя (думаю, милиции и КГБ тоже сообщили). Председатель дошел до управления по идеологии. Для встречи с нами, которая предварительно уже была обговорена, председатель дал сотруднику отдела идеологии задание выведать, что да как, да кто мы такие, которые делал это как-то неохотно и неуверенно, сразу слил, что нами «интересуются».

В целом мнение этого сотрудника о жизни в городе довольно скептическое: зарплаты небольшие, молодежь уезжает, бизнес зажимают, про неформальную активность и оппозиционные партии отзывался как про несуществующие. Сам занимается вопросом разработки туристических маршрутов по Щучинщине, развитием сельского туризма.

Люди

Люди настороженные и подозрительные, практически все интересуются о наших взаимоотношениях с государством, кто-то при встрече просил сесть в машину, чтобы его с нами не видели, в библиотеке явно давали «правильные» ответы.

У города три периода истории. Довоенный, которого почти никто не помнит — некому. В Щучине жили евреи, которых всех в 1940 г. и расстреляли (более 2000 тысяч евреев из населения чуть более 3000). Затем период «военного городка», что оставило огромный след в жизни города, от которого он еще не совсем оправился. И, собственно, современный период.

Население города систематически вымывается, молодежь уезжает на учебу (в основном в Гродно и в Минск) и не возвращается. Работы в городе не хватает, кроме «Автопровода» и «Маслосырзавода» работы нет («идут и на сезонные

работы при «Маслосырзаводе», тяжелый и низкооплачиваемый труд», — говорили в центре занятости).

Люди живут как-то по отдельности, даже вроде интересуясь одним и тем же. Например, и Винчская, и учитель гимназии Лисицкая, и директор турбазы Гвоздовой, и «идеолог» интересуются краеведением, поговаривают о музее, но друг с другом не контактируют. Хотя, наверное, им и негде пересечься, районную газету не читают, приемлемых мест для совместного культурного у них нет. Межпоколенческих связей мало, чем живет молодежь ни старики, ни люди среднего поколения не знают (только общие утверждения про «дискотеку», про то, что уезжают).

Из зарисовок местного колорита...

Первый день приезда: коммунальщики чистят и отмывают памятник Ленину на площади. Воскресенье, 137-летие вождя революции, перед чистеньким памятником со свежеразкрашенным постаментом (и трибуной по-совместительству) с дюжину коммунистов, в основном пожилого возраста. Сетуют на необразованность современной молодежи. Личность и роль В. И. Ленина забывается, история вымывается, выхолащивается...

На берегу искусственного озера установлен (иначе и не скажешь) огромный Дом культуры. Можно решить, что это самое главное здание в городе. Костел и церковь просто теряются рядом с монументальным советским искусством. Разваливающийся дворец графов Друцких-Любецких на другом берегу озера рядом со стадионом «Олимп» только усугубляет впечатление...

Несколько мужиков потрепанного рабочего вида рассекают по городу на новеньких скутерах...

Андрей Егоров

Ганцевичи

8-10 июня 2007 года

Историческая справка

Город Ганцевичи возник как железнодорожная станция в 1898 году в связи со строительством железной дороги Вильно-Лидя-Барановичи-Лунинец, с 1902 года на месте станции стало расти и строиться местечко. До 1950-х годов население не превышало 3,5-4 тысяч человек, до Второй мировой войны в местечке проживали преимущественно евреи (до 70%) и поляки. С 1966 года г. Ганцевичи — районный центр Брестской области, где проживает 14,8 тыс. человек. Сегодня население района — 36 тысяч человек. В городе есть железнодорожная станция и автостанция, но город находится в стороне от основных транспортных путей.

Общие впечатления

Город маленький, относительно чистый, но есть какое-то ощущение упадка, постепенного обветшания. Хотя жители говорят, что за последнее время внешне город стал выглядеть лучше. Многоэтажная застройка — в центре, по линии основных улиц. Встречаются и «старые» здания 50-60-х годов, но в основном 5-этажки годов 70-80-х годов. «Элитных» многоэтажек нет. Кучки домов разделяет иногда довольно большое свободное пространство, поросшее травкой, травку поедают козы и лошади. Все культурно-административные здания, гостиница, почта, музей находятся на центральной площади и улице

Октябрьской, недалеко — парк, посаженный в конце 1980-х на месте старого кладбища. Лавочки по ул. Октябрьская и парк — место тусовки молодежи и распития пива. Среди домов в частном секторе встречаются разные: от простых деревянных домов до внушительных коттеджей. На улицах встречаются довольно дорогие машины (и довольно часто), но в основном — подержанные иномарки, жители ездят на велосипедах, как правило — старых.

Автостанция — чистенькое, довольно новое здание, автобусы и маршрутки ходят по местным районным маршрутам и в большие города — в Минск, Барановичи, Брест.

Предприятия и работа в городе

Основная проблема — безработица, особенно среди женщин, об этом говорят все — от чиновников в исполкоме, до зеленой молодежи. Самое крупное промышленное предприятие в городе — завод «Пищевик» (выпускал продукцию для оборонки, консервы) и обеспечивал 600 рабочих мест. Был закрыт по банкротству в 2001 году. Оставшиеся предприятия (ГЛХУ «Ганцевичский лесхоз» (около 300 работников), ОАО «Модуль» (около 200), Ганцевичский хлебозавод, «Ганцевичское хлебоприемное предприятие», филиал Барановичского молокозавода, и др. не могут предоставить достаточного количества рабочих мест. Мужчины ездят на заработки (как правило, в строительство): раньше ездили в Москву, но после ряда несчастных случаев, стали перебираться на работу в Минск, где зарплаты те же, а безопасность выше.

Довольно стандартная для районных центров проблема с медицинскими кадрами, особенно узкими специалистами. Ганцевичская молодежь после школы уезжает, «возвращенцев» не много, и по причине отсутствия работы и по причине отсутствия перспектив.

Средняя зарплата 350-450 тысяч, хорошие зарплаты в основном у работников банков, в сфере связи. Но это без учета «привозных» денег, которых по оценкам жителей в городе много («вы на машины посмотрите!»).

Исполком пытается стимулировать развитие промышленности и бизнеса для решения проблемы безработицы. Принята в порядке эксперимента программа развития г. Ганцевичи на 2006-2010 годы (вторая в Беларуси, первая была в Белозерске). Такая «экспериментальность» позволила выделить город из района и принимать решения отдельно по городу, устанавливать для города отдельные нормативы. Например, администрация города ввела льготы по аренде помещений для юрист, которые занимаются бизнесом (не торговля), бесплатно на пять лет, с возможностью передачи в собственность. Привлекаются инвестиции из государственных фондов для ОАО «Модуль» под создание рабочих мест (в 2007 году на 2 млн. долларов). В этом же году лигтовские предприниматели выкупили две линии закрытого завода «Пищевик» для производства продукции из ягод и грибов (это первая чистая иностранная инвестиция).

Культура и развлечения

В основном все зажато в формальные рамки деятельности Городского дома культуры, где по случаям (Новый год, официозные праздники и др.) проводятся выступления кружков и коллективов самодеятельности. Кое-что оригинальное пытается делать директор краеведческого музея, приглашая к сотрудничеству художников и музыкантов из Красноярска (там живет ее одноклассница-художник) и из Минска. Например, ею проведена «Ночь музеев», где устраивали арт-перформансы, боди-арт, номера классической музыки. Нельзя сказать, что это пользуется бурным успехом: на «Ночь музеев» пришли

80 человек. С кинотеатром такая же картина: на сеансы ходят редко и в малом количестве (до 15 человек), как правило, уже посмотрев фильм на DVD. Интересно, что по городу, тем не менее, расклеена реклама фильма «Пираты Карибского моря-3», который недавно прошел в Минске, цена билета — 2000 рублей.

Всякие неформальные начинания подбираются ГДК (Городской дом культуры), так произошло с брейкдансом и молодежными неформальными рок-группами. Под крышей дома культуры проводятся концерты ганцевичских групп с приглашенными группами из других городов (Брест, например). Какой популярностью это пользуется среди молодежи сказать трудно, но билеты платные, по 1200 рублей.

Есть формально принадлежащий к ГДК, но довольно самостоятельный фолк-коллектив «Кумки», исполняющий оригинальные полесские песни.

Кое-кто из молодежи (активных — 4 человека) увлекается паркур (преодоление препятствий в городской среде), тренируются на улице, в карьере с опилками, на школьных площадках, лазают по домам, убегают от милиции. Им начинают подражать другие, в том числе и совсем юные детишки. В основном это школьники, студенты 1-го курса, маловероятно, что кто-нибудь из них останется в Ганцевичах через пару лет.

Относительно приличное место кафе «Венеция», все остальное довольно убогое. Ресторан «Цна» сохраняет все советские традиции обслуживания и качества питания. Кафе «Ностальгия» и «Молодежное» предназначены в основном для распития спиртного, а не «культурного» времяпровождения.

Гостиница

Более-менее пристойно, но без горячей воды, душ только на первом этаже, туалетной

бумаги нет, мебель старая, потолки на лестничных пролетах с желто-черными подтеками.

Бизнес, рынок, магазины

Частная инициатива в Ганцевичах развита слабо. Работают несколько частных магазинчиков, 4 кафе, пара парикмахерских, есть местное такси (работают две машины, реклама висит по всем городским кафе и барам), услуги ремонта (мебели и радиоэлектроники), производство памятников, челноки (и в основном не местные) торгуют на рынке. В местный исполком поступали обращения о возможности открытия ночного клуба, ответа пока нет.

Рынок довольно большой, больше всего торговцев собирается по субботам, продают в основном одежду и обувь. В «ролетах» и магазинчиках на рыночной площадке — бытовая химия, косметика, мясной ряд, два книжных торговца (ассортимент: учебная литература и попса, нет даже какого-нибудь Пелевина или Мураками, тоже самое и в книжном магазине), продают мебель (кухни) Брестской мебельной фабрики под заказ по каталогам, недорогие велосипеды (в том числе типа горных, цены до 400 тысяч). Стоит коллекционер-скупщик из Минска.

В государственных магазинах — выбор никакой, площади большие, но какие-то пустые, набор товаров оставляет впечатление сельского магазина, вся бытовая техника белорусского производства. Чуть получше ситуация у частников: открыт магазин спорт-товаров и бытовой техники, хозяйственного инвентаря и всякой мелочи по уходу за растениями, магазин по продаже компьютеров (хотя жители предпочитают обращаться к «надомникам», у которых дешевле, без наценки).

Интернет, компьютеризация, локальные сети

Точка выхода в Интернет в городе одна — одинокий компьютер в отделении «Белтелеком». Есть еще один в библиотеке, но не в свободном доступе. Частных компьютерных клубов, даже игровых, в городе нет вообще. У многих компьютеры дома, в Интернет выходят по dial-up, кое-кто подключился по ADSL «VyFly», но считают, что это дорого. Локальные сети есть, правда на небольшое число пользователей (до 10 человек), но кажется, что потенциал для развития сетей может быть.

Местные газеты

В Ганцевичах две местные газеты: официальная «Советское Полесье» (2 раза в неделю) и независимая «Ганцавіцкі час» (1 раз в неделю). Официальную продают в ларьках «Брестоблпечати», «Ганцавіцкі час» продают на рынке и распространяют через независимую сеть продавцов, предусмотрена система скидок для подписчиков «ГЧ» в некоторых местных магазинах. «Советское Полесье» содержит местные новости официального и не очень официального плана, статьи о «судьбе передовиков производства», идеологические материалы (типа «письма» про несправедливые льготы), объявления. «Ганцавіцкі час» — слегка желтоватая газета, с критичным взглядом на местные события, но без «непримиримой» оппозиционности — где критикуют, а где и хвалят местную власть, перепечатаывают светские скандалы с российскими звездами, информацию с БелаПАН, размещена реклама RTVi, печатают стихи местных дарований, анекдоты, есть вкладыш с программой на неделю, блок объявлений.

В газетных объявлениях печатается о продаже квартир (двухкомнатная — 15 тыс., четырехкомнатная — 50 тыс. долларов), подержанных ав-

томобилей, мебели, компьютеров, б/у бытовой техники, нагревательных котлов и др.; о покупке, в основном, скота, подержанных автомобилей.

Церкви

В городе есть православный и католический храмы, общины пятидесятников (200 человек), баптистов и харизматов (около 20 человек). Католики проводят пешие и велосипедные «паллигримки» к гробу бенедиктинского епископа в Пинский район, к иконе «Матери Божьей Логошацкой». По словам местных жителей, участники паллигримок в основном школьники, с которыми более-менее активно старается работать ксендз. Община пятидесятников — старая, ей уже лет 30, прирост сейчас происходит за счет детей прихожан старшего возраста, новые люди приходят не очень активно, внешней деятельности община практически не ведет.

НГО и политические партии, неформальная активность

Есть относительно активная ячейка БелАП-ДИ, активистки — молодые женщины — устраивают праздники для инвалидов, чем-то им помогают, но не более того, самостоятельных идей у них нет.

БОТЖ занимается распределением гуманитарной помощи, активной деятельности не ведет.

Ячеек политических партий в Ганцевичах сейчас нет, есть отдельные люди, которые могут собираться под проводимые политические кампании, сборы подписей и т.п. Старые активисты довольно крупной бывшей ячейки БНФ (распалась в 2000-2001 гг.) сегодня *«кто где: кто на заработках, кто спился»*.

Есть «волосатики», или неформальная готическо-металлическая молодежь. Три-четыре года назад было несколько музыкальных групп и ту-

совок, что-то они делали (вместе с редактором «ГЧ» Гузаевским поставили в парке мусорки), но потом или уехали, или перешли под крышу ГДК. Сегодня в ГДК остались несколько групп, проходят концерты.

В неформальном секторе место «волосатики» сегодня заняли «паркуровцы», причина появления одна и та же — от безделья, никаких «серьезных намерений» за этим не стоит. К нашим вопросам и предложениям по раскрутке и организации показательных выступлений отнеслись настороженно, скорее просто об этом никогда не думали, да и тренироваться для подготовки выступлений им просто негде.

Несколько лет назад с подачи редактора «ГЧ» открыли сайт «Ганцевичи.инфо», скидываются на дешевой хостинг. Сейчас администратор сайта уехал учиться в Минск, от жизни в городе оторван, сетовал на то, что тусовки вокруг сайта так и не сложилось, не смогли ни разу собраться. Среди активных посетителей сайта много учащейся в других городах молодежи. На перспективы в городе администратор сайта смотрит скептически. Пробовал с товарищами организовать дискотеку под открытым небом, но администрация города не разрешила.

Люди и персоналии

Жизнь людей города протекает между работой (с которой тоже не все в порядке), домом и решением бытовых вопросов. Если молодежь еще «тусуется» по дискотекам, кафе, или просто на лавочках пьет пиво, то чем занимаются люди старше 25 лет, непонятно. Девушка (около 25-27 лет): *«Смотрят DVD по домам, иногда ходят в кафе, а так делать нечего»*.

Вся активность в городе находится под контролем местной администрации, попытки независимых инициатив ею жестко пресекаются.

Редактор газеты «Ганцавіцкі час» — практически единственный яркий и живой человек, с палешуцкай хитринкой. Такое ощущение, что вся минимальная общественная активность в городе или его рук дело, или как-то с ним связана. Амбициозный, реально хочет влиять на то, что происходит в городе и районе, имеет обширные связи и авторитет в формальной и в неформальной среде.

Перед нашей поездкой была проведена хорошая работа по подготовке встреч в районной библиотеке, музее, доме культуры, но ни одна из встреч не состоялась. В каждое учреждение поступил звонок из отдела по идеологии райисполкома с указаниями — никаких встреч без санкции администрации (председателя или его зама или отдела по идеологии).

Андрей Егоров

Туров

24 июня 2007 года

Сегодня Туров стараются сделать туристическим центром. В 2004 году получил статус города, до этого времени — городско поселок.

Общие впечатления

Сельский одноэтажный городок. Чувствуется стремление «причесать» город под туристический: опрятный центр, аккуратненькие памятники в честь древней истории (Кирилле Туровскому, Рогволоду), стекло-металлический саркофаг над фундаментом храма 12 столетия («скрипта»), два музея (краеведческий и экологический), новое здание гостиницы (номер от 35000 рублей), отремонтированное кафе «Пралеска», элементы крыши и стен по центральной улице отделаны сайдингом. Но вникая чуть глубже, замечаешь поверхностность всего этого: нормально поесть «случайным» туристам не всегда возможно, питание заказывают только для организованных групп, гостиница пустует, туристических объектов очень мало и смотреть особо не на что.

Предприятия, занятость, бизнес

В городе одно относительно крупное предприятие — консервный завод (производят консервированный горошек). Завод передан в подчинение колхозу, где работает основная

Историческая справка

Город Туров (Гомельская обл., Житковичский р-н) древний белорусский город, упоминается с 980 года. Сегодня это маленький городок на берегу Припяти в 3,5 тысяч жителей, вдали от основных транспортных линий: 25 км от автотрассы и железной дороги Брест-Брянск. Рядом находится национальный парк «Припятский». До 1962 года Туров — райцентр и (по словам местных жителей) довольно развитый город, насчитывающий до 10 тысяч жителей. Были «соответствующие» райцентру предприятия (хлебозавод, молокозавод и др.) с дополнительными рабочими местами. С переносом административного центра района в г. Житковичи предприятия переехали в новый районный центр, сократились бюджетные дотации, и Туров пришел в относительный упадок.

масса жителей. В разговорах жители жалуются на отсутствие рабочих мест и низкие зарплаты. Значительное число жителей, в том числе и интеллигенция (например, преподаватели музыкальной школы), заняты черным сельскохозйственным бизнесом — выращивание и продажа огурцов. Это отнимает кучу времени и, видимо, составляет существенную (а часто и большую) часть доходов жителей. Однако, туровцы не считают огурцы ни работой, ни бизнесом, по крайней мере, так об этом говорят.

Среди успешных предпринимателей называют фермера Шруба М.Г., который держит образцовую ферму (*«таких в Европе нет, только в Канаде есть»*). Шруб якобы был когда-то председателем исполкома, потом с боем организовал фермерское хозяйство, поставил его на ноги, некоторое время назад помогал в организации образцового хозяйства под крышей Нацбанка по просьбе Прокоповича, но потом вернулся к своему бизнесу. Остальной бизнес — мелкая торговля на рынке.

По словам работницы краеведческого музея иногда довольно много групп туристов — до шести в день. Туризм организован скорее всего сверху. Вероятно, даются разнарядки по предприятиям, БРСМу, идеологическим отделам о тех местах, в которые нужно организовывать туристические поездки.

Люди

Люди часто с грустью вспоминают о бытности Турова райцентром, считая себя горожанами вопреки настоящей ситуации. Да и сам город хранит следы бывшего статуса (например, хорошая больница). Такие воспоминания служат источником неприязненных отношений туровцев к Житковичам и житковичской районной администрации, горожане отзываются о Житковичах как о бывшей деревне (*«...тока райцентром не ста-*

ли»), тогда как Туров всегда был городом. Часто можно слышать жалобы на неравноправные отношения Турова и Житкович, на приниженный статус Турова, на то, что у города нет собственно расчетного счета, на использование туристического значения города в интересах райцентра (*«Туров ничего с этого не получает»*), на подавление районной администрацией инициатив горожан по развитию своего города, на невнимание руководства к нуждам жителей.

Партии, общественные инициативы, неформальная жизнь

Преыдуший председатель исполкома города лояльно относился к общественным инициативам, и вообще много чего старался делать для развития города. Некоторые организации были созданы сверху — исполкомом, как эколого-краеведческое общественное объединение «Земля предков» (хотя других мы и не нашли). После его ухода новая администрация перестала помогать общественным инициативам и стала зажимать их как «оппозицию» (по другим сведениям, не сильно зажимают, скорее просто перестали оказывать содействие и поддержку). Ввиду этого активная деятельность остановилась, проводятся отдельные акции типа посадки деревьев и кустарника в парке (все деревья не люди сломали, а съели часто пасущиеся кони и козы).

Есть три ОГПшника, парочка БНФовцев. Бывший активист ОГП Михаил Козел с двумя помощниками издает самиздатовскую газетку «Вольныя навiнь», которая выходит нерегулярно. Ее тираж — до 200 экземпляров, распространяется в Турове и Житковичах. Редактор говорит, что люди боятся подписываться и получать газету.

Все активные люди в Турове лично знакомы, представляя собой что-то вроде группы

общественно активных горожан. Они предпринимают совместные действия по обустройству города, пытаются влиять на политику в городе, например, связанную с выбором места для постройки православного храма. Горожане настаивают на восстановлении храма, на его исходном месте на горе, тогда как, не считаясь с их мнением, власти и церковные иерархи хотят строить храм в центре города. На прошлых выборах им даже удалось провести двух своих депутатов в местный совет. Тем не менее, нельзя сказать о том, что эта группа реально влияет на что-либо в Турове.

Персоналии: бывший главный врач туровской больницы

Показательным случаем взаимоотношений местных властей, независимых инициатив граждан и сложных административных отношений г. Турова и районного житковичского начальства стало создание реабилитационного центра при туровской больнице. В 2004 году благодаря усилиям главного врача туровской больницы Ирины Александровны Сергейчик был получен грант от посольства США на создание современного реабилитационного центра, включающего водо- и грязелечение, массаж, физиопроцедуры, фитотерапию, су-джок терапии.

Проект, предложенный И.Сергейчик, первоначально был одобрен в управлении здравоохранения Гомельского облисполкома и не встретил сопротивления в Минздраве. Однако, уже с самого начала создания центра, главный врач столкнулась с противостоянием со стороны районного начальства по линии здравоохранения. Дело в том, что Туровская городская больница находится в подчинении районной больницы г. Житковичи. Правила административной игры предполагают иерархическую систему распределения средств, специальных привилегий и благ,

а именно: чем выше в иерархии учреждение, тем большим объемом благ оно располагает. Получая средства в обход районного начальства, главный врач туровской больницы нарушала сложившиеся неформальные правила игры. И.Сергейчик было предложено направить деньги на создание такого же центра в больнице г. Житковичи, а не в г. Турове. Этот шаг был неприемлем для инициатора. Преодолевая все попытки принудительно остановить строительство центра в Турове, Ирина Александровна все-таки сумела довести работу до конца. В 2005 году состоялось его торжественное открытие, на котором присутствовал посол США Дж. Кролл, представители районного начальства. Казалось бы, центр может начинать работу, но вместо этого районное медицинское начальство уволило Ирину Сергейчик (врача с 20-тилетним стажем и двумя медицинскими дипломами (!)) якобы за несоответствие должности главного врача. Районный суд первоначально признал несправедливость решения об увольнении и восстановил ее на работе, но кассационная инстанция отменила это решение. Все дальнейшие попытки обжаловать эти незаконные меры воздействия были безуспешными. В частных разговорах, работники правоохранительных органов намекали И.Сергейчик на то, что ее вопрос был «решен» на самых высоких уровнях, и сделать уже ничего не возможно. С увольнением И.Сергейчик туровская больница, которая обслуживала около 11 тысяч жителей, потеряла и специалиста ультразвуковой диагностики. Современный аппарат для обследования внутренних органов человека в больнице простаивает. На обследование жители туровской зоны сейчас должны ездить в Житковичи — почти за тридцать километров. К тому же в житковичской райбольнице запись для обследования на аппарате ультразвуковой диагностики ведется на три месяца вперед.

Ирина Александровна Сергейчик уже два года остается без работы, но не собирается отказываться от призвания врача. Сегодня она рассматривает возможности открыть частную практику в родном городе Турове, хочет открыть что-то типа экотуристического бизнеса и заинтересована в сотрудничестве.

Вместо заключения

Туров: сосредоточение Мирового Зла и Президент, который так похож на нас

Только попав в город Туров можно понять, что районный центр г. Житковичи являются сосредоточением Мирового Зла.

Сосредоточение Мирового Зла

История началась с того, что с 1962 года г. Туров перестал быть райцентром — и пришел в относительный упадок. Перенос районного центра во многом произошел из-за неразвитости транспортной инфраструктуры Турова. В 60-х годах, через р. Принять не было моста и во время разливов город и окрестности надолго оставались отрезанными от остальной части района, через Житковичи же проходила железная дорога и это посчитали решающим аргументом в изменении административного статуса города.

В таких рассказах Житковичи приобретают демонический статус враждебного Турову места, темной и злой стороны системы управления. Буквально каждая семья, каждый человек в Турове как-то пострадал от Житковичей и районной администрации. Везде слышны жалобы на неравноправные отношения Турова и Житкович, на подавление районной администрацией инициатив горожан по развитию своего города, на невнимание руководства к нуждам жителей и т.д. и т.п. Благородные, креативные, творческие, талантливые туровцы стонут под гнетом неотесанной деревенщины из Житковичско-

го исполкома и районных отраслевых органов управления.

Житковичи — собственный местечковый «долгоносик», «злачынны рэжым», «монголо-тарское иго» и универсальный объяснительный принцип для Турова. Удалось что-то сделать — это все потому, что Житковичи не мешали, не получилось чего, ну ясно, кто козны строил. Так и живут, и конца этому не видно...

Президент, который так похож на нас

Современный полесский фольклор — явление увлекательное, и ничуть не менее интересное, чем уникальные древние белорусские сказки и легенды. Вот послушайте:

«Было это недавно совсем, пару годков только прошло. На день Беларускай письменнасці прыезжас в Туров Президент. Ну, как водиться, надо принять дорогого гостя как надо. А в Турове гостей принимать умеют, не что в каких-нибудь Житковичах. Бывало Филарет придет, так ему только кофий подадут (потому, что житковичские обеды кормить не дают, к себе возят), а на стол, дивно украшенный, бокалы поставят, да рыб живых туда пустят. Дивится гость на такое чудо и радуется. А как Президента принять? Дело непростое, да и Житковичи косо смотрят, все внимание себе поровят забрать, боязно им Туров с хорошей стороны показывать. Беснуются, окояныя, а поделатъ ничего не могут, Президент в Туров сам едет! А есть в Турове местный хор, хору этому уже много лет, хороший хор с наградами всякими, думаем, покажем Президенту — будет ему радость, а Турову — слава. Как задумали — так и сделали. Приехал Президент да пошел хор по программе слушать, полчаса, значит, полагается. Час нет, два нет, третий уж пошел — нет! Житковская администрация извелась вся: где Президент? чего ж так долго нет? программа нарушается! что делать? А Президент хор слушает! Так ему нравится, так поет! Слезу Президент пустил и говорит: «Эх! Весь день бы вас слушал! Да что день?! Махнуть бы с вами за реку, друзья, отдохнуть бы с вами да песнями вашими!» А хор ему: «Так, Александр

Григорьевич, мы-то с радостью, хоть сейчас поехали!» — «Не могу! — говорит, — дела государственные!» Обнял он хор, утер слезу и пошел дальше программу отбывать. Отбыл все как полагается и в Минск уехал, делами государственными заниматься. А хор не забыл. Прислал хору подарки из столицы: костюмы и деньги на инструменты, потому как заметил, что инструменты поизносились. Хороший хор, да бедный. А жытковцы те костюмы передали, те по мерке были сшиты, а деньги на инструменты себе в отдел по культуре забрали, в нарушение президентского указания. Но история на том не кончилась.

Случился у хора юбилей, 80-летие, значит. И решил хор на праздник свой Президента пригласить. Как задумали — так и сделали. Письмо послали образцовое, так мол и так, приезжайте, дорогой Александр Григорьевич, юбилей у нас. Ну, жыткаўцы смеются, говорят где это видано, что Президенты к хорам туровским на юбилей ездили. Не верят они, что приедет, ну и ясное дело не готовятся. А Туровцы готовятся, ждут. И раз, письмо от Президента приходит — ждите, только сам приехать не могу, в ООН надо, а человека от себя пришлю. Как тут жытковцы забегали — засуетились, человек президентский едет! А деньги на инструменты, а? Что делать? Идут на поклон к хору. «Возмите, — говорят, — инструменты за деньги купленные!» А хор говорит: «Нам таких инструментов не надо, вы нам хороших тульских баянов купите, тогда возьмем». Делать нечего, купили жытковцы хору баяны, что стоили в десять раз больше, чем Президент денег дал. А в то время в Турове все готово к приёму дорого гостя. Праздник будет, со всех окрестностей туровских привезли людей голосистых, туровцы они уж какие талантливые. Так пели, так плясали, угодили человеку президентскому, так хлопался, вспотел весь. А потом письмо от Президента читал, так тут все туровцы, полный зал, чуть не плакали. Такие дела!

Да и это еще не конец. Есть у истории продолжение. Нежданно-негаданно приехал Президент в Туров второй раз, газ проводить, значит. Ну, жытковцы, ему вместо

хора — духовой оркестр свой показывают, Президент не взглянул даже. Потом ему другой хор туровский показывают (в Турове два хора есть). Президент слушает, да говорит: «Хорошо поют, да не те!», те снова поют, а Президент за свое: «Хорошо поют, да не те!» Вот как! А в толпе, что Президента встречает, четыре девки стоят с того самого хора, принесли Президенту цветы, подарить да спасибо сказать, что человека своего на юбилей прислал. А девок тех охрана не пустила цветы дарить, не положено, мол, раньше надо было говорить, а то мало ли что... Но те, стоят, не уходят, значит. Тут другой хор уже все спел, и Президент засобирался, уходит уже, да вдруг девок в толпе заметил. Узнал их, значит! Подбежал к ним, радый: «А ну! — говорит, — Пойте!» Девки от волнения, чтоб Туров не пофамить перед жытковцами, «Купалинку» на четыре голоса ка-а-ак спели — все аж ажнули. Президент снова прослезился: «Эх! Девки мне бы с вами за речку, да слушать и слушать как поёте! Но, знаете, камаров боюсь, больно они у вас кусачие!» А девки ему: «Что вы, Александр Григорьевич, мы к вам камаров и на метр не подустим!» И такое на земле туровской случается!»

Забавно? Что интересно, это рассказывают очень умные, интеллигентные, хорошие люди, отнюдь не пособники «режима», скорее наоборот, и рассказывают не для того, чтобы пробиться наверх, выслужиться, а просто так от души. Кем предстает президент в их легендах? Позитивным ли персонажем, есть ли здесь восхваление или что-то подобное? Мне кажется, нет. Скорее, президент в рассказах жителей Турова предстает как персонаж, обладающий антропоморфными чертами. Он ведет себя почти как обычный человек: плачет, радуется, помнит о хорошем, с девками за речку ему хочется от дел подальше. То есть он — совсем как мы, только президент, а это само по себе не позитивно, не негативно.

Андрей Егоров

Глубокое

25-27 апреля 2007 года

Общие сведения

Глубокое — город озерного края, административный центр района Витебской области, 176 км от Минска, 187 км от Витебска, перекресток автотрасс Полоцк-Вильнюс и Минск-Рига. В городе есть железнодорожная станция.

У Глубокое богатая история. Первое упоминание в 1514 году. Изначально этими землями шляхетские семьи Зеновичей и Корсаков.

В составе БССР с 1939 года. Население сегодня составляет около 20 тысяч человек. По конфессиональной принадлежности больше половины жителей — католики. Стандартный набор госучреждений (школы, райбольница, профлиней, исполком-горсовет) и госпредприятий (молокозавод, консервный завод, хлебозавод, мясокомбинат и что-то еще). И вроде бы все, как везде, но это не так.

На поверхности

Побывав в двух-трех малых городах, очень трудно сохранить «незамысленность» наблюдения и воспринимать все наивным взглядом первооткрывателя, продолжать удивляться казалось бы привычному. Но сам город может в этом тебе помочь, показав себя с неожиданно яркой стороны. Глубокое — поразительный городок, отличный и выделяющийся на общем фоне, но что более удивительно — рефлектирующий это отличие.

Рейсовые междугородние автобусы в город прибывают практически на кладбище, столь близкое соседство которого с автостанцией здесь никого не смущает.

Дальше мы сталкиваемся и с другими немало шокирующими вещами. В городе активное автомобильное движение, прыгают городские автобусы и маршрутки, и значение светофоров на центральных улицах для пешеходов далеко не символическое. На площади, напротив исполкома («белого дома»), вместо Ленина — внушительная стоянка автомобилей и большой супермаркет. В Глубоком есть магазины! Хотя нет — скорее, лавки, лавочки и лавчонки. Глубокое — город средних и маленьких частных лавок: продуктовых, канцелярских, детских, одежных, мебельных, сувенирных, автомобильных, строительных и прочих. Часто устроенных очень просто: дом владельца с пристройкой, в которой располагается его бизнес. Сопутствующие делу предпринимательства вывески ярких цветов и наружная коммерческая реклама местного (!) значения явно доминирует над идеологическими стендами и транспарантами. Откуда это?

«Восстание еврейской крови во втором поколении»

Обилие частновладельческих магазинов заставляет интересоваться вопросом: почему это здесь и откуда столько? Глубокские жители замечают и признают это отличие (*«у нас второе место после Минска по количеству предпринимателей»*), весьма своеобразно объясняя его «восстанием еврейской крови во втором поколении», «возрождением еврейского прошлого»:

— *Таки понимаете, в Глубоком до войны было 80% евреев!*

— *II что? Во всех беларуских городах было не меньше!*

— Ой, что вы говорите!? Наши же были лучшие всех! не байки, так правда было.

Для них это вполне серьёзно. Современная коммерческая жилка объясняется связью с еврейским населением, которого в Глубоком практически не осталось. Но память о нем живет в этом мифе настолько сильно, что иногда начинаешь сам в это верить. Вообще местные жители хранят историю города, вспоминают первых владельцев города Зеновичей и Корсаков, ссылаются на славную историю евреев Глубокого:

— А как тут до коммунистов было?

— А тое самое! Адныя кфамы!

И эта особенная городская история часто кладется в обоснование своей современной уникальности:

— ...У нас так всегда было. Мне еще моя бабка говорила: «Эта там, на усходзе, камунисты прышли, камунисты й застапуцца. У нас яны прыйшли, яны й пайдуць...» (предприниматель на рынке)

— Так тут от российской границы далеко будет... (намек на то, что они, глубокские, в Западной Беларуси живут в отличие от нас, минских)

Мы глубокские такие, если не заработаем, то украдем. В конце СССР тут натуральное хозяйство было, кто на молокозаводе работал, кто на мясокомбинате, кто на консервном. Все друг с другом менялись, так и жили. А в начале 90-х? Знаете в колхозах на полях такие огромные алюминиевые цистерны стоят для дозатравки техники? Так вот, ребята подгоняли машину, бочки грузили и на продажу. Естественно, кража, начинается следствие, а ребята эти не прячутся. Их вызывают, они являются. Вы взяли? — Мы взяли. Все признают, говорят, ущерб возместим в полном размере. Считают ущерб. Бочка 70-го года, укурка-уушка, то да се, вот вам ущерб плюс штраф, всего 7000 рублей. А они на тыщи баксов навару уже получили. Вот и считайте чистую прибыль. И это

Власть денег

Вообще понятно, что без лояльного отношения местных властей достигнуть таких масштабов развития малого бизнеса в городе было бы нельзя. Люди в «Белом доме» (местное название здания исполкома), действительно, большей частью «не помогают, но и не мешают». Хотя, многие негативные явления здесь воспринимаются как нормальное или «терпимое» состояние дел. Например, коррупция, блат или добровольно-принудительное финансирование социальных программ.

— Да так в любом маленьком городе, это нормально! Дай на то, дай на это... А если не дашь? Налоговая, пожарники, милиция — все у тебя будут. (владелец магазина)

Не мешают? Да если б не мешали, у нас здесь Швейцария была бы! (предприниматель, владелец ларька на рынке)

Подобных историй про коррупцию местных чиновников и всякие сомнительные махинации исполкомовских властей — масса. Особый подкласс составляют байки про «кидалово» иностранцев, типа таких: «Хотели немцы (поляки, евреи) сделать хорошее дело — перезахоронить (упорядочить кладбище, построить, профинансировать). В исполкоме деньги взяли, изобразили начало работы, а в результате ничего до сих пор нет».

Создается впечатление, что местный исполком весьма прочно сидит на программах европейской помощи — от общих (типа ТАСИС и трансграничного сотрудничества) до страновых (немецких, пвевдских и др.), хотя внешних результатов всего этого нам увидеть не удалось. При всех сложностях отношений белорусского государства с Европой местные чиновники очень оптимистичны.

мистично смотрят на перспективы расширения европейско-беларусского сотрудничества...

Из наблюдений

На площади, напротив исполкома, вместо Ленина — внушительная стоянка автомобилей и большой супермаркет.

Улица Советская начинается зданием суда и заканчивается зданием тюрьмы.

По Глубокому бродит призрак агротуризма. В местной газете — объявления про частный домик-гостиницу, отдел по спорту и туризму проводит агитацию за туристические усадьбы, то один, то другой собеседник рассказывает, что хочет купить домик и зазывать туристов. Но то, что сегодня уже работает в этой сфере, выглядит плохо ...

Глубокое растет и развивается, в частном секторе строятся и перестраиваются новые дома, большие, иногда в два-три этажа. При этом местные жители жалуются на нехватку жилья...

Есть некое ощущение свободы действий: можно ходить туда-сюда, спрашивать, люди тебя особо не избегают, довольно легко идут на контакт.

На Пасху и другие религиозные праздники дискотеки не работают.

Из развлечений: две дискотеки (популярная — в диско-баре «Спейс»), довольно приличное заведение — бар «Неон» (там даже стриптиз бывает), заведений для семейного отдыха нет.

Действует театр-студия имени Игната Буйницкого, не особо популярная.

Встретили рыцаря-тамплиера. В Глубоком он один, другие братья по ордену — в Полоцке, всего шесть. Всем клубом ездили к братьям во Францию, на родину ордена тамплиеров. Доспехи сделали по старинным образцам в сельской кузнице.

Андрей Егоров

Кличев

11-13 мая 2008 года

Общие сведения

Кличев — административный центр Кличевского района, стоит на реке Ольса. 91 км к юго-западу от Могилева. 7 км от железнодорожной станции Несега по линии Могилев—Осиповичи. В настоящее время тут проживает около 7,5 тысяч человек.

Кличев известен с 1592 года как деревня Кличево Витебского воеводства Великого Княжества Литовского. В 1897 году в Кличеве было 608 жителей. Была мельница, школа, церковь, ежегодно проводились 2 ярмарки. С 1924 года Кличев — местечко, центр района. С сентября 1938 года — городской поселок. В годы Великой Отечественной войны создана Кличевская партизанская зона, около поселка действовал первый в Беларуси партизанский аэродром. В 2000 году Кличеву дан статус города.

В настоящее время здесь работают предприятия деревообрабатывающей, лесозаготовительной, пищевой промышленности.

Пустыня будущего?

Внешний облик сразу навевает размышления о том, как будут выглядеть малые города в век развития информационных технологий. Скорее всего, это развитие практически не будет отражаться в материальном. Небоскребы, стекло и металл, голографическая реклама — все это в кино. На самом деле города практически не из-

меняются внешне: только на домах будут антенны, а в городе не будет людей и каких-то проявлений жизни. Все это уйдет в виртуальный мир.

Застройка Кличева — типичная: одно-, двухэтажные частные дома, несколько жилых пятиэтажек в центре и девятиэтажек в микрорайоне на окраине, административные здания. Похоже, что все строилось в советские времена. На общем фоне выразительно выделяются два объекта: огромная, современной планировки школа и большой парк-сквер на берегу Ольсы с качелями-каруселями, фонтаном, детской площадкой и полным отсутствием детей, да и взрослых тоже.

Весна, выходные дни, а на улице практически нет людей, в парке никто не гуляет.

Еще один очень примечательный момент — какое-то невероятно большое количество тарелок на домах. На самом обычном деревянном доме может висеть аж три штуки. Большое количество объявлений о продаже компьютеров (причем с оторванными ярлычками, видно, интересуются люди), есть даже Интернет-магазин. Как потом выяснилось, одна из актуальнейших тем для обсуждения у кличевской молодежи — Wi-Fi-покрытие всего города. На сайте klichev.by жизнь кажется более бурной и насыщенной, чем в городе (этим он сильно выделяется среди большинства сайтов малых городов).

В общем, похоже все, что есть живое в Кличеве, живет в виртуальных информационных просторах.

А что снаружи?

Блага, доступные «материализованному» субъекту

Магазинов немного, и все они поражают богатством выбора спиртных напитков, в особенности пива: как правило, в наличии несколько сортов белорусского, украинского и российско-

го. Потребители этого ассортимента встречаются тут же, причем в любое время суток уже очастливленные этими благами. Похоже, это другой популярный в Кличеве способ уйти от реальности.

С продуктами несколько хуже, чем с напитками: ассортимент невелик и качество вызывает подозрение. По городу не слишком много маленьких магазинчиков, ларьков и т.д., которые обычно принадлежат частникам и создают некоторую конкуренцию, а заодно улучшают инфраструктуру торгового обслуживания. Зато городской рынок состоит как раз из маленьких деревянных домиков, обшитых сайдингом.

Был не базарный день, и мало кто работал. В тех ларьках, что были открыты, ассортимент был неразнообразный и недорогой, хотя чуть лучше, чем в «стационарных» магазинах.

Общественного городского транспорта вроде бы нет, машин тоже не много. По крайней мере, оживленного движения не наблюдается. Автостанция ремонтируется, поэтому временно размещается в бывшем секондхенде — опознать без посторонней помощи крайне сложно. Рядом строится новая станция.

Отдельная история — это поиск какого-нибудь заведения, где можно было бы поесть: не просто купить булочку и перекусить, а нормально пообедать или поужинать. Такого мы не нашли. Номинально существует и ресторан, и пару кафе (погребков). Наверное, они даже бывают открыты, но нам опять не повезло. Там, где было открыто, обедов не предполагалось: кофе да бутерброды. В ресторане, куда нам удалось проникнуть с заднего входа, посетителям очень удивились и сказали, что повара пока не пришли, поэтому и закрыто. Вечером, кажется, там горел свет. Но есть нам очень хотелось днем, и мы поехали ... в Бобруйск (всего-то километров 50).

Гостиница встречает гостей города такой же тишиной и пустотой и ... магазином ритуальных услуг. В номерах как всегда: горячей воды нет, зато есть ванная и санузел в номере. Кроме того — телевизор с 30 каналами, холодильник — в общем, все блага цивилизации. Жильцов немного, точнее кроме нас вроде никого и не было. Но почему-то перед приездом нам настоятельно советовали забронировать номера, и уезжая, мы видели табличку «мест нет».

Занятость и активность

Кличев, похоже, классический пример районного центра, жизнь которого подчинена административному, экономическому, социальному и культурному обслуживанию сельского района. Каких-то специфических предприятий нет: переработка сельхозпродукции, лесопереработка, социальное обеспечение, бытовые услуги, транспорт. Есть аграрно-технический колледж.

Основу промышленного потенциала региона составляет ЧУП «Комбинат кооперативной промышленности» Кличевского РАЙПО. Есть несколько небольших частных предприятий по лесозаготовке-переработке, перевозкам, ремонту и изготовлению тротуарной плитки (цельх два). В целом обслуживание сельскохозяйственного района покрывает потребности в рабочих местах. Те, кто не удовлетворен, едут в Россию на заработки или вообще уезжают. Но в целом в городе проблем с работой не ощущается.

Казалось бы, в городе, где довольно большую долю населения составляют студенты колледжа (а это значит, что и преподавателей много), должна кипеть жизнь и всякая неформальная активность. Может она где-то и кипит, но внешне это никак не проявляется. Все чисто, спокойно и пустынно. Единственное обнаруженное нами общественное объединение — филиал БОТЖ, занят перманентной борьбой с властями и про-

чими объективными трудностями социального порядка, которых, как всегда, хватает. Члены БОТЖ даже пытались некоторое время издавать альтернативное средство массовой информации — свой бюллетень. Но средства кончились, и пока выпуск приостановлен. Честно сказать, кроме самой представительницы этой организации, ни про бюллетень, ни про саму организацию никто из жителей города не упоминал. Хотя эта довольно распространенная участь разного рода объединений по социальной и гуманитарной работе, когда их деятельность особенно не афишируется. Однако похоже, это единственная общественная и хоть в какой-то мере публичная активность в городе.

Молодежно-подростковый центр «Меридиан» раньше был довольно живым и неформальным местом, а сейчас прикреплен к центру внешкольной работы и, похоже, полностью перешел на детский континент.

На наши вопросы об интересных людях или о важных событиях горожане очень задумчиво смотрели на нас и не могли вспомнить ничего примечательного и значительного. Зато все отмечали роль слухов в жизни города. Нам попадались только какие-то очень специфические, криминально-похоронного или даже мистического характера: то кого-то «нечаянно», по слухам, похоронят; то обсуждают странности своевременного возгорания коммунальной собственности и даже церкви, то поведают историю о самоубийстве прямо на центральной площади перед исполкомом (правда в далекие и лихие 90-ые) невероятно трагикомическим образом (кто-то повесился на руке Ильича, указывающей светлое будущее). Что из этого правда, а что вымысел — неизвестно. Но ясно одно: активная жизнь в Кличе имеет не публичный, а коммунальный характер «вороньей слободки».

Культура и духовная жизнь

Вроде бы все для культурной и духовной жизни в Кличеве есть. По крайней мере, стандартный набор инфраструктуры: дом культуры, школа искусств и спортивная школа, 2 библиотеки и краеведческий музей. Кроме того, уже упоминавшийся аграрно-технический колледж — хоть и не высшее учебное заведение, но должен способствовать концентрации человеческих и интеллектуальных ресурсов в городе. Но ни одного работающего книжного магазина мы не нашли. В библиотеках также тихо, спокойно и в рамках плановой работы.

Из отчета участника экспедиции Д.Гаиновского:

В библиотеке имеется абонемент, читальный зал, услуги Интернета, распечатка, кроме того, услуга подготовки и распечатки рефератов. Причем, что такое «подготовка рефератов», я так и не понял. То ли это школьники приносят материал, а они его набирают, форматируют текст, оформляют. То ли им приносят тему, а они выдают готовый реферат. Скорее всего, и так, и так делают.

... В читальном зале пустынно и холодно (без тренировки я бы там долго не просидел), а на стенах висят пейзажи пера местного художника. По словам библиотекаря, он раньше рисовал в Доме культуры, а сейчас на пенсию ушел и уже не рисует.

Было оформлено несколько экспозиционных стендов: первый, конечно, по идеологии, второй по энергосбережению, третий про войну. Библиотекарь рассказывала, что у них проходит много мероприятий по различным поводам: год здоровья, единение народов Беларуси и России, 9 мая и т.д. Но добиться конкретики про то, как это выглядит, не удалось.

Особо мне понравился объемный труд собственного «производства», касающийся различных аспектов Кличевского района (экономический, героический, культурный и т.д.). Его уже в Могилев на конкурс отослали, теперь ждут ответа. При том, кто его делал — читатели

или библиотекари, — я так и не понял. Еще интересная была папка с газетными вырезками из национальной и региональной прессы про Кличев, Кличевский район, людей, которые из Кличевского района. Это распоряжение или личная инициатива, выяснить так и не удалось. Скорее всего, конкретного указания не было, но это «балванки» под будущую отчетность или под еще что-нибудь.

Сколько томов в библиотеке работники не знали. Пополняются фонды из Могилева. Причем из Кличева заявки не посылают. Они там сами решают, что присылать. Записывают в библиотеку с 9-го класса. Читатели в основном берут учебную литературу, готовят рефераты из художественной литературы по программным произведениям. Как нам сказали, в день бывает и до 20 посетителей, а бывает и 1-2.

Детская библиотека расположена в деревянном доме с резными наличниками и «купеческим» фронтоном. Дом состоит из двух комнат (одна — читальный зал, а другая абонемент). Читателю в основном энциклопедии, справочники (несколько стеллажей с Авантой+ «Я познаю мир»), из художественной литературы — программные произведения. На стенах все те же картины местного живописца и еще украшения из керамики, которые сделали студенты из Минска. Ситуация в целом, как и со взрослой библиотекой, только библиотекарь в детской более улыбчивая. Есть своя детская специфика. Так, например, мне сразу бросились в глаза подделки из бумаги. Библиотекарь рассказала, что это работы детей из кружка творчества, который работает у них в библиотеке.

Местный музей выглядит довольно презентабельно, но имеет некоторую специфику. Раньше он был музеем партизанского движения края и только недавно стал краеведческим. Это обстоятельство сильно сказалось на его наполнении. Очень красиво и подробно сделаны стенды про первобытно-общинный строй (в районе проводились археологические раскопки, и столичные мастера сделали хорошую экспозицию), все остальное, кроме стендов про Великую Отечественную войну, — очень скромно и абстрактно. Нас заинтересовали раз-

нообразные экспонаты отражающие быт прошлого века, которые могли свидетельствовать о том образе жизни, который вели в Кличеве в те времена. Однако, как оказалось, экскурсовод не была точно уверена, что они вообще собраны в этом районе: «Ну, наверное, чего издалека везти».

Еще в музее был зал «Святые лики вечности», представляющий иконы и картины, правда, без опознавательных знаков (время создания, чьи лики, откуда привезены или принесены).

Из городских событий, вспоминали только государственные и профессиональные праздники, которые проводятся около кургана, расположенного недалеко за речкой. Это, судя по всему, излюбленное место отдыха.

Страницы местной газеты под говорящим названием «Сцяг саветаў» кроме отчетно-прогнозной информации помещают и такие интересные материалы, как статьи о биографии Ленина на полстраницы под рубрикой «Гэта наша з табой біяграфія».

В Кличеве православные, составляющие большинство населения, объединены Благовещенским храмом, который сгорел в 2005 году и до сих пор не восстановлен. Пока службы проходят в вагончике. Есть католический костел, но с ксендзом поговорить не удалось. Есть протестанты: евангельские христиане, баптисты, и община ХВЕ «Благодать». И тех, и других совсем немного, но они между собой не общаются. Ни о какой общественной деятельности речь не идет.

Из отчета участника экспедиции Д.Гадиновского

Такой вот город: студенты из Минска приехали — в детской библиотеке что-то сделали, археологи пришли — в музее что-то сделали. Парк аттракционов тоже, наверное, кто-то приехал и сделал. Прошлый мэр бордюры делал, другой мэр осветительные столбы ставил. Остается надеяться, что следующий мэр поваром будет.

Брагин

16 — 17 мая 2008 года

Общие сведения

Малый город Брагин (административный статус — районный центр, городской поселок) расположен на юго-востоке страны, расстояние от Минска — 357 км, от областного центра г. Гомеля — 119 км, до ближайшей железнодорожной станции в г. Хойники — 28 км. На 2006 год здесь насчитывалось 3668 жителей. В результате аварии на ЧАЭС и радиационного загрязнения г.п. Брагин попал в зону с правом на отселение. Из города выехало около 70% жителей. Сегодня Брагин находится в зоне загрязнения, буквально в нескольких километрах от Полесского радиэкологического заповедника. Последствия аварии актуальны для города и в настоящий момент. Это отражается на всем: психологии местных жителей, миграции, экономическом развитии, управлении, типе общественной активности и т.д.

Визуальный ряд

Брагин производит впечатление пустого, неживого и застрявшего в СССР города. Не то чтобы здесь действительно пусто или безлюдно — отнюдь. Просто создается впечатление какой-то типшины, неестественной чистоты, порядка и вообще стерильности. Аккуратные, асфальтированные улицы, движения практически никакого, прохожих мало (что довольно типично для городка с таким количеством населе-

ния, но здесь это производит какое-то гнетущее впечатление). На улицах не видно обычных улично-домашних или бродячих четвероногих. Несмотря на отселение, заброшенных или пустующих частных домов в Брагине мало, в отличие от соседнего города Хойники, где это сильно бросается в глаза. Однако неиспользуемых административных площадей довольно много. При этом всё: жилые дома, административные здания, заборы, дороги — выглядит опрятно, покрашено, как после недавней уборки.

На центральной площади растяжки: «Будь краше, Брагинщина наша!», памятник герою, погибшему во время аварии в Чернобыле. В городе минимум мест для питания (ресторан и одно кафе), очень советский пивной ларек с деревянными столиками-скамейками.

Программа CORE¹³

Построено новое здание школы, компьютерный класс за счет программы CORE, отремонтирована больница, отделение реабилитации — за счет той же программы. Подобного рода инвестиций очень много: зал в музее сделан вместе с французами, детская площадка — с офисом ОБСЕ и т.д.. Но подавляющее большинство таких вложений сделаны в инфраструктуру — здания, оборудование, обустройство, ремонт, но не в развитие человеческого потенциала. Сложился потребительский тип отношений к иностранцам: это те, кто дает деньги. Кстати, магическое слово «шведь» (думаю, могло бы подойти любое другое — «датчане», «голландцы») очень помогало открывать двери учреждений Брагина. Нет стремления достичь неких долгосрочных целей, есть желание выгодно продать проект. Только в Брагине до-

велось услышать выражение «выкупить проект». Как объясняли местные социальные работники, они же женская организация, механизм работы программы CORE таков: когда проект проходит одобрение в совете программы и вносится в реестр, «его должны выкупить иностранцы». Т.е. нет понимания того, что западная организация — это партнер в реализации твоих идей, тот, кто совместно с тобой достигает неких общих целей. Скорее наоборот, это эдакий благодетель, бескорыстный спонсор. Смысл подаваемого социальными женщинами проекта состоял в трудоустройстве инвалидов, однако короткий разговор с авторами позволяет выяснить, что интересует не собственно трудоустройство, а приобретение швейных машин и оборудования для производства. Вопросы того, как все потом будет работать, куда будут деваться продукты труда, что станет с производством, когда закончатся деньги, вообще не ставятся.

Вся общественная деятельность — не совсем общественная, мало инициативы «снизу». Похоже, что с момента появления чернобыльских программ начали создавать общественные организации специально под реализацию предлагаемых проектов, т.е. делали то, на что дают деньги. Кроме того, сейчас все очень плотно сращено с государственными органами и контролируется спецслужбами. Альтернативные, не типичные идеи и действия ограничиваются, один из бывших активистов говорил об обысках, допросах и вообще третировании и его самого, и приезжающих западных партнеров со стороны КГБ.

Люди, жизнь, работа

В Брагине более 80% трудоспособного населения занято в бюджетной сфере: школы,

¹³ Международная программа «Сотрудничество для реабилитации» (CORE)

детские сады, соцбеспечение, здравоохранение и т.п. Единственное промышленное предприятие — лесхоз. Зарплаты сравнительно высокие. Ввиду большой текучки кадров, специалистов стараются привлечь более высокими заработными платами. Тем не менее, проблема не решена, в особенности в здравоохранении и частично в образовании. Такая ситуация складывается не только из-за чернобыльской зоны, но и по причине отсутствия жилья для молодых специалистов. Это тем более удивительно, что в городе должно быть много свободных домов и квартир. Как поясняли местные жители, многие выехавшие из Брагина люди стремятся сохранить за собой жилье, отсюда проблема.

За культурой и отдыхом люди ездят в другие города, поясняя, что в Брагине «ничего нет» кроме работы. Один из работников исполкома прямо признался, что здесь его держит только работа и высокая зарплата, тогда как отдыхает и деньги он тратит в Мозыре. Другие для тех же целей используют соседние Хойники, сгуя на отсутствие в Брагине кафе и баров, и тому подобных мест культурного отдыха. Какой-то альтернативной, вне-производственной жизни найти не удалось. Единственный случай: в отделе культуры что-то смущенно говорили о существовании небольшой молодежной тусовки (со слов методистов: «эмо», «волосатые» или «что-то такое»), причем и та активно «облагораживается» официальными кружковыми формами дома культуры. Очень трогательно один из методистов рассказывал о перерождении мальчика, который играл на гитаре песни «про кровь», а теперь в кружке поет правильные песни «про любовь».

Количественно население Брагина достигло той же численности, что была до аварии на ЧАЭС, однако состав населения обновился практически полностью. Коренных брагинцев осталось очень мало (*«осталось 40 семей», «у нас*

70% приезжих»). Единичные из местных или успешших укоренится в Брагине жителей сетуют на то, что приезжие «не лучшие люди». В основном это иммигранты из Средней Азии и Закавказья, которые бежали в радиоактивный Брагин от еще худшей жизни. На иммигрантов сваливается основная часть проблем и неурядиц города — преступность, пьянство и т.п.

Интересно, что нам довольно легко удалось организовать встречи с работниками исполкома в отделе идеологии, отделе культуры. Люди охотно шли на контакт, помогали в организации других встреч, относительно открыто вели разговор, при этом не особо выясняя кто мы и что мы. Такая свобода, возможно, объясняется частыми визитами в Брагин заезжих гостей интересующихся проблемами города или чернобыльских территорий.

Из местных чудачков удалось найти только учителя школы, историка, бывшего сотрудника местного музея. В свое время он создавал новые экспозиции, собирал коллекцию бытовой утвари, привлекал средства, но его деятельность признана не была, и активного человека «выжили» из музея. Сейчас он частично продолжает собирать что-то вроде музейной коллекции в школе, водит детей в турпоходы, пишет книгу по истории древнего Брагина.

Чернобыль

Информация о Чернобыльской аварии незримо и зримо присутствует везде: от официальных мероприятий, стендов, музейной экспедиции до постоянных упоминаний в разговорах. Очевидно, что история Брагина очень четко делится на «до аварии» и «после». Это просто два разных города. Сегодня жители в основном смирились с тем, что живут в радиоактивной зоне. Для местных и тех, кто уже давно приехал в Брагин, радиация — это

просто фон существования, все знают, что нужно пользоваться дозиметром, но кто-то пользуется, а кто-то нет. Просто живут, иногда даже браврируют этим: «Да мы уже и внимания не обращаем». Для недавно приехавших это может быть стрессовой ситуацией, вызывать страх, держать в некоем постоянном напряже-

нии, что, впрочем, со временем у большинства проходит.

Брагин — очень проблемный и мало приспособленный для нормальной жизни город, но все эти проблемы как бы скрыты, замазаны внешним порядком и благополучием.

Андрей Егоров

Столин

23-24 мая 2008 года

70

Общие сведения

Столин — административный центр Столинского района Брестской области, одного из самых крупных районов в Беларуси (на сайте Столинского райисполкома написано — «самый большой сельский район в республике»). Расположен на границе с Гомельской областью и Украиной. Численность населения города медленно, но стабильно растет: 10,6 тысяч жителей на 1991 год, 12 тысяч на начало 2000-х, сейчас, по сведениям жителей города, численность населения около 15 тысяч человек. Кроме Столина в районе есть еще один город — Давид-Городок, и р.п. Речица. Численность сельского населения района — 58,0 тысяч человек. Расположен в 7 км от железнодорожной станции Горынь, примерно на таком же расстоянии протекает сама река Горынь.

Город «для своих»

Город готовится (вернее, его готовят) к проведению областных Дожинок, что сполна ощущает каждый, въезжающий в город «со стороны Житковичей». Центральная улица (по устоявшейся традиции — Советская) находится в состоянии ремонта, хотя машины по ней ездят.

Предпраздничная разруха коснулась в полной мере только центра города, никаких строительных работ на периферии не замечено. Если попытаться мысленно абстрагироваться от временных разрушений, яркого впечатления город не производит. Большая часть города (не включая центральной части) — под частной застройкой. Единственный «микрорайон» многоквартирных домов — в районе маслосырзавода, располагается на окраине. Поражает отсутствие какой-либо целостности застройки, хотя бы на небольшом пространственном промежутке. Синкретизм полнейший: полуразрушенная изба соседствует с недавно построенным безликим жильем из красного кирпича, и все это находится в двух шагах от административного центра города. Особых архитектурных изысков ни в частной застройке, ни в городской не замечено (за исключением редких случаев).

Еще одна особенность: создается впечатление, что город Столин — город «для своих»,

не в смысле какой-то особой закрытости, а в смысле полной индифферентности, например, абсолютного отсутствия информации для приезжих. То, что районный дом культуры можно опознать, только когда тебе на него укажут пальцем — это, по-моему, очень показательно.

Центральную библиотеку, например, найти так и не удалось. Даже один из двух существующих в городе частных баров не имеет никаких опознавательных знаков.

Памятники и скульптура представлены следующим образом: кроме обязательного Ленина и воина-победителя на центральной площади, есть еще пару бульжников, один из них — памятник воинам-афганцам, второй — с гербом и датой первого упоминания города, установлен возле РДК.

Есть еще один камень: «Памятник побратимству» (город Столин является побратимом города Хомберга; правда, в Столине никто про это не знает).

В разных местах административного центра (в парке и возле гостиницы) удалось обнаружить три скульптуры (типа «парковой скульптуры»), явно концептуально связанных между собой: в первом случае — мальчик с лошадью, во втором — девочка с косулей. Еще одна — изображение симпатичной девушки — обнаружили у магазина «Хозтовары», немного в стороне от центра города. (спрашиваю у местного жителя: *«Подкажете, пожалуйста, а эта скульптура кого изображает?»* — *«Ну, дык, ..., это ж Алесь!»* — *«Какая Алесь?»* — *«Ну, дык, ..., с Палесся!»*).

Из «исторического» в городе, пожалуй, только развалины синагоги и парк «Маньковичи», разбитый когда-то Радзивиллами. Парк сам по себе очень симпатичный, немного запущенный, но это и к лучшему. Правда, туристу там делать особо нечего, только если в музей сходить. Местные в парк тоже не ходят, особенно с тех

пор, как он стал «республиканского значения». До этого там проводились городские праздники, а теперь только на санках зимой катаются. На входе в парк стоит пушка, увековечивающая память о воинах, освободивших город Столин от немецко-фашистских захватчиков.

Развалины синагоги — тоже весьма живописны, хотя этой живописности, похоже, недолго осталось радовать глаз туристов. История с синагогой в Столине длинная и до обидного банальная. Сначала ее просто закрыли, потом потихоньку растащили все примененное в хозяйстве, потом она стала разваливаться. В постперестроечные времена были попытки реконструкции, одно время даже леса поставили, но потом все опять «заморозилось» (говорят, не без участия местных властей). В Столине до недавнего времени существовало еврейское общество «Мост», от которого и исходила основная инициатива по реконструкции, но найти его не удалось: говорят, оно прекратило свое существование.

Вообще же, кроме определенной «сельскости» города, особое впечатление производит его «пустыньность». Пока мы ходили по центру, была надежда, что отсутствие людей и машин связано с ремонтными работами. Но, увы, оказалось, что малолюдность и весьма скромное по объемам движение транспорта — явление городского масштаба.

Работа и безработица, торговля и инфраструктура

Основные предприятия Столина — ОАО «Столинский маслодельно-сыродельный завод» и ОАО «Фабрика кухонной мебели» — как выяснилось, пару лет назад оказались на грани банкротства. Маслосырзавод перешел в ведение Пинского предприятия и теперь является его филиалом. Говорят, довольно активно развивается, и на данный момент там самые высокие в

городе зарплаты (тысяч 600-700). Фабрика кухонной мебели продолжала разваливаться вплоть до этого года, сейчас ее передают в ведомство местному ЖКХ. Есть еще хлебзавод, лесхоз и т.д. Платят там мало. По данным Министерства труда и социальной защиты, Столинский район — один из самых «проблемных» в сфере нерегистрируемой безработицы, но это скорее за счет сельского населения («огуречников»). В городе тоже есть проблема безработицы, но не очень острая. Частный бизнес в основном мелкий. В категорию местных «олигархов» попадают владельцы трех-четырёх торговых ларьков (хотя в Центре поддержки сельского развития и предпринимательства говорят, что предпринимателей в городе много). Довольно распространены поездки на заработки — по Беларуси, в Россию, Украину.

Как и во многих малых городах, специалистам с высшим образованием в городе делать практически нечего.

Городской транспорт представлен одним автобусным маршрутом, который начинается на железнодорожной станции Горынь и идет через весь город к ПМК. Плотность расписания — примерно два автобуса в час. За все время было замечено пару маршруток, но, по-моему, не городских, а междугородних, и две машины такси (парк такси открыл местный предприниматель и пока не разорился). Автомобильного транспорта не очень много. Встречаются довольно «крутые» машины, непонятно только, столинских ли жителей или из района.

Многие столинцы предпочитают передвигаться не велосипедах — в большинстве своем стареньких, еще советских времен.

Самый крупный магазин в городе — Столинский ЦУМ — довольно стандартный, среднего уровня. Его единственная «изюминка» — прощада конфиската в каждом отделе, о чем гордо

сообщает объявление на входе. Есть несколько частных магазинчиков: автозапчасти, компьютеры и перефирия, одежда-обувь, несколько продуктовых. В центральной части города вся эта торговля сосредоточена буквально в двух домиках. В районе городской застройки немного побогаче и попросторней. Спросом пользуются местные рынки — но не столинский (который, хотя и есть, но говорят о нем как-то вяло), а в деревне Ольшаны и в Давид-Городке.

Книжных магазинов в городе нет. Есть «уголок» в ЦУМе (кроме «сада-огорода» самая популярная литература — Полякова с Дашковой) и в Доме быта, который посмотреть не удалось. Говорят, был еще один магазинчик в центре, но в связи с «перепланировкой города» куда-то исчез.

Много банкоматов. Неожиданно распространена такая услуга, как оплата в магазине по банковским карточкам. Филиалы банков — Беллагропром, Беларусбанк.

Гостиница «Горынь» — «первой категории», свежееотремонтированная, очень дорогая и очень пустынная (и в смысле жильцов, и в смысле персонала). Почти год была закрыта на ремонт, который тоже был приурочен к съезду банкиров. Номера стоят 50-60 тысяч в сутки. Кто в них будет жить — непонятно. Впрочем, другой гостиницы в городе нет, поэтому единственный вариант окупаемости гостиницы — за счет командировочных.

«Фольклор» и легенды

Сайт Столинского райисполкома о названии города сообщает следующее:

«О происхождении названия города Столина существует несколько легенд. Вот некоторые из них:

«Когда-то, на месте нахождения города существовало якобы большое озеро, в котором выловили однажды 100 линей. Отсюда и пошло название города — Столин».

«По реке Горынь располагалось 7 городков, в которых князили 12 братьев. Их место собрания (заседания, совещания), то есть стол, за которым собиравались братья — князичи, находился на месте современного Столина, отсюда и пошло название города — Столин».

«Место древнего города находилось на левом берегу р. Копанец, в районе современного хлебозавода. В переводе с древнеиндийского языка это слово обозначает возвышение, земляную насыпь. А так как древний город располагался на высоком обрывистом берегу реки, то высокий речной берег мог обусловить и происхождение названия города».

Слово в слово эти «легенды» повторяют другие столинские интернет-ресурсы, которые удалось обнаружить. Первые две «легенды» достаточно четко воспроизводятся местными жителями. Кроме того, нам рассказали еще версию, связанную с какой-то баржей (в другой версии — «черным кораблем»), который ходил по Горыни и швартовался при помощи «ста линей». И, наконец, один из жителей города представил мне достаточно стройное (не знаю, насколько исторически достоверное) обоснование того, что название города Столин произошло от словосочетания «стольный град». Меня эта версия порадовала в основном попыткой представить историческое прошлое города в привлекательном свете.

Современный городской фольклор связан, в основном, с байками про «черного прапора» (местный начальник ГАИ отличается особой злобностью) и мифологизацией ближайших соседей — жителей деревни Маньковичи и деревни Ольшаны.

Городские СМИ и коммуникация

Районная газета «Навіны Палесся»: тираж около 16 тысяч экземпляров, выходит раз (или два?) в неделю. Распространяется по подписке (около 10 тысяч) и через Союзпечать. Говорят,

хорошо раскупается (хотя в ларьке без проблем можно найти выпуск месячной давности). По содержанию довольно убогая. Есть еще районная программа радиовещания «Светач», но про нее никто не знает. Когда-то была независимая газета, называлась «Вечерний Столин», закрыта в 2003 году после какой-то острой статьи. Человек, который ее делал, уехал из Столина.

С коммуникацией в городе не то, чтобы плохо, а скорее никак. Объявлений практически нет. Специальные тумбы для объявлений пе-стреют только следами прошлого. Объявления есть в местной газете, но совсем не густо. Когда спрашиваешь у местных, откуда они узнают городские новости, такое ощущение, что вопрос, мягко говоря, непонятен.

Граффити в городе тоже практически нет, встречаются отдельные надписи и картинки разной художественной ценности, но редко.

Из Интернет-ресурсов кроме официально-го сайта исполкома существует еще «Не очень официальный сайт города Столина» и «Столинский портал», разной степени мертвости. Пытались выйти на создателя «Столинского портала», но оказалось, что он живет в Минске, делает разные сайты то ли по долгу службы, то ли для души.

Молодежь довольно активно пользуется Интернетом, в основном для поиска информации. Говорят, что в многоквартирных домах есть локальные сетки.

«Безлюдный город»

Людей в городе не видно. То есть видно, но мало. Особенности воспроизводства городского населения можно обнаружить даже визуаль-но: людей в возрасте 20-30 лет встретить практически нереально.

Ситуация с населением в Столине нетипич-на для малых городов: численность населения в

городе растет. При этом вся молодежь — более-менее способная устроиться в другом месте — из города уезжает. Как нам объяснили местные, приток населения идет из сельской местности, люди из района перебираются в город. Возможно, хотя такое переселение подразумевает активное строительство жилья, а масштабного строительства в городе не замечено. Один из вариантов объяснений по этому поводу, предложенных в самом городе, заключается в том, что Столин — стартовая площадка для переселения в более крупный город, другое объяснение — более правдоподобное — переехавшие в город ведут «сезонный» образ жизни: в течение летнего сезона растят огурцы в деревне, а на зиму перебираются в город.

Оценки жителями своего города и жизни в нем практически диаметрально противоположные в разных возрастных группах. Люди среднего и старшего возраста с той или иной степенью энтузиазма описывают жизнь в городе как «вполне нормальную». Молодежь (в основном школьники) заявляют, что делать в городе нечего и оставаться в нем они не собираются.

Вечерний город в пятницу-субботу — просто пустыня. Говорят, когда на каникулы придут студенты, которые учатся в других городах, будет веселее.

Как люди проводят свободное время? Кто куда. Кто-то в огороде, кто-то ходит в бары-рестораны, кто-то по домам собирается («Ну, как время проводят? Ну, соберемся у кого-нибудь вечером, посидим...»). Массовое развлечение — футбол, весь город активно болеет за свою команду. Впрочем, это уже следующая история...

Культура и досуг

Спорт в Столине любят и страшно гордятся спортивными достижениями столинцев. Но похоже, что спортивное «движение» в городе не

развивающееся, а затухающее. Спортивная «база» досталась Столину в наследство: при СССР в городе была крупная школа по гребле и по футболу. В перестроечные времена все, понятное дело, подразвалилось, и сейчас продолжает разваливаться. Футбол еще как-то держится, остальные игровые виды спорта развиваются в основном при школах, а значит, без особых перспектив. Забота о развитии спорта довольно отчетливо видна по состоянию городских спортивных сооружений: гребная база ДЮСШ больше всего напоминает иллюстрацию к книге «Дети подземелья». Примерно в таком же состоянии городской ФОК. Правда, там тоже ремонт.

Некий предприимчивый житель города подал проект в рамках программы CORE, и теперь в Столине построят три (!) теннисных корта. Другой проект, на строительство и оборудование зала для занятий тяжелой атлетикой, не выдержал конкуренции, поэтому местные «силовики» продолжают тягать свои гири в переоборудованном подвале техникума, живо напоминающего перестроечную киношную чернуху про зарождение оргпреступности. Впрочем, любителей тяжелой атлетики в Столине мало.

Зато есть довольно крупная и даже знаменитая секция по карате («ояма-каратэ», если быть точным). Организовал ее местный житель, частный предприниматель и каратист в одном лице, и вот уже несколько лет успешно тренирует детей из Столина и из района.

Про спорт, пожалуй, все. Теперь про образование. В городе три средние школы плюс одна гимназия. Говорят, что школы хорошие, многие выпускники без проблем поступают в вузы в Бресте, Минске и т.д. Кроме общеобразовательных школ, есть еще ПТУ (№ 164) сельскохозяйственного производства и техникум того же профиля (Аграрно-экономический колледж). В городе два компьютерных клуба:

один на почте, другой — частный. Тот, который на почте, закрыт в связи с ремонтом здания, поэтому посмотреть на него не удалось. Второй клуб, с оригинальным названием «Кувыр.com» — игровой, компьютеров на 10. Доступа в Интернет нет («пока»).

Набор учреждений культуры стандартный: Районный дом культуры, районная и детская библиотеки, Дом детского творчества, школа искусств, кинотеатр «Экран». При РДК несколько кружков, два ансамбля «народной самодеятельности». РДК довольно известен в городе: в нем сосредоточена практически вся творческая активность. Там же проводятся концерты заезжих знаменитостей («*вот Солодуха приезжал*») и дискотеки.

Билетерша в кинотеатре сказала, что людей в кино ходит довольно много. Правда, при дальнейшем разговоре выяснилось, что не так уж и много и основную часть посетителей составляют школьные и детсадовские группы, приходящие «организованной толпой». В пятницу в пять часов вечера в кино попасть не удалось — сеанс не состоялся, потому что зрителей не было.

Зато возле кассы кинотеатра обнаружилась программа «кинолекториев», которые проводились к 9 мая. Это, конечно, не гражданское образование в полной мере, но вещь в своем роде замечательная (тема первая: «Я — гражданин Республики Беларусь», потом еще немного про закон и личность, ну а потом вперемешку про здоровье, духовные традиции белорусского народа и наркоманию).

На территории парка «Маньковичи» расположен районный краеведческий музей. Его посещают в основном, группы, которые привозят на экскурсии из района. Местные жители на вопрос «Как пройти к музею?» отреагировали странно: «Кабана хотите посмотреть?» Оказывается, особой славой в городе пользуется зал му-

зея, отведенный под выставку фауны — чучела зубров, волков, кабанов и проч. Экспозиция в музее довольно солидная, хотя и несколько непоследовательная. Впечатляет (особенно специалиста) выставка икон под названием «Символ веры» (иконы, как оказалось, «из конфиската»). На почетном месте висит «генеалогическое древо рода Радзивиллов».

Есть в Столине знаменитый художник, член союза художников, Юрий Сергеенко. К его 70-летию в музее организовали выставку картин. Больше никаких особо выдающихся личностей обнаружить не удалось. Интересная деталь — когда начинаешь расспрашивать столинцев об их городе (о том, что в городе есть интересного, чем гордятся столинцы и т.д.), в подавляющем большинстве случаев тебе отвечают не про город, а про район. «Городское самосознание» — редкая птица в этих краях. Возможно, это связано с особенностями миграции и с тем, что коренных жителей в Столине очень мало. В выходные дни начинается массовый отъезд из города. Впрочем, для характеристики культурного статуса Столина в районе достаточно посмотреть «Афишу выходного дня» в местной районке: культурные события в субботу-воскресенье случаются где угодно, только не в Столине.

Из городских праздников называют 9 мая и Купалу. Была идея организовать проведение Дня города, если Дожинки не съедят все ресурсы: из разговора с местным жителем: «А к какой дате собираются приурочить День города?» — «Как к какой? (с искренним недоумением) К дню освобождения города от немцев!»).

Молодежных групп, тусовок, субкультур в городе нет (или они очень хорошо законспирированы). Была когда-то рок-группа «Анахарсис», «*даже диск в Минске записали*», но потом канули в лету.

Еще один неотъемлемый компонент сферы досуга в Столине — бары и ресторан. Из баро-ресторанного обслуживания в городе два или три государственных бара, парочка частных. В центре расположен «комплекс», состоящий из ресторана «Горынь», бара и кулинарии (единственное место, где поутру можно попить кофе). Ресторан «Горынь» по-своему весьма интересное заведение, по виду ресторан, по сути — обычная забегаловка. И бары, и ресторан пользуются довольно высоким спросом.

В городе есть православная церковь, церковь «Благодать» (ХВЕ) и баптистская община. Православных в городе, по словам местных жителей, много, и в церковь ходят активно. Правда, службы проходят только по воскресеньям и праздникам, все остальное время церковь закрыта. Есть православная воскресная школа, но добраться до нее не удалось. Про протестантские общины в городе знают очень мало. Никакой социальной активности, как и православная церковь, они не проявляют. Вся слава «протестантского района» связана, видимо, именно с районом, то есть с деревнями, где действительно существуют сильные протестантские общины (самая крупная — в деревне Ольшаны).

Общественно-политическая жизнь

Из общественных организаций удалось найти Центр по поддержке сельского развития и предпринимательства и местную БелАПДИ (довольно «живую»). Жители города ни про ка-

кие столинские НГО либо не знают, либо знают, но хорошо скрывают.

Сайт райисполкома сообщает, что из структур партийных организаций в районе зарегистрированы первичные организации КПБ и ПКБ. В городе про них, равно как и про другие политические партии, ничего не известно. Местные рассказали, что в городе есть один БНФовец, но очень засекреченный (по совместительству он еще и эмо — шутка такая, что ли?). Обнаружена одна надпись на остановке «Жыве Беларусь!» мелким подчерком.

Отношения местных властей с населением трудно как-то охарактеризовать, создается ощущение, что их просто нет. Хотя один из жителей рассказал, что конфликты по всяким «бытовым» поводам случаются часто.

Вообще, вопросы про местную власть, ее деятельность, вызывают некоторое недоумение у столинцев. В общем, это некоторым образом отражает ситуацию деятельности райисполкома, основной заботой которого является развитие сельского хозяйства (довольно типичная на сегодняшний день ситуация, с той поправкой, что Столинский район — самый крупный по числу сельского населения). Председатель райисполкома — местный, то есть выходец из одной из деревень Столинского района, проблемы городов на подведомственной территории его либо не волнуют, либо не хватает ресурсов.

Оксана Шелест

Давид-Городок

25 мая 2008 года

Общие сведения

Давид-Городок Брестской области Столинского района расположен в 36 км к северо-востоку от Столина, в 39 км от железнодорожной станции Горынь. Население — 7,2 тысяч человек. С 1940 года Давид-Городок был районным центром. В 1961 году Давид-Городокский район упразднён, его территория присоединена к Столинскому району.

Внешний вид города

Давид-Городок — «одноэтажный город», многоквартирных домов совсем мало, в основном — двух-, трехэтажки советских времен. Жилой «новострой» только на выезде из города. Среди частных домов довольно много развалюх и брошенных домов, особенно в непосредственной близости от центра города. Много домов в одном стиле: скопленная крыша, два слуховых окошка и между ними какой-то солярный символ (иногда солнышко, иногда его половинка).

Центральная площадь довольно живописная, но какая-то «неожиданная» (остановившись у первого попавшегося загадочного здания, мы полчаса обшаривали окрестности и разговаривали с местными, совершенно не подозревая, что находимся на главной улице города в ста метрах от «центра»). Сохранились интересные постройки («толская чаю») — здание католиче-

ского костела (сейчас там Городской дом культуры), погранзаставы (в советские времена там была конюшня, сейчас здание выкупил местный предприниматель, который хочет наладить производство тротуарной плитки), мельница (занята под спортшколу).

Местные исторические достопримечательности — Замковая гора (12 ст.), Георгиевская церковь (2-я половина 17 ст.).

Вообще, город производит впечатление разрушающегося. Из построек социальной сферы более-менее прилично выглядят школы и больница.

«Мерцающая» инфраструктура

С работой в городе, судя по всему, проблемы. В городе три завода (электромеханический, инструментальный и хлебозавод), состояние их не то чтобы плачевное, но оптимизма не внушает. Для масштабов города неплохо развит частный бизнес: есть несколько предпринимателей, занимающихся тем или иным производством (плитка, пленка для парников), есть торговцы. Все приличные внешне магазинчики — частные. Один из предпринимателей (сам бывший футболист) почти полностью содержит местную футбольную команду. Вообще говорят, что предприниматели оказывают серьезную поддержку городу в социальной сфере.

Одно из традиционных занятий, которым городокцы гордятся — выращивание цветов на семена. Весной многие из тех, кто занимается этим распространенным в городе бизнесом, едут продавать свою продукцию по Беларуси, в Россию, Украину. Поездки «на заработки» здесь довольно распространены.

Подробно ознакомиться со сферой торговли не удалось, в тех магазинах, где мы побывали, — нормальный «поселковый» уровень. В продуктовых магазинах выставка образцов прини-

маемой стеклотары с указанием ценников. Попалось по дороге несколько частных магазинчиков, на вид довольно приличных. Местные жители хвалят свой рынок.

С услугами ситуация непонятная. Видели парикмахерскую (только не выяснили, работает ли она?) Гостиница впечатляет: сельского вида домик с ветхими дверями. Стоимость проживания — около 15000–20000 рублей в сутки.

Практически единственное заведение, где можно поесть — загадочное заведение под названием «Палессе» (заявлено целых два «банкетных» зала: большой и малый, хотя по внешнему виду заведения ожидать такую роскошь трудно). В одном из местных баров, в который удалось попасть, можно попить пива с рыбой или растворимого кофе с булочкой. Правда, этот был государственный бар, а есть еще частный, но до него мы не добрались.

Есть магазин «Книги», но что в нем есть — мы не выяснили.

Еще в городе есть типовое здание «Беларусбанка» и «Белагропромбанк».

Городского транспорта мы не заметили, машин было очень мало. Зато увидели много велосипедов, на которых ездят все, от мала до велика.

Частных объявлений не много, но есть.

«Блеск и нищета» культурной сферы

В городе две общеобразовательные, музыкальная и спортивная школы. Есть Дом детского творчества и Дом культуры, кинотеатр. В ДДТ и ДК очевидно не хватает места, новых зданий никто не выделяет, поэтому часть работы приходится вести в школах и даже на дому. В местном ДК совершенно запредельный объем активности: ансамбли, кружки, клубы, дискотеки, встречи по интересам. Кроме того, ДК тем или иным образом «курирует» оставшихся «ре-

месленников» и прочих творческих людей, пытается организовать им выставки и презентации. Директор ДК — местный, музыкант и очень увлеченный культурными проектами — пытается развивать, все что можно. Хочет создать сайт, через который можно было бы «*выходить на другой уровень*». Пока непонятно, так ли богат культурный потенциал города, как его расписали, и насколько это все на самом деле «живое».

Есть народный музей, созданный местным активным пенсионером Брезовским. Музей небольшой, собрано в нем все, что так или иначе имеет отношение к истории города: всякие древности, принесенные местными жителями, сведения, фотографии и работы знаменитых выходцев из Давид-Городка, картины местных художников и вообще много всякой всячины. Создатель музея является его хранителем, экскурсоводом и т.д.

По словам местных, жители города — в основном православные. Православных церквей две. Есть община баптистов, довольно приличная. Католиков в городе не осталось.

У Давид-Городка два городских праздника — День города (впервые отпраздновали в 2000 году, приурочив к основанию города — в 1100 году) и «Коники» — рождественский фольклорный праздник, который славится на весь Столинский район и за его пределами. К празднику готовятся всем городом, и говорят, что на это стоит посмотреть.

Жители города и местный сепаратизм

В городе много коренных жителей, но на протяжении последних десятилетий идет постоянный отток молодежи, поэтому численность населения уменьшается. Город имеет довольно богатое историческое прошлое, и, похоже, оно достаточно актуализировано в представлениях местных жителей. По крайней мере,

они охотно и по собственной инициативе рассказывают об истории основания города, о том, что было расположено в старых зданиях и т.п.

Образ жизни скорее сельский, но есть довольно интересные моменты. Во-первых, жители Давид-Городка остро и даже несколько агрессивно реагируют на интерес, проявляемый заезжими к их городу. Они считают несправедливым лишение в 1961 году их города статуса районного центра и связывают нынешнее плачевное состояние именно с этим, да еще с тем, что железная дорога далеко. В этом смысле Столин для Давид-Городка — местное «мировое зло» (кстати, выяснилось, что Давид-Городок является побратимом города Турова). Вопросы про современное состояние города первоначально воспринимаются как «наезд», остро реагируют на попытки фотографировать, особенно всякие «неприглядности».

В местном Доме культуры рассказали, что между собой люди общаются очень плотно, ходят в гости, на посиделки. На свадьбы и прочие торжественные события собирается по полгорода. Есть даже свои семейные «фишки» — про одних известно, что они отличные плясуны, а про других — что они мастера рассказывать байки. В городе много всякого рода мастеров — например, мастер по плетению, есть даже один иконописец. Чаще всего культурная активность некоторым образом связана с ДК, но довольно необычным образом.

В городе очевидно существует проблема пьянства, можно встретить среди дня нетрезвых людей.

Много цыган, которые стали переселяться в Давид-Городок сразу после войны (после того,

как в городе не стало евреев; как сказал один из жителей — «свято место пусто не бывает»). Отношения с местными вроде мирные.

Про местные НГО и политические партии узнать ничего не удалось, зато в городе есть что-то, отдаленно напоминающее «гражданскую инициативу» по возвращению городу статуса районного центра. Основной инициатор — директор местного музея, которого поддерживает местная «элита». Правда, рассчитывают они исключительно на волевое решение «сверху» и никаких действий, кроме писем и ходатайств в различные административные структуры, не предпринимают. При этом Давид-Городок в лице своих представителей не претендует на «отбирание» статуса райцентра у Столина, а ратует только за возвращение «своих земель». (*«Зачем нам этот Столин? Нет, нам чужого не надо, пусть восстановят границы районов, как оно до 60-х было.»*)

Перспективы развития

Единственная перспектива развития города — через актуализацию культурно-исторического наследия, проведение всяких культурных мероприятий — ярмарок, фестивалей, концертов и т.д. Может быть, это поверхностное впечатление, но похоже, что в городе ресурсов для этого достаточно. Чего нет, так это инфраструктуры и людей, которые могли бы понимать, что и зачем делается, то есть не просто любить свой город и гордиться его историей, но и трезво оценивать его нынешнее состояние и обсуждать реальные пути решения городских проблем.

Оксана Шелест

Сморгонь

30 мая — 1 июня 2008 года

Общие сведения

Сморгонь — город в северо-восточной части Гродненской области (при этом от Сморгони до Гродно — 260 км., а до Минска — 115 км.), административный центр района. Численность населения на 1 января 2003 года — 36700 человек. По национальному составу — в основном беларусы, около 10% русских, примерно по 2% украинцев и поляков. Единственный город в районе (сельское население района — 20200 человек). Достаточно удачно расположен относительно транспортных путей: вильнюсская трасса, железная дорога Вильнюс — Минск. Километрах в пяти от города протекает река Вилия.

Прошлое — далекое и не очень

Местечко Сморгонь известно с 16 века (первое письменное упоминание — в 1503 году). Древняя история города связана с именами Зеновичей, Радзивиллов, Огинских, которые в разные времена владели городом. Широко известна основанная Станиславом Радзивиллом так называемая Сморгонская академия, в которой дрессировали животных (в основном — медведей), которых потом водили по ярмаркам. В 1843 году в Сморгони было открыто сельское училище. Период наиболее динамичного развития города пришелся на начало 20 века. В 1904 году Сморгони был присвоен статус города. В это время здесь проживало почти 11 тысяч на-

селения, было 9 школ, народное училище, женская гимназия, еврейские школы, 3 гостиницы, 3 шинка, 41 питейный дом, 2 фотосалона. 30% населения были торговцами. В 1914 году — уже более 16 тысяч жителей. Развитие города в этот период связано преимущественно с торговлей и кожевенной промышленностью.

Во время Первой мировой войны город был практически полностью разрушен. Два с половиной года (с 1915 по 1918) город находился на линии русско-германского фронта.

После заключения Рижского мирного договора (1921) Сморгонь вошла в состав Польши. На тот момент в городе осталось 154 жителя.

Следующий этап развития города можно отсчитывать с начала 70-х гг. 20 века, когда волна индустриализации накрыла город, были построены нескольких крупных предприятий, соответственно, город очень быстро вырос и по численности, и по размерам.

Довольно специфическими характеристиками отличается историческая память жителей Сморгони. С одной стороны, эта память глубже, чем у жителей подавляющего большинства городов, в которых мы были, поскольку начинается не с Великой Отечественной, а с Первой мировой войны. С другой стороны, в исторической памяти сморгонцев практически отсутствует не только то время, когда Сморгонь входила в состав Польши (т.е. с 1921 по 1939 год), что еще объяснимо, но и Вторая мировая война. Так история Сморгони представлена на сайтах (причем как райисполкомовском, так и неофициальном), примерно так о ней рассказывают и жители города.

Есть еще один «исторический» период в прошлом Сморгони — период бурной общественно-политической активности, который начался в перестроечные времена и который к настоящему времени можно считать

завершенным. В начале-середине 90-х политическая жизнь в Сморгони была очень активной: БНФ, обилие НГО, «Свободный профсоюз предпринимателей», «Новая газета Сморгони», продержавшаяся довольно долго. К началу 2006 года практически все организационные формы этой активности были ликвидированы: «Новая газета Сморгони» закрыта в 2005 году; после двухлетней борьбы за существование, наверное, последними — в начале 2006 года, ликвидированы районная организация БНФ «Адраджэне» и предпринимательский профсоюз. Новых форм не сложилось.

Потребительская инфраструктура

Государственная торговля довольно средняя — и по ассортименту, и по качеству товаров. Зато имеется три рынка, один из них — так называемый «колхозный», расположен рядом с автовокзалом. Впрочем, колхозный он только наполовину, и на этой половине действительно продается всякая живность, комбикорм, деревенское молоко и т.д., вторая половина рынка занята торговыми палатками, в которых продается обычный ширпотреб: одежда, обувь, игрушки, всякие нужные бытовые вещи. Вообще, рынок большой и многолюдный. Довольно много частных магазинчиков. Симпатичный и по оформлению, и по ассортименту торговый ряд «Пассаж». В общем, убогость государственной торговли вполне компенсируется частной, так что средний уровень материальных потребностей вполне удовлетворяется.

Что касается кафе-ресторанов-баров, то их для такого города, пожалуй, маловато. Два ресторана — «Резонанс» и «Вилия», в меру «совковых». Есть довольно стильная «Страўня» (частная), бар «Спадар» (владения «прогрессивного фермера» из окрестностей), еще пару кафе. Наверное, есть еще что-то на периферии, до чего мы не добра-

лись. Примечательно, что все заведения открываются не раньше 10 часов утра, то есть попить кофе «ранним пташкам» в Сморгони не удастся.

Культура, отдых, развлечения

Кроме кафе или баров в Сморгони можно сходить на дискотеку, которую крутят в кинотеатре «Космос» до полдесятого. Еще одна дискотека (гораздо более популярная) — при заводе оптического станкостроения. Довольно много молодежи слоняется по улицам, пошивая пиво и любуясь местной гордостью — недавно построенным фонтаном. Про местный Дом культуры говорят либо с иронией, либо с сарказмом.

Довольно популярна городская футбольная команда (которая так и называется — «Сморгонь»), практически каждую неделю на местном стадионе проводятся игры, многие ходят поболеть.

В городе нет музея (хотя на сайте райисполкома в разделе «учреждения культуры» числится историко-краеведческий музей, но мы нашли только вывеску). То место, куда сморгонцы отправляли нас как в музей, оказалось выставочным залом, в котором время от времени проводятся привозные выставки. Есть музеи в школах. А в выставочном зале нам без особой уверенности сказали, что музей *«скоро будет»*.

Довольно оживлённое место — городской парк возле стадиона, особенно в выходные и вечером, когда собирается молодёжь. В центре на главной площади перед исполкомом (недалеко от того самого фонтана) тусуются менее активно, но все же какое-то движение наблюдается.

Главная улица города используется для парадов местного пограничного отряда — нам посчастливилось посмотреть на это зрелище. Зрителей было не так уж много, хотя до этого про парады нам рассказывали с некоей особой гордостью.

К культурным центрам можно отнести и Христианский образовательный центр при католическом костёле.

СМИ

Кроме официального сайта Сморгонского райисполкома, есть еще «Неофициальный сайт Сморгони», подкупающий девизом: «Независимый сайт лучшего города». Районная газета под названием «Светлы шлях» выходит 2 раза в неделю, тираж около 10 тысяч экземпляров. Рассказывают, что после окончательного закрытия «Новой газеты Сморгони» несколько человек перешли работать в «районку», и кое-что из дизайнерских и содержательных особенностей «списано» с «Новой газеты». У «Светлого шляха» есть свой сайт, между прочим, довольно неплохой (кстати, на сайте газеты есть информация, что существует Сморгонское радио — целых 60 минут в неделю в эфире).

Есть кабельное телевидение (ЗАО «Оксна», по официальным данным — охват до 25 тысяч человек). В настоящее время на кабельном в основном идет ретрансляция программ разных телеканалов и показ фильмов, хотя еще недавно делалось много своих передач (ток-шоу и т.д.). Сейчас от всего этого на постоянной основе остался только выпуск «региональных новостей». Райисполком пытается контролировать «адекватность» передач, так что весь «самодельный» материал должен пройти предварительную цензуру.

Работа и занятость. Предпринимательство

В городе несколько достаточно крупных предприятий: РУП «Сморгонский агрегатный завод», ОАО «Сморгоньсиликатобетон», ОАО «Сморгонские молочные продукты», ПЧУП «Сморгонский комбинат хлебопродуктов», Завод оптического станкостроения и пр. Зарпла-

ты, по отзывам, не очень высокие. Значительная доля населения занята в торговле, много предпринимателей. Про крупный бизнес ходят разные загадочные слухи, создается впечатление, что он какой-то «полукриминальный», основная сфера — торговля. Частных магазинчиков в городе довольно много, что приятно выделяет его из ряда других городов, в которых нам довелось побывать. К сожалению, этим видом деятельности предпринимательское «приложение сил» в городе в основном и ограничивается, по крайней мере, в видимой части.

Уровень безработицы, по-видимому, невысок, в списке центра занятости — пару сотен вакансий. При этом вакансий для женщин раза в три меньше, чем для мужчин. Это является отражением фактического состояния рынка труда: многие мужчины уезжают из города на заработки в другие регионы Беларуси и России.

Конфессии

В городе практически поровну католиков и православных. Костел св. Михаила Архангела находится в центре города (в близком соседстве с райисполкомом и неизбежным на центральной площади памятником Ленину). Православная церковь до сих пор не достроена, что, как это ни парадоксально, волнует в основном католиков (поскольку костел, хоть и достаточно большой, не вмещает всех прихожан, есть потребность в строительстве второго костела, и даже такая возможность есть; но пока не достроена православная церковь, дипломатичные католики не торопятся просить разрешения на строительство второго костела). В Сморгони действует орден селезианцев, основным направлением работы которых является образование и воспитание детей и молодежи. Рядом с костелом — внушительное здание, которое отведено под образовательный центр, кроме собственно

катехизации и всяких культурных и воспитательных мероприятий, там есть курсы по иностранным языкам, компьютерной грамотности и т.д. Есть общины баптистов и Христиан Веры Евангельской, но довольно закрытые.

Образование

Особенностью Сморгони является практически полное отсутствие учреждений, дающих образование выше среднего. Единственное ПТУ готовит приборостроителей. Это при том, что по статистике город довольно молодой (почти 40% населения — дети и молодежь в возрасте до 18 лет). И это при том, что среднее образование довольно качественное и разнообразное: есть гимназия — член ассоциированных школ клуба «Юнеско». Между прочим, один из ее учителей стал лучшим учителем года в 2007-м. Есть школы с художественным, языковым и т.д. уклоном. Местные власти предпринимали попытки добиться разрешения на открытие техникума, но безуспешно. Такая ситуация создает условия для «вымывания» способной и амбициозной молодежи. Бывшие политические активисты говорят, что это связано с «особым» отношением к Сморгони как к «неспокойному» месту. Как бы то ни было, единственное место, где ведется какая-то образовательная деятельность вне рамок средней школы — костел, однако там ориентация скорее на работу с детьми.

Люди и их активность

Политическая и НГОшная активность в Сморгони практически сведена на нет. Из политических остались практически только незарегистрированная «Моладзь БНФ», которая периодически светится в интернетовских СМИ, но в городе ее не видно и не слышно. Общественных организаций много, но в основном это

«пригосударственные» организации — БРСМ, ветераны, афганцы, ДОСААФ, «Белая Русь». Есть еще организации инвалидов и ассоциация молодых христианских женщин, которые дружат с Центром Рерихов и занимаются проблемами траффика (какую актуальность проблемы траффика имеют для Сморгони, мы так и не поняли). Местная «БелАПДИ» — очень многочисленная организация, но совершенно пассивно настроенная на приём гуманитарной и иной помощи.

Большинство из тех, кто активно участвовал в общественно-политической деятельности на волне 90-х либо уехали из города, либо занялись бизнесом или другой деятельностью. Общее впечатление от встреч с теми, кто остался в городе: люди разочарованы и ожидают лучших времен. При этом нельзя не отметить достаточно грамотную политику местных властей: в настоящее время никакого особого прессинга с их стороны не испытывают даже наиболее известные из «бывших оппозиционеров», им не мешают вести бизнес и т.д.

При всей достаточно благополучной жизни в городе в нем очень немного особенного, своего, выделяющегося. При районном центре творчества детей и молодежи есть самопальный рыцарский клуб, который придумал и организовал человек, когда-то побывавший на рыцарском турнире и заболевший всякими достижениями, оружием и т.д. Еще в Сморгони есть человек, увлеченный историей Первой мировой войны, руководитель военно-исторического центра, написавший целую книгу под названием «Напа кровь у Сморгони» (вообще, тема Первой мировой страшно популярна на всех уровнях сморгонской жизни, есть даже идея открыть музей, посвященный героической обороне Сморгони).

Довольно много музыкальных групп. Мы насчитали не менее пяти. Но не имея приемлемых

условий для репетиций и концертов в родном городе, они стараются найти эти возможности в Минске. Да и вообще, близость Минска сказывается достаточно сильно. Хотя Сморгонь находится в Гродненской области, Минск ближе — и многие молодые (и не только) люди свои культурные и прочие потребности удовлетворяют именно в столице.

Случайно обнаружили тусовку райтеров (граффити рисуют), в городе про них особо не знают, но на нашу удачу как раз в период экспедиции местный отдел культуры совместно с БРСМ купили им краски и выделали стену под проведение акции «За здоровый образ жизни», так что мы застали их в работе.

Оксана Шелест

Ивье

6-7 июня 2008 года

позволяли надеяться на сохранение там образцов городской жизни, прото- и реальных сообществ, городской коммуникации, отдельных активных горожан — в общем всего того, что мы искали в малых городах.

Такие надежды связывались, прежде всего, с наличием там многочисленной татарской общины. По преданиями татары поселились там в конце XIV века, а значит, они глубоко включены в жизнь города, но по-прежнему сохраняют свою идентичность и веру, неразворенную веками совместного проживания с беларусами, поляками и евреями.

Имея уже опыт полутора десятка экспедиций, мы убедились, что в большинстве городов какие бы то ни было традиции городской жизни полностью прерывались вместе с уничтожением еврейского населения в военные годы. После этого некому и незачем было восстанавливать прежний образ жизни. Люди, которые заселяли уцелевшие и опустевшие дома и заново осваивали городскую территорию, были в основном жителями соседних деревень или присланными (нередко из других республик) специалистами. Устройство новой жизни проводилось по новым порядкам, стандартным формам и образцам малого города советского типа, который должен

Общие сведения

Ивье — административный центр Ивьевского района Гродненской области, размещается на реке Ивьянке. Расположен на трассе Минск—Гродно. В письменных источниках впервые упоминается в 1444 году. Одна из версий происхождения названия — от татарского слова «Йуя», «Еве» (гнездо, жилище). Здесь издавна живут беларусские татары; есть мечеть, построенная в 1884 году.

Сейчас здесь проживает 8 тысяч человек.

Хотя одной из главных установок для наших экспедиций было стремление к максимально непредвзятому взгляду на города, в отношении Ивья у меня были определенные ожидания и надежды.

По имевшимся сведениям, Ивье обладало несколькими чертами, которые на наш взгляд

был выполнять определенные экономические и административные функции, но никак не воспроизводить городскую среду, городские сообщества и тем более способы коммуникации и управления. Ивьевские татары, сохранившись как община, могли бы быть наследниками и правопреемниками города. Через них могли бы сохраняться, транслироваться и воспроизводиться прежние образцы, нормы и уклад жизни. Кроме того, многочисленность общины требовала установления коммуникации и форм взаимодействия с другими религиозными общинами, что также принималось нами как возможность и перспектива обнаружить нечто живое и интересное.

Дополнительными обнадеживающими обстоятельствами были сведения об очень активном и интересном ксендзе, что позволяло предположить наличие сильной католической общины. Кроме того, по рассказам очевидцев, Ивье был сплошь покрыт парниками, а это по нашему опыту посещения Ольшан могло свидетельствовать о широко развитом, хотя и своеобразном предпринимательстве. В общем, было много мелких, но обнадеживающих обстоятельств.

«Первый» и «второй» взгляд

На въезде в город на небольшом возвышении — костел, возле него фигура Христа с распростертыми над городом руками. Очень впечатляет.

По внешнему виду Ивье, один из тех малых городов Беларуси, центр которого сохранил признаки города — в застройке, расположении улиц, домов, кварталов, и, наверное, в чем-то еще, трудно уловимом для неспециалиста в городской архитектуре и градостроении. Но все это сразу создает общее очень уютное впечатление обжитого места, которое складывалось и обустраивалось многими поколениями.

В городе нет памятника Ленину. Вместо него на центральной площади мемориал воинам-

афганцам, что сразу вызывает недоумение и вопросы по поводу роли афганцев в жизни города (но об этом позже).

Даже исполком выглядит не очень массивно и официально, прячась за деревьями сквера. Надо сказать, что именно перед исполкомом дорожное покрытие в самом плохом состоянии, по крайней мере, среди центральных улиц.

Выбиваются из общего стиля современные постройки Дома культуры (из стекла и бетона) и универсама.

Общее первое впечатление: попадаешь не просто в населенный пункт или административный центр, а в чей-то дом — со своей историей, привычками, традициями и хозяином. Но это только первое впечатление, которое создается за счет сохранившейся городской застройки. После двух проведенных дней она стала восприниматься как декорация, в которой играют уже другой спектакль, используя то, что получили в наследство.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что некоторые старые, двух-, трехэтажные кирпичные дома находятся в полуразрушенном или запустевшем состоянии и воспринимаются местными жителями как «уродующие лицо города» или как опасные.

Увидев наш интерес к одному из таких полуразрушенных зданий и фотокамеру, нас подбодрили:

- Снимите вот это. Когда уже снесут? А то кирпичи скоро буду на голову падать.

Однако, таких домов немного. В целом городок ухоженный, чистенький — бордюры покрашены, цветы посажены, что и составляет главный предмет гордости горожан.

Чуть дальше от центра — в основном частная застройка: деревянные и кирпичные дома без излишеств. Что-то типа коттеджей встречается крайне редко. И вообще строительного или

даже ремонтного бума нет. Все сохраняется во вполне аккуратном, добротном, но достаточно скромном виде. За домами огороды и огородики. На окраине города есть традиционный микрорайон — несколько многоэтажек постройки 80-90-х годов, вокруг поле или пустырь.

Вероятно, сами квартиры в этих домах являлись и являются таким благом цивилизации, что о том, чтобы вокруг была какая-то приемлемо жилая зона, особенно никто не заботился. Одинокие качельки-карусельки и скамеечки только усугубляют впечатление, напоминая, что можно было бы и по-человечески... Зато между домами все те же огороды и огородики.

Отдельно надо сказать о татарском районе, вернее о нескольких улицах, на которых татары селились испокон веков и живут там до сих пор. Как раньше, так и сейчас — это фактически окраина города. И вообще складывается ощущение, что с тех давних времен мало что изменилось. Домики поражают своей скромностью и даже аскетизмом. Все аккуратно и просто: образец прожиточного минимума и предел неприязнительности. Любые, по крайней мере внешние, улучшения связаны с экстренными обстоятельствами. Ряд кирпичных домов, очень скромных, выделяющихся на фоне деревянных, обязан пожару в 70-ых годах. Тогда сгорело сразу несколько домов, а новые строили уже кирпичными. Это обстоятельство вполне оправдывает их «выдающийся» вид.

В центре есть кафе «Алькабар», но попасть в него не удалось.

Примечательно, что мулла о существовании этого кафе и не знает. Но это еще одна особенность жизни татарской общины в городе.

Работать негде, но жить можно

Занятость в Ивье обеспечивают РАЙПО, лесхоз, овощесушильный завод в Юратипках и всякие мелкие производства оставшиеся в на-

следство от советской системы и постепенно приходящие в упадок. Есть еще государственная служба в образовании, администрации, социальной сфере, частная и государственная торговля. Это предел возможностей трудоустройства в городе. Поэтому, когда спрашиваешь горожан, сразу после положенного *«наш город очень красивый, чистый, и мы его очень любим и ни на что не променяем»*, речь заходит о том, что делать в городе нечего, особенно молодежи. Перспектив хорошо устроиться практически нет. Поэтому люди, у которых есть какие-то карьерные амбиции, просто уезжают. Остаются же неприязнительные, по привычке или необходимости.

Но при этом в городе чувствуется обустроенность, налаженность жизни, которая сглаживает проблемы с работой. Создается ощущение, что действительно покидать город не особенно хотят, даже понимая бесперспективность.

Ивьевчане почти поголовно заняты огородами, что и составляет их главное занятие, сразу вслед за выполнением трудовых обязанностей по основной работе. На большую часть вопросов касающихся жизни вне работы, мы слышали ответ — *«так огороды же»*. Это ответ и на то, как отдыхаете, и как зарабатываете, и как живете на зарплату. Огороды как средство приработка и обеспечения продуктами замещают здесь традиционный для малых городов выезд на заработки в Россию, Польшу или Литву. Даже жители соседних деревень отмечают такую отличительную особенность ивьевчан от всего района, причем объясняют это явление влиянием татар. Однако каких-либо серьезных масштабов и организационных форм огородничества не принимает. Все ограничивается обеспечением собственных потребностей в продуктах и мелкой торговлей на ближайших рынках и в Минске. Несмотря на объемы (о них гордо говорят главные огородники — татары), об орга-

низации собственных сетей распространения, развития бизнес-схем или чего-то подобного никто не думает.

Уровень жизни горожан — соответствующий, ничего выдающегося, но вполне прилично. Никаких признаков социального и материального расслоения нет. Ни роскоши, ни нищеты. Довольно много машин, по словам самих жителей — практически в каждой семье. Но это в основном не предметы роскоши, а средства передвижения или производства. Магазины в основном продовольственные и без излишеств. За одеждой, бытовыми товарами и более крупными покупками все едут в Лиду и Гродно. В универсаме очень убогий ассортимент, и туда мало кто ходит.

Бизнес развит слабо: мелкая торговля (ларьки и продуктовые магазинчики), ремонт машин, изготовление мебели, грузоперевозки. Все на уровне малого бизнеса, без серьезного размаха. Высокие государственные чиновники (в масштабах района), судя по домам, более обеспечены, чем бизнесмены.

«Город» в жизни Ивья

Про свой родной город всем в Ивье известно, что он очень старый, красивый, с богатой историей и еще то, что про эту самую историю знает местный краевед-любитель. На этом, как нам показалось, заканчивается «городское сознание» ивьевчан. А дальше у каждого своя ниша, свой огород, семья, работа и т.д. Причем эти ниши, похоже, ничем не отличаются: после работы и рабочий, и учитель, и работник райсплокома — все в своих огородах.

- Что в вашем городе интересного?

- Все интересно.

- А люди, какие-то особенные, знаменитые, влиятельные есть?

- У нас все интересные и особенные.

- А с кем интересным поговорить?

- Так в исполком сходите.

- А события какие происходят?

- Много всяких, разные. Вы лучше в Дом культуры сходите, там подробно расскажут, как мы интересно живем.

Правда, и в исполкоме, и в Доме культуры честно признались: все что происходит — мероприятия строго по плану, и люди вообще-то не идут. Даже концертами заезжих знаменитостей не привлечешь, не говоря уже о своей самодельности.

В Доме культуры есть положенное количество кружков, среди которых целых три театральных. По словам работников ДК, пользуется популярностью Народный театр (благодаря режиссеру Завадскому), но в чем выражается популярность, мы не поняли.

Хотя, есть одно событие, на которое собирается полный зал: на Рождество все костелы района привозят свои хоры (в основном детские), и несколько дней в городе продолжается праздник.

Вся городская инфраструктура вроде бы есть: гостиница среднего районного уровня (но в ней, видимо, редко останавливаются гости, в основном командировочные); есть пляжик с прокатом лодки; есть несколько компьютерных клубов (один с Интернетом), в которых толпятся подростки и детки — играют.

В городе есть столовая со съедобными обедами и несколько приличных кафе, работающих в основном в вечерне-ночное время. Жизнь в них еле теплится: в пятничный вечер в 22.00 мы были единственными посетителями, только потом народ немного подтянулся, в основном молодежь, парочки. Люди постарше «отдыхают» дома. В выходные эти заведения обычно снимают под свадебно-юбилейные мероприятия. Судя по обслуживанию, особого ажютажа там не случается. Все очень размеренно и неторопливо.

По утверждениям местных жителей есть

пару «неспокойных» мест. Но особого беспокойства там мы не обнаружили (наверное, повезло). Есть даже столики под открытым небом, с видом на костел и пляж. В общем в городе есть, где посидеть в приятной обстановке и приятной компании. Только вот «утреннего кофе» мы найти не смогли, да и вегетарианцам-экспедиторам пришлось нелегко.

В центре города строится спортивный зал — гордость и надежда исполкома. Строится он в бывшей синагоге, но это ни исполком, ни жителей города не смущает. Евреев-то в городе не осталось и синагога для остальных жителей просто стены.

Между прочим, музея в городе пока нет, он строится где-то на окраине. Это будет музей национальных культур или межнациональной дружбы. Бывшая синагога лучше бы подошла для музея, чем для спортзала, но представления о межнациональных и межконфессиональных отношениях в Ивье особые.

В общем, в городе место для неформальной активности есть, а самой активности нет. Краеведческий клуб пенсионеров «Спадчына» (возраст членов — от 63 лет) при библиотеке, байкеры, под присмотром отдела по молодежи — это, пожалуй, все.

В отношении людей чувствовалась доброжелательная осторожность. Люди добры и приветливы, с готовностью вступают в разговоры о городе, но только до той поры, пока такой разговор строится на стандартных и общих фразах и не касается каких-то вопросов, где такими фразами не отделаться. О проблемах говорить не принято, это вызывает настороженность, что связано не только с тем, что мы чужаки и можно сказать лишнего. Создалось впечатление, что в Ивье про проблемы вообще не принято разговаривать, вызывает дискомфорт сама постановка вопросов, необходимость подумать и высказать мнение о том, о чем раньше не задумывались. За такими ответами

сразу отправляют куда-нибудь повыше: викарий — к ксендзу, библиотекари и другие госслужащие — в исполком. Есть какое-то устоявшееся более или менее благополучное и спокойное состояние, и нечего его ворошить. Только молодежь тоскливо отмечает, что делать здесь нечего.

Жизнь религиозных общин практически не выходит за границы церкви, костела и мечети. Самая большая община — католики. Но костел занимает очень осторожную позицию в общественных вопросах. Были ли действительные конфликты с властью, или это предварительная осторожность — осталось загадкой.

Межнациональные отношения и «татары в городе»

Еще одна характеристика, которую с гордостью давали жители Ивья своему городу: «город примерных межнациональных и межконфессиональных отношений». И это оказалась самая большая неправда. Хорошими межнациональными отношениями называется игнорирование, стирание отличий, растворение в общей однородной массе. Все — одинаковые жители Ивья, а кто они татары, поляки или беларусы, католики или мусульмане — это не важно. Во всех общественных отношениях они не выступают как национальные общины, со своими интересами, запросами, требованиями. Остатки национальной специфичности и конфессиональная принадлежность вытеснена в частную сферу обустройства своей собственной жизни. И там действительно терпимость и относительная свобода — как хочешь, так и живи.

Ну и еще, конечно же, есть показательные праздники, когда эта специфичность вытаскивается наружу, декоративно оформляется и подается как пример дружбы между народами. Но все это не имеет никакого отношения к «национальным отношениям». Очень характерную историю рассказал мулла.

В советские годы, одним из руководителей ни то Ивья, ни то района был советский функционер — поляк. Так вот, во время его правления, по договоренности с тогдашним муллою, — у ивьевских татар в пятницу был выходной (этот день они проводят в мечети), а в воскресенье — рабочий день.

Сейчас в пятницу в мечеть могут прийти только старики и дети, остальные работают. В Ивье около 250 татарских семей, но на рабочий график города их религиозные традиции никак не влияют. Такая ситуация практически по всей Беларуси, но здесь она поражает своей очевидностью именно потому, что межнациональными отношениями здесь гордятся.

Эту ситуацию поддерживают сами общины, по крайней мере, татарская. Непрительность в быту полностью соответствует неприязнительности в общественной жизни.

Очень колоритный и обаятельный мулла одинаково самозабвенно и с юмором рассказывал нам о мусульманских обрядах, истории своей жизни и о выращивании очень раннего картофеля, рассаде и прочих огородных достижениях.

На какой-то большой католический праздник ксендз пригласил его в костел в качестве почетного гостя. II он смущенно замечал, что люди, признавая в нем работника хозяйственного магазина, не могли понять, почему он среди почетных гостей. Как муллу его знают практически только свои.

Жизнь общины ограничивается религиозными обрядами, поддержанием в порядке мечети и взаимовыручке в сложных ситуациях. Иногда случаются праздники, на которые приезжают другие общины. Они же и обеспечивают национальный колорит. Вопросы о включении в общественную жизнь и выдвижении татар на какие-то руководящие посты или в политику встречались лукавым удивлением:

— *А зачем? Нам ничего не надо. II Лукашенко мы должны сказать спасибо.*

— *За что?*

— *Что не трогают.*

Не мудрено, что жители города, пытаясь вспомнить про местные достопримечательности и особенности города, практически не вспоминали о существовании татар. Но после напоминания спохватывались и рассказывали про «хорошие межнациональные отношения».

Краевед-любитель и бизнесмен-патриот

И еще два культурных героя дополняют картину города. К ним отпраивали практически все, в ответ на просьбу назвать самых известных жителей Ивья.

Директор лесхоза и краевед-любитель по совместительству соорудил у себя на чердаке небольшой музей. Там есть все — от пионерских горнов до древних польских книжек, найденных на развалинах усадеб, от «бел-чырвоная-белага сцяга» до партизанских патефонов. Хотя музеем это назвать сложно — скорее коллекция коллекций. Многое из собранного не имеет ценности, но кое-что могло бы составить честь Ивьевскому музею, если бы он существовал.

Главное, что все это находится не только в пространстве личного чердака, но и в пространстве частной жизни одного «странного» человека. Это его личное дело, которое по большому счету ни город, ни людей в городе не интересует. Все знают, что есть такой человек и к нему можно отправить любопытных приезжих. Важно еще и то, что и самого краеведа-любителя город и его жители тоже не интересуют, в крайнем случае, как источник пополнения коллекции. Все, что он делает, это только его жизнь и вся разношерстная коллекция исчезнет вместе с ним. Ни приемников, ни подельников.

Он может часами рассказывать об «экспонатах» и столько же о своих планах выстраивания экспозиций, но вскоре становится понятно, что

это тоже часть хобби — придумывать экспозиции, которым не суждено появиться. Всякие рассуждения и предложения по выведению его дела из такой вот частной личной сферы встречались приговариванием «ну да конечно, надо бы» и заготовленными выкладками про то, насколько это невозможно.

Второй герой — совсем другой тип. Мелкий предприниматель, председатель Общества ветеранов афганской войны. Памятник афганцам посреди города — это дело его рук. Он проводит в школах беседы на «патриотические темы», организует выезды детей и подростков на природу, соревнования и т.д.

И хотя вроде бы здесь налицо публичная деятельность, но похоже, что она тоже остается личным делом. Никому не мешают. Но и дела до этого, судя по всему, больше никому нет. Спрашиваем в исполкоме:

— Почему посреди города памятник афганцам? Большие потери были?

— Да вроде нет. Там семнадцать фамилий...

— Семь (уточняем мы).

— Просто у нас тут такой человек есть, захотел поставить, денег нашёл. Вот и поставил.

Судя по всему, с патриотическим воспитанием та же история. За рамки не выходит, может даже в отчеты можно что-то вставить. Жители относятся также, нормативно. Это же хорошо, что с детьми занимается. Пусть. Но своего личного отношения к тому, а чем собственно этот человек занимается, что рассказывает, какие чувства прививает — нет.

В общем Ивье оказался городской декорацией, где живут люди, каждый в своем мире, в своей нише. Просто. Удобно. Спокойно. Главное, чтобы внешние обстоятельства не очень резко менялись, и можно будет успеть приспособиться.

Татьяна Водолажская

Чаусы

13-15 июня 2008 года

Общие сведения

Город Чаусы — административный центр Чаусского района Могилевской области, расположен на реке Бася. Находится на расстоянии 41 км от Могилева, в 5 км от железнодорожной станции Чаусы на линии Могилев-Кричев. Город — узел автодорог на Могилев, Кричев, Мстиславль, Чериков.

Численность населения (на начало 2007 года) — 10,4 тысяч человек (на 1 января 2001 года — 11 тысяч). Чаусы — единственный город в районе, численность сельского населения района — 10,9 тысяч человек (на начало 2007 года).

Из истории города: известен с середины 16 века как деревня Чаусовичи. С 1589 года — в Могилевской эконорме. С 1604 года — приобрел статус города. В 1634 году город получил Магдебургское право. С 1924 года город стал центром района. В дореволюционное время город Чаусы был центром одноименного уезда*.

Чаусская «изюминка», или кладбища и фонтаны

Чаусы — «невезучий» город, как минимум трижды разрушенный почти до основания. Сначала по нему «прошелся» Петр Первый во

* У Чаус целых два герба, польский и российский (он же современный):

время Северной войны, потом Наполеон, а во время ВОВ в этих местах проводилась операция «Багратион». Не удивительно, что в городе не осталось практически ни одного старого здания.

Чаусы — территориально городок небольшой. На карте город напоминает некое существо со щупальцами: в разные стороны от собственно города находятся поселок льнозавода, райончик частной застройки вокруг бывшего кирпичного завода, район «Заречное» и что-то вроде поселка вокруг железнодорожной станции Чаусы.

В городе преобладают пятиэтажные жилые дома 70-80-х годов постройки. Частный сектор сравнительно небольшой. На въезде в город несколько свежестроенных и несколько строящихся многоквартирных домов (жители города берут долговременные кредиты под строительство жилья, такая практика тут довольно широко распространена).

В городе достаточно четко выделяются два «центра притяжения». Один — в районе райисполкома, где расположены все основные культурно-досуговые объекты — городской парк, фонтан с мельницей, ДК с дискотеками, комплекс из общепитовского ресторана и кафетерия, единственный приличный ресторан под названием «Лига». В 2-5 минутах ходьбы расположены гостиница, почта, библиотека.

Второй «центр» — площадь в районе автовокзала. Рядом расположен рынок, городской универсам, в центре площади — фонтан с русалкой.

Ничего примечательного, кроме большого для такого городка количества фонтанов (цельх три) и огромной, абсолютно пустынной в любое время суток площади перед райисполкомом, нет. Из довоенных построек в городе остались только здание музея (раньше там вроде было

казначейство) да еще то ли реставрируемый, то ли потихоньку разваливающийся домик в центре (оба здания — ориентировочно конца 19 века, никаких более точных сведений у жителей города получить не удалось). На наши просьбы показать в городе еще какие-нибудь старые здания, нас несколько раз пытались сводить к зданию банка, который построен на фундаменте когда-то стоявшего здесь костела. Спрашиваем: так от костела хоть что-нибудь осталось? Нет, говорят, ничего, но все-таки...

Есть памятники и мемориалы погибшим в отечественную и в афганскую войну, в большом количестве. Один такой мемориальный комплекс стоит во дворе школы.

К началу 20 века в Чаусах преобладало еврейское население. У Дембровского по этому поводу написано следующее: *«Жителей в городке к 1880 году числилось — 2332 души мужского и 2247 — женского пола, в том числе православных 960 мужчин и 940 женщин, католиков — 8 мужчин и 13 женщин и евреев 1364 мужчины и 1294 женщины»*. (А.С.Дембовецкнй. Опыт описания Могилёвской губернии. 1884 г.). Во время Второй мировой войны оставшиеся евреи были почти полностью уничтожены немцами. Вблизи города (буквально в километре) находится еврейское кладбище, просто в ужасающем состоянии: полустершаяся надпись на мемориале и заросшие травой могилы.

В городе две церкви: православная (здание вроде изначально не церковное, а «приспособленное») и недавно достроенное (в 2004 году) здание католического костела. Строится православная церковь побольше, строится уже долго — и конца не видно, хотя на строительство выделяются деньги и из государственного бюджета, и из предпринимательского.

В городе попадаются заброшенные и законченные здания, причем не из жилого фонда,

вообще неиспользуемых производственных площадей в Чаусах много.

Заводы есть, работы нет

В городе 4 предприятия, основное — маслодельно-сыродельный завод. Еще есть завод железобетонных изделий, какой-то комбинат кооперативной промышленности и льнозавод (сейчас практически не работает). Жители Чаус жалуются на отсутствие работы и низкий уровень заработной платы. Более-менее приличные заработки на ЖБИ и маслосырзаводе, но «не у всех». Предпринимательство развито слабо, в основном — мелкая торговля, прибыль от которой небольшая, поскольку «покупательская способность» населения низкая. Самый крупный предприниматель в городе — владелец бара-ресторана «Лига» и довольно приличного продуктового магазина. Но предприниматель собирается съехать из города, если удастся продать свой бизнес. И это при том, что город Чаусы был признан «Лучшим городом районного подчинения по созданию условий по развитию предпринимательства» в 2006 году. В общем, условия есть, а предпринимательства нет. По крайней мере, легального. Нам рассказывали другую версию: «деньги делают» в городе довольно активно, но только люди «со связями», в общем, в городе сложилась «клановая система», пронизывающая райисполком, образовательные и культурные учреждения, частный бизнес. Версия интересная, но непроверенная.

В остальном люди перебиваются подработками и огородами. На заработки ездят в Россию. Огородниками и дачами население Чаус охвачено почти поголовно, так что наши расспросы про свободное время горожан иногда встречали довольно бурную реакцию.

Особенности инфраструктуры

Перед поездкой мы нашли на официальном сайте города Чаус «Автопарк № 10», обслуживающий «26 пригородных и 6 городских маршрутов». Не знаю, какие городские маршруты там имелись в виду, но ситуация с городским транспортом в Чаусах крайне непростая: на всех остановках висит расписание одного автобуса (без номера), хотя местные утверждают, что маршрутов на самом деле два. Как они их различают — загадка. Интервал движения — 40-50 минут.

Автомобильного движения в городе вообще практически нет. Единственное место, в котором нужно хотя бы оглядываться по сторонам, когда переходишь дорогу — район автовокзала, да и то в большей степени из-за пригородных автобусов.

Выход в Интернет есть в местном «Белтелекоме» (три компьютера, скорость удовлетворительная). Ни компьютерных клубов, ни локальных сетей обнаружить не удалось.

Основные места торговли — «Торговый мини-центр» (одежда, обувь, бытовая техника, диски — и ассортимент, и цены средненькие) и рынок. Сам рынок довольно убогий, по периметру — ряд магазинчиков «Уют», «Визит», «Фаворит», в общем, обычный стандарт. В здании автовокзала мелкие торговцы арендуют помещения, продают вещи. Есть несколько продуктовых магазинчиков (частных), выгодно отличающихся от государственных.

С государственными магазинами совсем плохо. Есть универсам «Центральный» (продукты, пиво-напитки), еще пару продуктовых магазинов да «полузакрытые» магазины «Мебель» и «Ритуал». Напротив бара «Лига» — забавный старый магазинчик (ныне не работающий) под названием «Сюрприз». Когда-то здесь торговали «качественными плодово-ягодными винами» (культурное, говорят, место было).

С пропитанием для гостей города тоже сложно. Местный ресторан — что-то вроде столовой, с той поправкой, что там регулярно проводятся банкеты. В частном баре-ресторане «Лига» днем мало кто бывает, а по вечерам — не протолкнуться. Музыка, нормальное обслуживание, цены приемлемые. Еще есть бар «Апельсин», особое оживление в котором наблюдается по утрам, когда все остальные питейные заведения еще закрыты. Туда народ в основном приходит «остогограммиться». На рынке (рядом автовокзал) — одна несчастная кафешка с позавчерашними чебуреками. Говорят, кто-то из предпринимателей хотел открыть заведение попрличней, но то ли с санстанцией не договорился, то ли еще с кем-то из местных властей.

Местная гостиница очень напоминает общежитие, при чем довольно страшненькое. В период экспедиции кроме нас там жили только «Бестювские строители».

Районная газета «Искра» распространяется только по подписке (даже на почте не достать). Ознакомились с подпиской в местной библиотеке — довольно приличная газета, для районки, во всяком случае: официоз, программа ТВ, зарисовки из жизни города и горожан (даже про пастора статья есть), поздравления, объявления о купле-продаже, литературная страница *«Маладзік над Проняй»*.

Местное радио — как обычно, загадка: то ли есть, то ли нет.

Про людей

Жители города Чаусы отличаются какой-то особой формой пессимизма, переходящего в аутизм. По самоощущениям — лузеры, город свой не любят, жить в нем не хотят (за исключением девушки, которая съехала в Минск, и теперь, приезжая в родные Чаусы рассказывает, как хорош город для семейной жизни — тихий,

спокойный...). Впрочем, не буду экстраполировать на весь город, но те, с кем нам удалось пообщаться, ничего интересного в городе не видят. При этом по городу уже несколько месяцев ходит замечательный человек («замечательный» — и в смысле душевных качеств, и в смысле «заметный») — католический ксендз, недавно ставший настоятелем костела, разговаривает с людьми, задает странные вопросы, скандалит с руководством ЖКХ. И что бы вы думали? Никто его в упор не видит.

Людей, «желающих странного», в Чаусах очень мало, при этом им просто не приходится голову как-то поддерживать друг друга.

Свободное время — огороды, дачи. Молодежь по вечерам на дискотеках (их две), в баре «Лига», на лавочках в городском парке и возле фонтана «с мельницей и скульптурами». Кстати, ночная жизнь в Чаусах, во-первых, действительно ночная (дискотеки работают одна до 24-х, вторая — до 4 часов утра, и вообще активное «движение» начинается где-то в районе 11-ти вечера), во-вторых, достаточно массовая для такого городка. Из «самодеятельности» обнаружилась одна рок-группа в зачаточном состоянии.

Отношение к истории города абсолютно индифферентное. Со всеми расспросами посылают в местный музей.

Еще в Чаусах существует языковой барьер: в этом городе довольно трудно быть «беларускамоўным». Нет, никакой агрессии по отношению к человеку, говорящему на белорусском, нет, но переспрашивать все приходится по два-три раза.

«Культурная конкуренция»

В городе две общеобразовательные школы и еще одна, базовая, расположена в районе железнодорожной станции (выглядит довольно заброшенной, но вроде действующая). После

школы учиться в городе негде, нет даже ПТУ (по словам завуча одной из школ, это создает определенные проблемы — отправлять детей учиться в другой город родители не торопятся, вот и сидят все в 10-11 классах, учиться не хотят, а деть их некуда).

Есть детская школа искусств, две библиотеки (районная и детская), РДК и Дом молодежи. Библиотеки ютятся в одном здании («на время ремонта»). Читатели — в основном школьники и студенты, которые записываются на время каникул. Фонды комплектуются централизованно, библиотекари говорят, что вполне удовлетворительно. С особой любовью оформлены информационные стенды — «никотиновый бес», «белая смерть» и т.п. Библиотекари занимаются общественной деятельностью: детская библиотека занята проведением информационных мероприятий по экологической тематике, при районной библиотеке есть пенсионерский клуб, для членов которого библиотекари тоже регулярно проводят мероприятия (спрашиваем: а почему именно пенсионеры? — Говорят, направление деятельности у нас такое: вот в детской — экология, у нас — пенсионеры...).

Районный дом культуры и местный Дом молодежи — конкурирующие предприятия (так нам рассказали). Основная конкуренция, как мы поняли — за публику на дискотеках. Кроме того, в местном РДК регулярно случаются концерты, в основном самодеятельные, реже — заезжих артистов. Мало того, организуют какие-то выступления возле местной достопримечательности — фонтана с мельницей. Особой популярностью в городе самодеятельность, похоже, не пользуется. Дискотека в ДК — антураж (помещение, публика, музыка) школьной дискотеки начала 90-х (только три милионера, регулярно обходящих помещение, портят впечатление). В Доме молодежи все гораздо

круче: неплохая светомузыка, просторный зал, музыка посовременнее. При этом — абсолютное отсутствие посетителей (возможно, они переключиваются туда после закрытия дискотеки в ДК...). Объяснение (то, которое на поверхности) довольно простое: ДК находится в центре, рядом магазины, можно пива попить и потусоваться, от Дома молодежи до центра минут десять ходьбы.

Рядом с ДК — полузаброшенная летняя площадка и неработающая детская «каруселька». Карусели не работают уже лет пять, исполком не может найти даже такие небольшие деньги (миллионов 5-7, по словам одного «информированного источника» из местных) на оформление документации и ремонт.

В музее вам расскажут пару-тройку легенд о происхождении названия города Чаусы (наиболее распространенные: от названия цыганских шатров и от имени некоего татаро-монгола, спасшего местную девушку во время нашествия, впоследствии женившегося на ней и осевшего на этих землях). Более-менее представлены собственно краеведение и экспозиция времен первобытно-общинного строя, потом практически сразу следуют времена коллективизации, партизанщины и подвигов в ВОВ. От всего до-революционного периода истории города в музее осталось только художественное полотно во всю стену с видом города в 17-18 веке. В отдельном зале собраны дары музеев, в основном — от бывших жителей Чаус, ставших чем-нибудь знаменитыми (писатели, ученые, спортсмены). В музее продают буклеты (внебюджетная деятельность), посвященные разным достопримечательностям Могилевщины (к сожалению, про Чаусы мы ничего не нашли), и проводят свадебные обряды для желающих (типа «беларусский фольклор»). Кроме того, регулярно проводят разные художественные выставки, иногда очень

неплохие. Вся эта деятельность держится на директоре музея.

Особого упоминания заслуживает местный ФОК, довольно новый и просто поражающий воображение на фоне общей серости. Рядом — футбольное поле и теннисный корт, активно используемый.

Общины, организации, объединения

Православные, католики и ХВЕ (христиане веры евангельской). Все общины небольшие. По словам местных, в городе в основном православные (диалог: «А в церковь часто ходят?» — «Ну, как часто...» — «Ну, только по праздникам или чаще?» — «Нет, чаще... Свадьба когда, или похороны...»). В общем, особой религиозностью жители Чаус не отличаются, хотя по праздникам в церковь человек 50-60 приходит.

Католическая община небольшая (человек 20). Местный скендз пытается работать с прихожанами, особенно с детьми. Получается пока не очень — инерция высокая. Пытался наладить контакт с православным священником, но не получилось.

Протестантская община — человек 10. Пастор говорит, что в городе их не любят, считают сектой, поэтому община не растет. Впрочем, мешать тоже не мешают, и, по-моему, такое положение всех устраивает.

Единственное, что удалось обнаружить из общественных организаций — Территориальный центр обслуживания инвалидов. На сайте Чаусского райисполкома в разделе «Общественные объединения» числятся профсоюзы, БРСМ и БРПО (пионеры с октябрятами), и в отличие от «городских автобусных маршрутов», эта информация достоверная. Никакой политической или общественной активности в Чаусах нет и, похоже, никогда не было.

Оксана Шелест

Дисна

11-12 июля 2008 года

Общие сведения

Дисна — древнейший населенный пункт Миорского района, находится на северо-западе республики, на реке Дисна в месте ее впадения в Западную Двину. Расстояние до Витебска — 160 км, до райцентра — 40 км, до Полоцка — столько же, до ближайшей железнодорожной станции — 12 км. Сейчас численность населения составляет 2,4 тысячи человек, Дисна была основана XI веке кривичами, с 1563 года местечко находилось во владениях Великого Княжества Литовского. В 1569 году Дисна получила Магдебургское право. В последующие годы она была то в составе Российской империи, то в составе Польши. При этом Дисна всегда оставалась значимым военным и торговым городом. До Второй мировой войны ее население насчитывало до 10 тысяч жителей.

Во время войны Дисна была практически разрушена и опустошена. Из местных жителей осталось несколько сотен человек. В 1959 году Дисненский район был упразднен.

«Самый маленький город Беларуси»

Поиск информации про Дисну показал, что это один из немногих малых городов, где ведется активная и эффективная работа по созданию имиджа города. В ходе подготовки к экспедиции сложились вполне четкие ожидания: самый маленький город с прекрасными живописными окрестностями и богатым историческим насле-

днем. Его жители вопреки всему не только стремятся сохранить его, но и развить, сделав «туристическим раем». Из имеющейся информации было ясно, что при всех традиционных сложностях (упадок предприятий, демографические проблемы, неразвитость ЖКХ и т.д.) Дисна пошла «другим путем» и активно вкладывает все свои человеческие, интеллектуальные и материальные ресурсы в развитие туристической индустрии: туристические маршруты, кафе, парки, прием гостей в частных домах, музеев, информационный центр и т.д. В общем: «Приезжайте в самый маленький город в Беларуси — не пожалее!».

Внешний вид города

Небольшой городок, окруженный с трех сторон водой.

Человеку, въезжающему в город, сразу бросается в глаза мозаичность и смешанность во всем. На некоторых домах висят таблички с названиями улиц на английском языке (это мы потом разобрались, что таблички висят вдоль туристических троп), на других — вообще никаких опознавательных знаков. Отдельные домики частной застройки — просто произведения искусства, в смысле затейливости украшений и палисадников вокруг. А рядом полуразрушенные старые городские дома. Нет хотя бы более или менее оформленного центра города. Обычно его образует площадь с памятником (или сквером) и административные здания. Здесь горсовет находится на отшибе, хотя и в очень уютном уголке. Старая центральная (рыночная) площадь, на которой в советские времена стоял Ленин — сейчас футбольное поле. Рядом с остатками зданий, образовывавших раньше (до 1939 года) архитектурный ансамбль площади (торговые ряды, купеческий клуб), — интернат и автостанция.

На заднем плане видны руины костела и госпиталья, несколько «царских домиков» (построек, оставшиеся с царских времен) и пожарка. Догадаться, что это место является или являлось центром города без помощи экскурсоводов практически не возможно.

Из отчета участника экспедиции Д.Галиновского:

Как рассказал нам один из местных энтузиастов историк Петр Владимирович Багович, в Дисне снималось несколько фильмов про войну. Это, наверное, потому, что в городе много руин (порой очень даже живописных, надо заметить, но все же руин). Да и вообще центр города создает такое ощущение, что война только недавно закончилась — какого-то архитектурного ансамбля не наблюдается. Тот, что был, — разрушен, а о новом никто не позаботился. Что интересно, в городе нет памятника Ленину. Остался только след от пьедестала, там сейчас ребяташки в футбол играют. По словам очевидцев, памятник сильно пострадал. Голова Ильича страдала от птиц а пальцы руки, которой вождем пролетариата указывал на светлое будущее, от футбольного мяча. Его еще в начале девяностых хотели убрать, но отчаянные коммунисты в городе сказали: «Нет, пока мы живы, не отдадим Ильича». Но время шло, и вот уже защищать Ленина стало нелепо. Тогда подогнали грузовик, кран, оторвали от пьедестала и хотели погрузить в кузов машины, а он тут же рассыпался на мелкие кусочки. «Это была только гипсовая копия, пустая внутри, никакой ценности», — говорит нам наш экскурсовод. — «А вот костел наоборот имеет ценность, потому что он безбашенный».

После того, что с ним сделали, любому видно, что безбашенный. Настродался он от коммунистов. Когда Дисна в составе Западной Беларуси входила в Польшу, то коммунисты со своей территории стреливали в костел из пушки. И три пушечных снаряда так и торчат в стене костела. После войны костел хотели окончательно уничтожить, взрывчатку закладывали — не помогало. Крышу совсем развалили, стены по-

трескались, но устояли. Сейчас там ксендз Геннадий и небольшая община

Весь город выглядит так, будто с определенного момента строительство новых зданий и всяких мелких сооружений, столбов, дорог и т.д. осуществлялось как кому вздумается. Есть место — поставим дом, проведем дорожку, сделаем туалет, разобьем сад и т.д. Но сквозь этот сумбур все же проглядывает старый, традиционно организованный белорусский городок, наполовину разрушенный и забытый.

Говорят, что уже после войны Дисна подлежала затоплению, поскольку жителей практически не осталось, основные сооружения были разрушены, экономического или административного смысла в нем не было. Но город остался. Правда выжил ли?..

Застройка в городе в основном одноэтажная, деревянно-кирпичная. Многоэтажные и многоквартирные дома — это остатки городских строений досоветской эпохи и поселок «нефтяников» (несколько четырехэтажных домов для работников нефтеперегоночной станции).

Одноэтажные дома небогатые, но оставляют удивительно теплое ощущение. Они очень затейливо украшены, что говорит о богатстве фантазии местных жителей и умении использовать всякий подручный материал, чтобы обустроить свою жизнь. Лебеди из покрышек, зайчики и буслики из пластиковых бутылок, разрисованные улыбающимися рожицами бочки, творческое оформление окон и ворот. Мы сразу подумали, что это отзвуки «туристического развития», но оказалось, что это не так. По словам местных жителей, любовь к украшению своего жизненного пространства — это какая-то особая черта жителей Дисны и они даже в некотором роде соревнуются друг перед другом.

Обустройство жизни в городе

Несмотря на славную историю и красоту окрестностей город потихоньку вымирает. За время своего советского существования он постепенно утрачивал то, что служило внутренним источником жизни. Сначала он перестал быть форпостом и границей, закончилось судходство по Двине, железнодорожная ветка прошла в стороне. Все традиционные функции Дисны — торговля, коммуникация, оборона — были утрачены, а вместе с ними — исчезли возможности для развития.

Традиционный фундамент жизни в советских городах — предприятия — так и не стали здесь основанием для возрождения. В городе есть несколько предприятий, но их мощность и потенциал развития оценивается весьма скромно даже в государственной программе развития города. ГЛХУ «Дисненский лесхоз» — градообразующее предприятие, требует переоборудования и имеет много пустующих площадей. Консервный завод практически свернул свою деятельность, УКПП «Дисненский комбинат строительных материалов» дает так мало рабочих мест, что даже переведен в разряд малых предприятий. Есть еще филиал швейной фабрики, работа в сфере торговли, услуг, образования и т.д. Пожалуй, самая престижная работа сейчас — на нефтеперегоночной станции.

В целом работой люди обеспечены либо у себя городе, либо в соседних Полоцке и Новополоцке. Проблемы безработицы вроде бы нет, но есть другая проблема — бесперспективность жизни в городе.

Однако, есть две школы, есть возможность развивать детские таланты в области музыки и разнообразных ремесел. Есть очень неплохой музей, созданный стараниями местных краеведов.

Оценить уровень жизни довольно трудно. С одной стороны, инфраструктура удовлетворения разнообразных потребностей довольно слабая. С другой стороны, понятно, что большинство потребностей удовлетворяются за пределами Дисны, в том же Полоцке. Город слишком мал, чтобы там были крупные магазины, места отдыха и т.д. Мы обнаружили одно закрытое кафе и еще одно место, где можно перекусить (типа летнего кафе), но не пообедать. Несколько продуктовых магазинов, вполне нормальных по повседневному ассортименту, но практически отсутствуют непродовольственные товары. В хозяйственный магазин попасть не удалось, поскольку продавец «уехал в район», несколько сувенирно-парфюмерно-хозяйственных лавочек — вот и весь ассортимент, присутствующий в городе.

Общее впечатление от пребывания в городе такое, что он не является более или менее автономной, самодостаточной единицей. Слишком многое, что включено в организацию жизни людей в Дисне, находится за ее пределами. Конечно, ни один город не является абсолютно самодостаточными, но как единица социальной жизни он может рассматриваться как целостная система. В Дисне это не так.

Нынешнее состояние жизни в Дисне в тех или иных вопросах не устраивает жителей. Полностью довольных мы не встретили.

Пути выживания — стратегии развития

Если описывать Дисну не как строения, предприятия, инфраструктуру и т.д., а «в людях», то мы увидели две Дисны. Люди отличаются не социальными характеристиками, а именно тем, как они относятся к жизни в городе — в чем именно их не устраивает здесь теперешняя жизнь и как они относятся к умиранию города. Тот факт, что если ничего не предпринимать, то через десяток лет здесь вообще ничего не

останется, признают все. Вот только возможности и перспективы видят единицы.

Эти единицы и составляют «первую Дисну». Вообще-то мы реально видели только двух человек из этой Дисны — это мэр города Ольга Мороз и пастор Дмитрий. Хотя они утверждали, что их поддерживают и другие жители города, те, с которыми нам довелось встретиться, живут все же в другой Дисне.

Родилась «первая Дисна» в ходе работы над местной повесткой на 21 век, разработка которой началась в 2005 году. Тогда председатель горсовета Ольга Мороз познакомилась с Программой устойчивого развития. Впрочем, история этого знакомства и дальнейшего «развития отношений» очень красочно описана в Стратегии устойчивого развития Дисненского края, поэтому пересказывать ее нет смысла. В результате, к 2006 году была разработана эта самая стратегия, которая выдвигала свою собственную программу не только выживания Дисны и Дисненского края, но и их развития, причем с учетом вопросов сохранения всего наследия для будущих поколений.

Перспектива виделась в развитии туризма, что действительно является здоровым вариантом для данного региона. Однако эта здравость резко контрастирует с теми представлениями о возможностях развития, которые традиционно присутствуют в управленческой и административной логике, а затем воспроизводятся и в представлениях горожан. Согласно этой логике, развитие города идет только вслед за развитием экономических и административных функций. Нет предприятий — нет развития. Поэтому «туристическая идея» звучала и продолжает звучать для большинства жителей Дисны как красивая, но абсолютно нереалистичная мечта.

Однако, то обстоятельство, что инициатива разработки стратегии принадлежала представи-

телю власти (хоть и самого низового уровня), позволило сконцентрировать на ее запуске все возможные ресурсы. Мобилизацию этих ресурсов можно наблюдать в тех материалах, с которыми мы встретились в поисках информации о городе: широкое тиражирование самого факта разработки стратегии, создание некоторых (в основном информационных) элементов инфраструктуры привлечения туристического контингента — собственные сайты, описания Дисны как туристического места, информационный центр и т.д.; налаживание контактов с западными (преимущественно скандинавскими партнерами) и включение в совместные программы (Даугава — Двина), прием туристических групп.

Уже приехав в Дисну, мы смогли почувствовать себя этими самыми туристами и в какой-то мере оценить потенциал развития этой стратегии. Надо сказать, что мы как раз старались избежать туристической доли. Но оказалось, что не став туристами (которые приехали поглазеть на достопримечательности) вообще невозможно увидеть «первую Дисну». Она возникает, лишь когда ты вступаешь в контакт с носителями этой идеи.

Самостоятельно приехав в Дисну, ты не найдешь место, где можно поесть. И есть подозрение, что и переночевать без предварительных договоренностей особенно негде. В Дисне, конечно, есть гостиница, но это довольно экстрамальный вариант. Гостеприимство местных жителей, готовых взять людей на постой, не вызывает сомнений. Но как их найти, эти гостеприимные дома без договоренностей или знакомства с теми, кто знает об этом?

То же самое с музеем и возможностью экскурсий по городу и окрестностям.

Конечно, Дисна городок маленький и первый встречный оправит вас к мэру или к кому-

то из ее помощников или в исполком — и тогда все наладится. Перед «опознанным» туристом как по волшебству начинает разворачиваться программа его пребывания в городе. Это даже чем-то похоже на конвейер: в дом ремесел, на концерт, в музей, экскурсия по городу, знакомство с самыми активными горожанами, душевные и обильные обеды и ночлеги и т.д. Из рук в руки. Может, это нам так особенно повезло, поскольку с нами были шведы. Но думаю, что и без них, нас не оставили бы на произвол судьбы.

Все, что сейчас есть в Дисне-туристической, пока не функционирует само по себе как инфраструктура, а работает, так сказать, эксклюзивно. Этого и не следовало бы ожидать всего за несколько лет. Но то, что мы видели, показывает отсутствие потенциала для превращения этого эксклюзива в функционирующую и развивающую город индустрию. Энергии, человеческого, финансового, интеллектуального и даже административного ресурса двух человек недостаточно, чтобы запустить систему в действие, нужны другие люди, а их нет. Все остальные живут в другой Дисне, с другими перспективами и задачами. Конечно, в городе есть те, кто готов, если надо, включится в реализацию тех или иных действий: принять гостей, устроить праздник улицы, провести экскурсию и т.д. все это они делают с душой и искренне. Но они не верят в то, что Дисна может стать туристической и что таким путем можно добиться ее возрождения.

Такой вот парадокс: для приезжих белорусских и особенно шведских туристов Дисна — это начинающий развиваться туристический уголок. А для своих горожан — умирающий город. Может ли состояться *первая Дисна*, если для своих она так и останется собрание руин и проблем разных эпох?

Вторая Дисна — малоинтересный, депрессивный городок, сетующий на бесперспективность и отсутствие предприятий, которые могли бы поднять и обустроить жизнь в городе. Люди готовы воспользоваться предоставляющимися возможностями: туристов встретить, купить домик в кредит под агроусадьбу. Но не готовы включиться в реализацию возрождения города как действительные субъекты. А главное они не готовы увидеть какое-то иное будущее у своего города, чем то, что отведено ему течением внешней жиз-

ни: законами природы, экономики или властью.

Из отчета участника экспедиции Д.Галиновского:

Дисна — это город, который мог бы быть, но никогда не будет... Не будет без понимания жителями и включения жителей города в жизнь самого города, без понимания ими более широкого контекста, не заканчивающегося калиткой собственного подворка. А то выходит, что на весь город мы нашли только двух горожан.

Татьяна Водолажская

Каменец

20-21 июня 2008 года

застройки 19 — начала 20 века в центре города Каменец, в соседнем г. Высокое — каменная синагога, парк 18 века, похороненный под землей дворец Сапегов. Всего в паре десятков километров от города находится Национальный парк «Беловежская пуща».

«Туристический центр»

Находясь в окружении знаменитых исторических памятников и памятников природы, Каменец должен был бы стать туристическим центром, но не стал. Виной тому г.п. Каменюки, административный центр Беловежской пущи, находящийся в прямом подчинении администрации Президента. Стоимость туристического маршрута зависит от количества посещаемых объектов, добавление в маршрут Каменецкой вежи удорожает и без того высокую цену поездки в Беловежскую пущу. Стремясь к собственной выгоде, каменюкская администрация всячески старается обойти райцентр стороной, и даже новая дорога в Пущу строится в объезд Каменца. То же самое происходит и с рабочими местами: местных на работу в Пущу стараются не нанимать.

Общие сведения

Город Каменец (до 1983 — городской поселок) находится на западе страны, вблизи польской границы, районный центр одноименного района. Мимо города (именно мимо него) проходит автомобильная дорога Брест-Каменюки и железная дорога Высоко-Литовск — Черемха, до Бреста — около 40 км, добраться можно маршрутным такси в течение часа. Численность населения — 8,7 тысячи человек. Город старый, первое упоминание относится к 1276 году, до настоящего времени в Каменце и окрестностях сохранился ряд уникальных исторических артефактов: Каменецкая (Белая) вежа, часть исторической

Не приносит городу туристических выгод и сама Каменецкая вежа. История тут другая, но похожая. Вежа — объект областного значения и административно является частью Брестского областного музея, т.е. весь доход, получаемый от туристов, уходит в область. Доход, правда, мизерный, но все-таки. А больше в Каменце смотреть вроде бы нечего. Но именно «вроде бы», потому что всего остального продавцы туристических услуг (тоже, кстати, не местные) не видят, а оно есть. Туризм как реальная перспектива для развития города не рассматривается ни властью, ни инициативными жителями. Заработать на туристах, проезжающих мимо, особо не пытаются. В городе даже гостиницы нет. У Вежи одинокий частный предприниматель продает сувениры, но такого низкого качества, что серьезно это рассматривать нельзя.

Работа и заработок

Советские предприятия в Каменце разорились (видимо, из необъяснимого внезапного падения спроса на совковые паяльники и консервы) и сегодня выставлены на продажу. Работой город обеспечивают филиал брестской молочной производства «Савушкин продукт», производственный цех брестского же «Санта-Бермора» в д. Дворцы и пара-тройка других мелких предприятий. Этого для почти девяти-тысячного города мало, местные жители жалуются на нехватку рабочих мест и завидуют соседнему г. Высокое, где работают перспективные «Беловежские сыры». Люди «крутятся», кто-то старается заработать дополнительные деньги на мелкой торговле (например, изготовление сувениров для продажи в Беловежской пуще), стоят в очереди на трудоустройство в бюджетную сферу, где конкурсы бывают до 25 человек на место, многие работают в Бресте.

Широкие возможности и значительный доход приносила приграничная торговля, пока наш законодатель не ограничил количество перемещаемых через границу товаров, предназначенных декларативно «для собственного потребления» (реально же эти товары шли на продажу). В челночное перемещение через границу было втянуто довольно много людей, но теперь рентабельность такой торговли резко упала, и нужно искать другие средства для заработка. Наиболее распространенным вариантом торговли была контрабанда топлива: в объемный (часто специально увеличенный) бак автомобиля заливали бензин (дизельное топливо) и так перевозили через границу, там находили покупателя, продавали, выигрывая на разнице цен. Три-четыре поездки в сутки позволяли заработать 100 и более долларов.

Из диалогов с местными жителями:

— *А что сегодня делают эти люди?*

— *Рыбу ловят...*

— *Что, простите?*

— *А вы съездите за город, на озеро, они все сейчас там, с утра, рыбу ловят... (из того, как это говорить, становится понятно, что рыбу они ловят не просто так, а обсуждают то, что делать дальше и как теперь строить свой непростой бизнес).*

Спрос на рабочие места порождает и их предложение. В недавней истории в Каменце было основано частное предприятие по переработке мяса, колбасный цех, на 400 рабочих мест, с высокими зарплатами для рабочих. Крупное было предприятие по местным меркам, и работать там было престижно, но в настоящее время оно пришло в упадок. Про этой колбасных цех и его хозяина, рассказывают феноменальную историю.

Авиатор

(байка, рассказанная жителями Каменца)

«Родился будущий предприниматель в большой, многодетной, но очень бедной семье. Дети за игрушки дрались, а конфеты видели так редко, что и драться было не за что. Но такая суровая среда воспитала в них старательность, настырность и желание выбиться в люди. Что и произошло. К годам 90-м все подросшие к тому времени дети, кто где, но заняв не последнее место, кто в банке, кто в больнице, а кто, может, и в облисполкоме. А вот Анатолий Исаакович ушел в бизнес, семейные связи позволяли быстро решать вопросы, и вскоре предприятие по переработке мяса под Каменцем заработало. Дело было поставлено как надо и шло успешно: поставщик валил валом, сбыт был налажен, вот и новый цех открыли. Свободных рабочих рук — хоть отбавлять, а за хорошую зарплату люди работали на износ. И все было даже лучше, чем просто хорошо, да тут случилась беда.

Привезли, значит, из пуци кабанчика, дикого, по дешевке, то да се, да и пустили тушку в производство. А кабанчик тот был больной какой-то болезнью. И вот люди колбасой из этого кабанчика травиться начали. Ну, ясное дело, скандал! На цех проверки пошли — санстанции, налоговые, прокуратура, производство остановили, людей в отпуска отправили... Но как-то, благодаря связям, дело вроде замяли, а может и нет, но все затихло. Предприятие мало-помалу опять на ноги встало, но тут вдруг заболел Анатолий Исаакович самолетами.

Познакомился, говорят, в Польше с бизнесменом, у которого самолет свой был. И захотел себе самолет тоже кушл. Да так увлекся, что бизнес свой забросил. Хотел теперь с самолетами бизнес делать: поля колхозные опылять за деньги, а еще для детей авиашколу сделать.

Но тут ничего не выгорело. А колбасный цех зачах, то ли опять неприятности с кабанчиком случились, то ли что, но производство сократили, и людей по домам отправили. Но отправить отправили, а зарплату не выплатили, долг перед ними теперь большой, да так и остался, нет денег у предприятия. Теперь, когда над городом самолет летит, люди говорят: «Во! Зарплата наша полетела!»

Жизнь вне работы

В городе неожиданно много разного уровня питейных заведений: большей (бар и дискотека «Экстрим», бар «Престиж») или меньшей степени приличности (летнее кафе «Адпачынак»). Все заведения довольно активно посещаются местными жителями, но способ отдыха в основном связан с употреблением алкоголя. Другой инфраструктуры организации досуга, если не считать парка, нет.

Культура концентрируется вокруг Районного дома культуры, как утверждают, перестроенного из синагоги. При РДК существует традиционная, формально-кружковая активность, а также спонтанно возникшие относительно неформальные коллективы (например, женская вокальная группа). Особый случай представляет собой рок-группа «Сенька полицей» (или «СП»). Этот, видимо, наиболее продвинутый музыкальный коллектив в Каменце страдает из-за идеологически неправильного названия и текстов своих песен. Тем не менее, понимающая директор дома культуры неофициально покровительствует группе.

Молодежь по вечерам тусуется возле дискотеки. Их две: одна, как нам сказали, — безопасная. Встречаются неформально-панковские группы молодых людей. Существует молодежное братство при православном храме, члены которого по большей части общаются своим

внутренним кругом, организуют паломничества. Инициативная девушка, которая руководит оргработой в братстве, в настоящее время работает и живет в Бресте. С ней состоялся разговор следующего характера:

— *(эмоционально) Каменец — это самый лучший город!*

— *А что должно измениться в городе, чтобы вы сюда жить приехали?*

— Ну

— *Может работа, или еще что?*

— *Да нет, на работу ездить можно. Не знаю (не уверенно).*

Чудаки

В Каменце довольно много интересных личностей. Особо хотелось бы отметить двух молодых людей, Андрея и Семена, создателей сайта и Интернет-магазина <http://kamenets.by> «Каменетчина — Беларусь в лучшем виде». Интернет-магазин в Каменце — это уже интересно, но содержание сайта еще более завлекат. Сайт довольно живой, новости обновляются, работает форум. На вопрос, почему создали сайт, отвечают, что по чисто коммерческим соображениям — Интернет-торговля связана с посещаемостью, вот и сделали сайт, чтобы народ ходил. Но очевидно, что в создании этой площадки лежал не только этот интерес. Ребята пытаются что-то делать, восстанавливают историю города, критически подходят к освещению городских событий, с юмором описывают современное состояние Каменца. Несколько лет назад участвовали в политической кампании молодежного движения «Зубр», но за бесперспективность бросили. Все более-менее живые люди обязательно вспомнят о них, при вопросе о том, с кем нужно пообщаться, чтобы узнать о городе больше.

Еще один центр притяжения — мастер народных ремесел Анатолий Турков. Он с друзьями ремесленниками организовал общественное объединение мастеров народных ремесел. Сегодня планируется организовать школу для детей и заниматься изготовлением сувенирной продукции. Выставляться им в Беларуси негде, чаще ездят на международные пленеры и фестивали в Польшу.

Есть местный старожил, краевед, собирающий информацию об истории Каменца, передает её в библиотеку. Есть своя каменецкая поэтесса, и в той же библиотеке с гордостью показывают её стихи. А есть опальный иконописец, с которым тоже связана интересная история. Легендарный основатель Каменца — владими́ро-во́лынский князь Владимир Василькович не был канонизирован православной церковью, но художнику захотелось написать с него икону. За эту несанкционированную канонизацию иконописец был наказан местным батюшкой, теперь между ними конфликт, а «неправильная» икона висит в музее — в Белой веже.

Т.е., люди, интересные, живые, по своему активные, в городе есть. Между ними даже существует связь, они знакомы друг с другом. Кажется, что в городе существует невидимая жизнь: неформальные группы, странные бизнесмены-контрабандисты-рыбаки, самодеятельные творческие союзы. Но все это живет как-то скрыто, тихо, приглушенно. Для большинства таких людей и групп Каменец не рассматривается как предмет приложения сил, скорее это место жизни, территория существования. Они любят Каменец, но не могут представить себя владельцами, собственниками этого города.

Андрей Егоров

Поставы

22-23 августа 2008 года

Общие сведения

Город Поставы — административный центр Поставского района, расположен на юго-западе Витебской области на реке Мяделка на границе с Литвой в 250 километрах от Витебска и 165 км от Минска. Железнодорожная станция на линии Крулевицзина—Лынтупы. Население города — 20,1 тысячи человек (на 1 января 2006 года).

Впервые упоминается в 1409 году. Во второй половине XVIII века Поставы принадлежали гродненскому старосте Антонио Тызенгаузу, реформатору, стремившемуся превратить своё родовое имение в один из центров культуры и промышленности края.

В городе 10 промышленных предприятий, основные из них: ОАО «Поставский молочный завод»; ЧПУП «Поставский мебельный центр»; ЧУПП «Завод «Белит» (завод радиокомпонентов).

Внешний вид города

Город Поставы расположен в беларусском поозерьи на берегу реки Мяделка. Город имеет 600 летнюю историю, что к счастью сохранилось в его архитектуре и планировке: виды храмов над озером, парк, расположение улиц, стиль зданий в районе центральной площади создают особый колорит и лицо города.

Город делится на центральную часть и микрорайоны (на местном наречии «городки»), которые в советские времена относились к во-

инским частям, расквартированным в Поставах. До сих пор эти микрорайоны так и называются — 1-й городок, 6-й городок и т.д. Центральная часть была построена во 2-й половине XXVIII века по проекту итальянского архитектора Дж.Сакко. Планировка частично сохранилась до сих пор.

«Городки» — стандартные военные поселения, ничем не отличающиеся от таких же в других местах. Не слишком новые и благоустроенные дома и дворы, но в отличие от обычных районов многоэтажек в малых городах, эти военные городки выглядят обжито. Наверное, сказывается многолетнее пребывание военных, которые создавали свой мирок.

Влияние военных в городе ощутимо во многом: люди в камуфляже, чисто русский говор горожан, специфическое оформление некоторых зданий, истребитель на въезде в город, номера «городков» вместо названий микрорайонов и т.д. Некоторые тротуары сделаны из плит, снятых со взлётной полосы ненужного теперь аэродрома.

Бросается в глаза немалое количество магазинов, магазинчиков, лавочек и кафе в центре города. Население — всего около 20 тысяч, а в городе 3 гостиницы (хотя и разного качества) и одна еще строится, есть ресторан, около 6 приличных кафе, из которых половина работают до 4 часов утра (по выходным, конечно). Есть, например, детское кафе с «живым уголком» (большой аквариум). Это кафе — действительно симпатичное заведение, рассчитанное на детей: и в ассортименте, и в интерьере, да и располагается рядом с парком.

Поставы — первый город, в котором нам встретилось кафе, открывающееся в 8 утра в субботу и воскресенье. У нас получилось даже позавтракать по-человечески: проснуться утром, пройтись по городу и выпить чашечку утреннего кофе в приличном заведении.

Ассортимент в магазинах также говорит о несколько ином уровне. В магазинчике, торгующем радиотехникой, в продаже жидкокристаллические телевизоры очень внушительных размеров. На вопрос, как часто покупают такие телевизоры, продавщица вполне сказала, что есть постоянный спрос. Магазин электронных музыкальных инструментов вообще представился нам инопланетным в мире малых городов.

В центре города в рабочие часы не сразу получается найти место для парковки. Это не потому, что парковочных мест мало — их как раз много, но машин ещё больше. Кстати, есть и недешёвые автомобили.

Внешний вид больницы (она же по вместительству Дворец Тызенгауза) вызывает только приятные чувства. Обычно расположение подобных учреждений в зданиях имеющих историческую ценность ни к чему хорошему не приводит. А здесь все выглядит вполне прилично и даже стильно: со вкусом и без излишних украшений оформлена территория и здания. Кафе, расположенное в подвальчике и рассчитанное в основном на больных и персонал больницы, составило бы честь (по крайней мере, по интерьеру) даже столице.

На берегу озера — недавно отремонтированный парк. В нем, пожалуй, больше всего чувствуется стандартность подхода к оформлению «мест отдыха» в малых городах и повальное увлечение малыми архитектурными формами, не блещущими вкусом и стилем. Но впечатление сглаживается чудным видом на озеро и сосны.

В целом это довольно обычный городок, без особого богатства и модернизации. Есть и довольно обветшалые дома, и заброшенные здания (особенно в городках), но все это остается фоном для тех впечатлений, которые вытекают из уже ставшего привычным в экспе-

дициях пейзажа.

Стоит отметить местный памятник Ленина. Этот памятник, находящийся на центральной площади, очень запоминающийся. Довольно брутальный вариант.

На улицах много молодёжи. Местный совет издал постановление, согласно которому запрещено распитие пива на улице. Все равно распивают, однако, но не поголовно и не часто. На центральной площади ближе к полуночи собирается ночная тусовка молодёжи на машинах. Не такая бурная и мощная, как в Глубоком, но что-то есть похожее.

Работа и заботы городских жителей

Даже в программе развития города, а значит на официальном уровне, признаются актуальными проблемы, связанные с последствиями вывода воинских формирований, ликвидации таможи, а также процессов сокращения производства в частности на одном из важнейших предприятий ЧУПП «Завод «Белит» и т.д.. Однако надо сказать, что Поставы, пожалуй, единственный город, где не только из отчетности, но и в разговорах и настроениях людей видно, что эти проблемы постепенно решаются.

Пустующие площади по-тихоньку осваиваются. В шестом городке в помещениях казарм находится ПМЦ — Поставский Мебельный Центр, претендующий даже на название градообразующего, но главное — прибыльный и активно развивающийся (основная продукция идет на экспорт). К слову, это частное предприятие. По словам его директора, прецедент передачи в частную собственность пустующих помещений Министерства обороны был осуществлен именно здесь. На нем, так сказать, запускалось и отработывалось первое законодательное оформление такого рода операций с недвижимостью.

Огромное помещение завода «Белит» отдано под крытый рынок, и там кипит жизнь. В бывшем Доме офицеров в 5-ом городке размещается Городской дом культуры. То здесь, то там видны строительные и ремонтные работы по освоению пустующих зданий. Хотя конечно их еще довольно много.

Несколько слов по поводу занятости населения. По крайней мере, несколько предприятий постоянно расширяют число рабочих мест. Довольно много предпринимателей. Ну и кредиты под агротуризм стимулируют трудовой энтузиазм.

Практически все, с кем мы встречались, говорили о том, что за последние 4-5 лет жизнь в Поставах существенно улучшилась. Пытаясь объяснить суть этих позитивных изменений горожане говорили, прежде всего, о чувстве стабильности и перспективности. И действительно, практически все, в той или иной мере рассказывали нам о своих достижениях и продвижениях за последние годы и о планах на будущее, даже наиболее скептические. Надо сказать, что улучшения и прогресс все жители связывают с деятельностью председателя исполкома.

Пожалуй, основная проблема, о которой говорят как о действительно трудно разрешимой — состояние ЖКХ. Центральная канализация не подведена к почти половине домов. Очистные сооружения молокозавода нуждаются в срочной реконструкции. Но и о ней как-то по-особенному говорят, по-хозяйски рассуждая.

Все это заставило внимательнее взглянуться в руководство города и в способы управления в нем.

Власть и управление

То, что все обстоятельства жизни малого города объясняются через апелляцию к власти (будь то персонифицированной, будь то

абстрактной) — это почти традиция в Беларуси. На вопрос о том, что же собственно такого хорошего делает местный председатель, мы получали не совсем стандартные ответы. Основная его заслуга, по мнению тех, с кем мы говорили — это способность организовать планомерную и эффективную работу «команды». Говорят, что основные руководящие кадры в городе — люди, имеющие большой опыт не только руководства, но и взаимодействия друг с другом. Эта такая группа «крепких хозяйственников», между которыми уже давно сложились производственно-товарищеские отношения. За счет этих отношений, доверия, компетентности и, само собой, взаимовыгодных связей им удается нормально решать возникающие вопросы.

Кроме непосредственной «команды» административных работников и руководителей госпредприятий/учреждений, есть в Поставах какое-то неформальное сообщество, состоящее из влиятельных людей, которые в свое время, как говорят, «вышли в люди». Это и те же руководители и администраторы, и весомые бизнесмены, и лидеры религиозных общин. Это такой круг людей, связанных личными отношениями и деловыми связями и, главное, чувствующих себя хозяевами этого города. Существование такого сообщества — это вообще-то не факт. Нигде оно не зафиксировано официально и состав его, наверное, не имеет четких границ. Но его наличие стало проявляться сквозь многие мелкие, но крайне примечательные детали. Сначала пастор, затем молодой и стремительно развивающийся бизнесмен, а потом более основательный и опытный предприниматель — все с какой-то необычной для малых городов гордостью рассказывали про свой вклад в город: один плитку положил, второй праздник устроил, третий детскую больницу помогает ремонтировать и т.д. Да еще и было такое ощущение, что они

соревнуются друг с другом во включенности в городские дела. А в довершении мы узнали про футбольное поле предпоследнего поколения, оборудованное владельцем ПМЦ специально для «выращивания» своей команды из ребятишек. Взрослая команда в городе уже есть, и тоже, как мы поняли, финансируется ПМЦ.

Еще одна примечательная деталь состояла в том, что все более или менее состоявшиеся люди хорошо разбирались во всякого рода административно-управленческих ходах и возможностях решения прошлых и будущих проблем. Сложилось впечатление, что такое рассудительно-хозяйственное отношение и сам способ говорить о проблемах, не могли возникнуть сами по себе, если бы эти проблемы и вопросы не были предметом постоянного обсуждения в некотором круте людей. Когда один из бизнесменов назвал в качестве главной проблемы ЖКХ, мы подумали, что сейчас услышим традиционные жалобы. Но он стал очень деловито делиться конкретными затруднениями, которые встанут перед тем, кто возьмется решать эту проблему. Причем, он не имеет непосредственного отношения к администрации и вроде бы не играет на себя роль председателя исполкома.

И если «простые люди» высказывали волнение по поводу скорого ухода с поста нынешнего председателя, то те из наших собеседников, кто по нашим догадкам, входит в это сообщество, проявляли твердую уверенность в том, что это обстоятельство не повредит городу. На самом деле, если действительное управление принадлежит не одному, пусть и очень талантливому руководителю, а сообществу, то и волноваться им нечего. Некоторые даже намекали на выгодность перехода теперешнего председателя в Палату представителей, поскольку это только повышает социальный капитал местного сообщества.

И еще одна стратегическая линия управления городом — это утилизация всякой «ненужной» активности. Практически всем более или менее оппозиционным элементам предлагаются условия и возможности потратить свою энергию в выгодных для них и безопасных для власти формах. Никого особо не давят. Наоборот, делают предложения, от которых невозможно отказаться. После нескольких лет в маргинальном положении и при отсутствии перспектив — эти предложения принимаются. Одному — приличную работу, другому — кредиты (не взирая на то, что официально безработный) для участков домов под агроусадыбы и т.д.. Вот и не остается времени на всякие глупости.

Наверное, поэтому наши поиски несогласных, обличителей, НГОшников и БНФактивистов не увенчались успехом. *«Раньше они были, а теперь подевались куда-то»*, — говорят горожане.

Из встречи с одним из оппозиционеров:

Сейчас у меня свой бизнес, 2 кредита нужно отдавать. Нет времени на шую деятельность. А! Вот есть в продаже отличный УАЗ. Практически новый, продается с военного склада, может знаете, кому нужен?

Церкви

Также как и все остальные влиятельные люди в городе, «главы» трех церквей довольно активно участвуют в жизни города и соответственно пытаются организовать жизнь своих общин. Им, между прочим, тоже присуще это стремление презентировать свое участие в жизни города. И если для протестантских церквей это довольно распространенная практика, хотя и не всегда успешная, то для католиков и особенно православной церкви, такое живое участие встречается реже. В Поставах оно налицо. Более того, там довольно активно налажено взаимодействие между общинами, не только в рамках нормальных отношений пастора, ксенд-

за и батюшки, но и в публичных действиях, акциях.

Например, православный и католический священники организовали совместные акции. На въездах в каждый из «городков» они ставили кресты и совместно освящали их.

В костеле ведется работа по активизации членов общины не только в религиозной жизни. Так, при нас ксендз проводил собрание по организации в «городках» встречи пилигримки, которая должна была состояться на *Дзяды*. Смысл в том, что маршрут пилигримки будет проходить через все городки и в них необходимо организовать встречу и обеспечение всем необходимым или просто приятным. Оказалось, что подобные инициативы активно стимулируются не только в отношении религиозных праздников, а и на любые события, имеющие или могущие иметь общегородское объединяющее значение.

Культурная жизнь, туризм и отдых

Инфраструктура отдыха имеет в Поставах традиционный ассортимент: есть музей, библиотека, дом ремесел, дом культуры, дискотека. Удивил, пожалуй, только цирковой коллектив. Такого мы кажется раньше не встречали. Работники культуры утверждают, что в кружки и коллективы ходят не только дети, но и взрослые, а изделия ремесленников даже покупают местные жители. Здесь мы впервые встретились с планами открыть продажу того, что производят в доме ремесел.

Есть местный ансамбль «Поозерье», диски которого продаются, между прочим, на городском рынке. Там нам с радостью и рассказали, и продали последний творческий продукт коллектива. Насколько диски пользуются спросом — не понятно, но их присутствие в коммерческих киосках и очень теплые отзывы горожан,

говорит о том, что они здесь действительно популярны и любимы.

Довольно разнообразная сеть мест, где можно посидеть и перекусить, которая пользуется спросом. И днем есть посетители, и вечером. В выходной попасть туда сложно. В одном из кафе есть даже небольшая библиотека. То есть можно поесть и книжку почитать. Правда, таких посетителей мы не видели.

Летними вечерами молодежь тусуется на улице и в парке, вокруг дискотеки.

Зато для приезжих в городе есть турбюро, которое, кажется, отделилось от отдела спорта и туризма и перешло на коммерческие хлеба на ниве развития туристического бизнеса. Турбюро на самом деле — это многопрофильная фирмочка, которая оказывает услуги по организации поездок и экскурсий, заодно праздников и при этом выполняет программу развития туризма в регионе. Эдакий три-в-одном. Профессиональных гидов в нем нет, с местными краеведами они особенно не контактируют. В общем, люди хорошие, и делают то, что умеют. Экскурсий в город приезжает много, на них бюро и рассчитано. Работа с ними напоминает конвейер. Появление «дикого» туриста — редкость, а просьба показать интересных людей, а не интересные дома, вообще поставила работников в тупик. Они много знали про предков, кое-что про архитектуру и слегка про историю. Но современность для них — терра инкогнита.

Дабы иметь свой фирменный турпродукт, в Поставах изобрели (или лучше сказать воскресили) мифического языческого персонажа Зюзю.

Зюзя Поозерский — это дух зимы, мороза и т.д., а также главная фишка местного турбюро. У него, как и у Деда Мороза, есть своя избушка, свита и прочие необходимое. Нам предложили побывать на празднике Зюзи. Толком было не

понятно, что за праздник летом, но мы согласились и на следующий день поехали в указанное место. На этом красивая часть истории заканчивается. Местом праздника был пионерлагерь с качелями и скульптурами. Бедных артистов было жаль: нагишом, в такую погоду. Аудитория — экскурсия из 20-30 работников «Полимира» и мы.

У нас хватило терпения только на Водяника, досмотреть представление до Зюзи не смогли. Через 20 минут после приезда мы сели в машину и уехали.

Гордостью культурной жизни Постав является фестиваль «Звіняць цымбалы і гармонік», который с 1996 года стал международным и по рассказам собирает очень много зрителей и гостей. Интересное отношение к этому фестивалю высказал местный бизнесмен: «Надо понимать важность для города таких праздников международного масштаба. Это место и возможность расширить контакты. Мало ли кто придет». Между прочим, по рассказам именно на этом фестивале в свое время владелец малого деревообрабатывающего цеха познакомился со своим будущим иностранным партнером, работа с которым привела к расцвету ПМЦ и превращению мелкого предпринимателя в «местного олигарха».

И еще одна удивившая нас особенность культурной жизни, тоже связана с отношением бизнесменов, это своеобразное меценатство. В Поставах есть один весьма уважаемый краевед и историк — Игорь Прокопович. Раньше здесь была довольно сильная историко-краеведческая группа, теперь же они скорее круг друзей и учеников, периодически поддерживающих контакты. У Прокоповича иногда выходят книги, а издает их молодой бизнесмен и ученик (в школе у него учился, там и проникся историей родного края).

Городские знаменитости

Кроме председателя самыми известными людьми в городе являются два бизнесмена, очень разные и по-своему выдающиеся.

Мимо Игаши в Поставах вообще пройти невозможно, даже если не спрашивать у местных жителей. Магазин дорогих и качественных музыкальных инструментов и табличка на доме, в котором он расположен, вряд ли могут остаться незамеченными. На табличке профиль и надпись: «Игаша жил, Игаша жив, Игаша будет жить Хорошо!», Игорь Алексеевич Захарченко оказался одновременно завзятым рокером, одним из первых, кто стал заниматься малым бизнесом (в далёких 90-х открыл видеосалон), а также единственным человеком, который очень скептически отзывался о Поставах.

Как и полагается культурному герою, история Игоря изобилует множеством впечатляющих событий, особенно он гордится встречами со знаменитыми исполнителями рока, духовными лицами и участием в рок-мероприятиях. Скепсис и негативное отношение к городу, похоже, также часть артистической натуры и результат высоких стандартов и требований к условиям самореализации этой натуры. В отличие от остальных бизнесменов, он очень настойчиво убеждал нас в том, что все, что он делает — это окружает себя таким интерьером и средой, где может чувствовать себя комфортно. Никакого отношения к вкладыванию в город это не имеет. Наверное, это на самом деле так. Но магазин то есть. И покупатели там бывают, хоть и редко. Да и местной музыкальной молодежи, которую он называет бесперспективной, поскольку родились и живут здесь, есть, где посмотреть на «крутого рокера».

Сейчас он достраивает агроусадьбу, которая фактически будет его «крепостью». Называется она «Rock on the Lake», расположена в 15 км от

Постав на берегу прекрасного озера, большая по площади и годится для проведения небольших концертов.

Второй известный бизнесмен — местный «олигарх». О нем не забыл упомянуть ни один человек, с которым мы говорили. Анатолий Михайлович Бабичев — директор Поставского мебельного центра (ПМЦ). Мало того, что это предприятие составляет гордость города, оно еще регулярно представляет республику на международных выставках.

Но главное все же в другом. Главное — это чувство хозяина. Бабичев откровенно гордится своим предприятием, своими людьми, своим

влиянием в городе. Он тоже окружает себя тем, что ему интересно и дорого. Сам любит футбол — путь в городе будет одно из лучших в республике футбольных полей и лучшая футбольная команда.

Чувствуется, что у него большие планы и все с очень дальним прицелом и по самому высшему стандарту: и производство расширить и гостиницу достроить, и детскую футбольную команду вырастить и специалистов для своего производства при местном училище подготовить. И все это в Поставках.

*Татьяна Водолажская,
Леонид Калинина*

Лепель

3-4 октября 2008 года

110

Общие сведения

Лепель впервые упоминается в письменных источниках в 1439 году. В 1852 году город получил свой герб — серебряный всадник на красном поле.

Сейчас Лепель — административный центр Лепельского района, расположен в южной части Витебской области, в 110 километрах от Витебска и 155 км. От Минска. Он лежит на трассе М3. Через него проходят автодороги Витебск-Минск, Орша-Полоцк, имеется железнодорожное сообщение. В городе проживают 18,8 тысяч человек. Предприятия: молочноконсервный комбинат,

хлебзавод, лесхоз, ПМК, льнозавод и др.

Из образовательных учреждений: 3 средние школы и одна гимназия, Государственный агротехнический колледж (бывший гидромелиоративный техникум), Государственный профессиональный лицей (бывший ПТУ 175), школа искусств и музыкальная школа.

Город-озеро

Внешне Лепель производит необычное впечатление, он как будто распластан по довольно большой территории и не имеет четко выраженных центра и окраин. И дело даже не в том, что он занимает непривычно большую территорию (17,4 кв.км). В нем нет традиционного для малого города скопления самых больших и по виду, и по значимости зданий, которые сразу и безошибочно определяются как «центр». Сами здания есть, но все они так расположены и построены, что не создают четких ориентиров и никак не структурируют пространство. Даже главная площадь — «безбашенная», все одина-

ково ровно и по высоте, и по выразительности. Что находится на центральной площади? Через несколько дней вспомнить довольно трудно. Разве что памятник Ленину, да и тот теряется в деревьях.

Кажется, что город находится между двумя типами застройки белорусских малых городов. Первый из этих типов представлен преимущественно старыми белорусскими городами (Ивье, Поставы, Глубокое), где уникальная старая архитектура образует центр, который становится узнаваемым лицом города. Другой тип — это малые города советской застройки, где лицо города — современные здания (чаще всего стандартные для всех малых городов), демонстрирующие поступь прогресса, социальное благоденствие и т.д., а местный архитектурный колорит сохраняется случайно, только по краям и в частном секторе.

Лепель — что-то среднее. Тут есть все: и внушительные современные здания, и несколько храмов, и район девятиэтажек и тихая привлекательность старых улиц. Но все это как-то беспорядочно разбросано по большой территории. И лицом *города* являются ... *Лепельские озера*. В силуэте города над озером ничто не задевает взгляда, он скользит ровно и спокойно как водная гладь.

Пожив в Лепеле несколько дней, понимаешь, что это неслучайное архитектурное стечение обстоятельств, а принцип жизни города.

Обычно ощущение жизни в городе создается, когда видишь много людей на улицах, машины, движение. В Лепеле улицы довольно пустынные (может оттого, что была не очень хорошая погода). Но ощущение жизни все же есть, его создает «нестерильность». Мы уже привыкли, что красота белорусских малых городов непременно связывается с чистотой. По крайней мере, центральную улицу (или улицы)

стараятся содержать в такой стерильности. А здесь не то чтобы был мусор. Нет, все довольно аккуратно, но при этом есть признаки, что здесь бывают люди. И это не на окраинных улицах, а в центре. Точнее в том месте, которое можно было бы считать центром в этом «децентрализованном» городе. Возможно, это бросилось в глаза именно потому, что людей на улицах было не так уж и много. Хотя традиционных «украшений» и здесь избежать не удалось: заборы идилических цветов, как пижонные с кремом, сайдинг как способ облагородить фасады и т.д.

Город встречает двумя придорожными гостиницами, вполне приличными и недешевыми. И это тоже как оказалось в последствии показательно — все что организует и задает жизнь в городе приходит извне, а жители города используют свое выгодное во всех отношениях положение.

«Выгодное положение»

Когда пытаешься разобраться с тем, как и вокруг чего организована жизнь и деятельность в городе, на ум приходят такие описания и объяснения, которые нередко используются для всей Беларуси. Речь идет о выгодном экономическом, геополитическом, климатическом и т.д. положении. Лепелю, можно сказать, повезло: он представляет интерес во многих отношениях, но, прежде всего, в природных (чудные места для отдыха), и еще он стоит на пересечении транспортных потоков. По крайней мере, эти две стороны выгодного положения наиболее наглядны.

Градообразующих предприятий нет. В качестве основного ресурса и ориентира для перспектив развития Лепеля рассматриваются природные ресурсы района (Лепельщины). Это заложено и в программе социального эко-

номического развития города, и в восприятии жителей самых разных социальных слоев: от административных управленцев до обывателей. В административно-управленческой отчетности отмечается, прежде всего, возможности добычи-переработки, а в обыденном размышлении и разговоре — образ рекреационного района. И действительно, самым привлекательным в городском ландшафте является озеро и парк над ним.

Промышленность представлена 8-ю предприятиями, на которых занято около 1300 человек (всего в экономике занято 8800). Это традиционные — молочно-консервный комбинат, хлебозавод, льнозавод, коопзаготпром, а также ремонтно-механический и электромеханический заводы и т.д. Все они находятся в состоянии «постепенного выхода из кризиса». Реально оценить перспективы такого выхода невозможно. Однако доля занятости в этих предприятиях говорит сама за себя. Есть еще строительные организации. Дополнительные рабочие места дает агротехнический колледж. Кроме того, довольно развит мелкий бизнес, в основном торговля, транспорт (пассажирские и грузоперевозки), услуги, автомастерские.

По этим показателям, за исключением развитости малого бизнеса, Лепель мало отличается от большинства не слишком благополучных малых городов. Но такому среднему состоянию не соответствует ни инфраструктура потребления, которую можно наблюдать, ни отношение жителей города к возможностям заработка. С одной стороны, лепельчане сетуют на сложности с устройством на хорошую работу, с другой стороны, на предприятиях есть вакантные должности, с заработной платой около 400 тысяч рублей.

В городе много магазинов (разного размера и вида собственности) с вполне приличным ассортиментом. Удивил центральный универмаг,

традиционно пустующий даже в самых развитых городах. Здесь все три этажа были заполнены товарами. Есть несколько точек, торгующих компьютерами (в других городах большинство таких точек работает через систему заказов, а здесь все выставлено, и можно даже в кредит купить). Активно продаются скутеры, которых в городе встречается едва ли не столько же, сколько машин. Есть ювелирный магазин, что для малых городов — редкость. Большое количество магазинов торгует отделочными и строительными материалами и техникой. В городе нет очевидного строительного или ремонтного бума, но все это кем-то востребовано.

Довольно много мест, где можно нормально поесть. Как оказалась, несколько центральных и наиболее посещаемых кафе-ресторанов находятся в государственной собственности. Причем выглядят они, по опыту других экспедиций, как частные: вполне приличный интерьер, еда и обслуживание, даже есть некоторый налет клубности-элитарности.

Местные жители считают город дорогим, хотя говорят об этом загадочно. Что именно дорого и почему — так и осталось непонятым. Ощущение дороговизны, видимо, образуется из-за присутствия в городе богатых, но не местных людей. Они здесь покупают дома и отдыхают, вкладывают средства в бизнес, а возможно и во что-то еще. Это столичные начальники, бизнесмены и иностранцы (россияне). Рассказывая о крупных бизнесменах, нам туманно намекали, что неизвестно, кто на самом деле хозяева, а кто подставные лица.

В общем, источник благополучия находится где-то вне города, а его жители пользуются счастливым стечением обстоятельств. Причем, как показалось, и местные власти тоже относятся к тем, кто пользуется положением, но не создает его.

Культурная жизнь

Постепенно углубляясь в жизнь города, мы открывали все больше потенциально интересных для нас людей и точек активности. Обнаружился клуб интеллектуальных игр, театр, клуб краеведов, литературный клуб, агротуризм, основанный на восстановлении традиций края и т.д. Все это свидетельствовало о насыщенной культурной жизни города. И оказалось, что все это живет. Хотя формы этой жизни дают повод для размышления.

Все они демонстрируют ограниченность представлений о возможных путях реализации таланта и энергии и об организации культурной среды. И таланты, и люди, готовые действовать, есть. Но все они втиснуты в какие-то «убогие» формы реализации всего этого. Причем втиснуты, не столько внешними силами, сколько собственными представлениями, привычками и нормами.

Красочный пример — поэтиско-литературный клуб «Выток». Сейчас он объединяет около 30 человек самых разных возрастов и занятий. Существует он при доме культуры и по меркам обычных кружков демонстрирует неформальное и неформатное отношение. Но это только по сравнению с добровольно принудительными кружками. Даже при наличии очень живого творческого начала, оно оформляется в привычные вечера встреч в духе культурно-массовых мероприятий. На самих встречах нам побывать не удалось, но прочтение нескольких сценариев навяло грусть. С одной стороны, есть понимание, что для развития литературного таланта нужна определенная среда, которая предполагает публичность, признание и конкурентность. С другой стороны, организация этой среды сталкивается с образованием и подготовкой работников культурно-массового сектора, в которых рождалась как раз иная задача — реали-

зация человеческой энергии. Причем, что самое печальное, сами культмассовые работники не осознают этих различий и искренне и полной отдачей реализуют все лучшее, что освоили.

Ту же скромность в представлениях о культуре мы встретили и в отделе этой самой культуры в исполкоме. Надо сказать, что ехали мы с предложением для города. Лепельский край — это край очень значимый в отношении возрождения дударского музыкального наследия. Там еще встречаются люди, которые помнят дуды как элемент жизни — у кого-то родственники играли, у кого-то знакомые мастерили. Мы везли идею дударского феста. Везли вместе с Тодаром Кошкучевичем, как одним из инициаторов возрождения дударства в Беларуси. Для нас, кроме самого возрождения, было важно, что такого рода событие поможет горожанам осознать уникальность своего города и даст импульс к совместной работе по ее культивированию. И конечно мы не могли обойти отдел культуры, где, в свою очередь, тоже высказали заинтересованность. Но в ходе разговора становилось все более понятно, что у тех, кто поставлен, чтобы прививать вкус, нести нормы и высокие стандарты, на самом деле, более скромные задачи. Поэтому аутентичность и глубина показались им излишне сложными для освоения местными жителями и малопривлекательными в смысле массового увеселительного мероприятия. Как будут развиваться наши отношения, покажет время, но пока мы оказались не очень убедительны в своем предложении эксклюзивного культурного продукта. Отдел молодежи, примкнувший к обсуждению возможного мероприятия, кроме всего обеспокоился содержательной подоплекой столь экзотического слоя культуры и его совместимостью с государственной идеологией. Получив успокаивающий ответ, сохранил бдительность.

На этом фоне особенно примечательно, что одной из первых проблем, которые называют горожане является содержательная и культурная пустота, для восполнения которой ищутся возможности вне города. Минск не далеко, а уровень жизни вполне позволяет поехать туда на концерт, в театр или на встречу с тем, кто тебе интересен.

И тем не менее, именно в Лепеле у меня было ощущение богатого потенциала, «хорошо удобренной» почвы для культурного развития. Этот потенциал поддерживает абсолютно самостоятельный кружок краеведов, которые тихо сами себе что-то ищут, находят, обсуждают. Это проявляется и в библиотеке, в которой есть следы (а не только отчетность) посещаемости. Эта благодатная почва складывалась здесь сама. Но пока никто не видит в ней того, что может сделать этот город особенным среди малых городов. Мы не встретили таких людей, которые, хотя бы в мечтах и проектах видели себя субъектами развития города.

Кто в доме хозяин?

В городе недавно создан Совет по устойчивому развитию Лепеля, который включает в себя наиболее потенциально влиятельных людей. Вполне оптимистический факт, тем более что собран он, так сказать, по инициативе снизу, хотя конечно не без разрешения и включения местной власти и не без идей со стороны. Это одна из линий разворачивания и реализации стратегии устойчивого развития для Беларуси. Принципы организации такого совета и включения в него людей — уже отработаны и даже обоснованы. Хотя это обоснование апеллирует к иным, чем в Беларуси условиям: и к институциональным, и к культурным. Это «небольшое» расхождение, впоследствии серьезно сказывается на возможностях и успехах работы таких советов.

Судя по разговорам с этими потенциально влиятельными людьми, они слабо представляют, что именно они могут сделать все вместе и каждый по отдельности. То есть общая задумка воспринимается крайне позитивно, но для ее реализации кроме факта создания совета необходимо еще много чего и в первую очередь — наличие чувства хозяина в городе. А даже те, кто входят в совет не живут городом. Они конечно же понимают проблемы, переживают, но не находят соразмерять себя, свою деятельность с этими проблемами. Поэтому и перспективы своей работы оценивают крайне слабо. Пастор соглашается, что в городе нечем жить. Православный священник сетует на слабую помощь государства церкви и ждет, когда будут приняты соответствующие законодательные документы, чтоб можно было действительно оказывать влияние. Председатель совета пока находится под впечатлением идей устойчивого развития (местной повестки 21), но как это преломляется в конкретном городе — непонятно. Пока все замыкается на агитации и распространении информации про экологичное и бережное отношение. Поэтому существование совета пока ритуально-виртуальное. Хотя все, с кем мы разговаривали, ссылаются на его молодость и надеются на улучшение.

Похоже, что общая жизненная стратегия горожан (от власти до простого обывателя) противоположна стремлению и амбициям быть хозяином. Если попытаться охарактеризовать эту стратегию, то состоит она в эффективном использовании обстоятельств и поиске возможностей реализации своих задумок в имеющихся условиях. Так, например, создатель интеллектуального клуба очень долго искал возможности для самореализации, и наконец нашел. Теперь, ловко лавируя между личными и рабочими потребностями местных властей, он может делать

то, что считает нужным. И самому приятно, и для исполкома отчетность, почет и уважение. Немного по-иному, но похоже развивается в Лепеле агротуризм с этнокультурным уклоном: для себя, автономно, так чтоб ни от кого не зависеть. И это может быть единственная возможность и вполне адекватная реакция на окружающий мир. Только к городу это никакого отношения, к сожалению, не имеет. Он — всего лишь место и ресурс, который можно и нужно использовать.

Жизнь и развитие в городе обусловлено внешними по отношению к нему процессами, сам Лепель выступает выгодным предметом торговли, конкуренции или борьбы. Лепельчане же не имеют к этому непосредственного отношения, но пользуются этим положением. Непонятно только, насколько сознательно. При этом гарантией успеха является невмешательство в решение вопросов на уровне города, где действуют другие силы и субъекты.

Такой принцип был типичен в советское время для городов, где основные инвестиции в городское хозяйство и инфраструктуру текли

за счет размещения военных гарнизонов или предприятий (филиалов) республиканского значения.

В ходе экспедиций мы были свидетелями того, что становилось с такими городами, когда их источник благополучия исчезал, а сам город оставался абсолютно беспомощным. Некоторые из таких городов постепенно смогли встать на ноги, хотя и после долгого периода депрессии, а некоторые не справились с новыми обстоятельствами.

Лепель, похоже, представляет собой современный вариант реализации такой же схемы внешнего субъекта развития. Что именно является таким привлекательным в этом городе, можно только догадываться. Наверняка здесь немалое значение имеет и природный и административно-географический аспекты. Впрочем, разбираться с этим не входило в нашу задачу. Важно зафиксировать такой тип стратегии развития города, а также формирующийся в связи с эти образ жизни, мышления и поведения.

Татьяна Водолажская

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

116

За время проведения исследования малых городов Беларуси в 2007-2008 годах собрано огромное количество разного рода наблюдений, зафиксированных в отчетах, описаниях конкретных случаев, опыте участников экспедиций. Еще до начала поездок исследовательская группа сознательно отказалась от использования готовых объяснительных конструкций и теоретических построений, ориентируясь лишь на общую методологическую рамку исследования действием. Теперь мы сталкиваемся с проблемой обобщения и первичной интерпретации всего этого разнообразия фактов. Т.е. возникает задача исследования собранного материала. Необходимо не только получить набор генерализованных («вытащенных» из непосредственных наблюдений) суждений о жизни в малых городах, но и определить рамки, в которых эти суждения могут быть отнесены к реальности городской жизни.

Большинство наблюдений получены в конкретных условиях определенных городов или в рамках вполне определенной деятельности (фестиваль в Мстиславле или

презентация книг в Глубоком), этими условиями и рамками они и ограничены и не могут быть прямо распространены на другие случаи. Общие утверждения о жизни в малых городах, полученные в ходе группирования сходных наблюдений, также не представляют собой строго научных обобщений. Скорее это фиксация неких наблюдаемых тенденций (например, если отмечается повсеместное отсутствие мест для культурного семейного отдыха), или формулирование гипотез (например, предположение о коммуникативном разрыве возрастных поколений в малых городах), или построение моделей (например, модель управления городом). И то, и другое, и третье подлежит дополнительной проверке в дальнейших исследованиях, где могут быть найдены факты, опровергающие или подтверждающие выводы, сделанные исследовательской группой. Тем не менее, несмотря на такой достаточно шаткий фундамент, мы надеемся, что наши предварительные теоретические конструкции послужат рабочими лесами для построения более строгих научных представлений о городах Беларуси.

МАЛЫЕ ГОРОДА: WHO GOVERNS?¹⁴

КТО ПРАВИТ?¹⁵

В расхожих представлениях о власти и управлении в Беларуси всегда существует образ жесткой вертикали исполнительной власти, реализующей железную волю президента страны. Местная власть (председатель районного или городского исполнительного комитета, председатель местного совета), в таком случае, — это просто низовое звено этой формальной иерархии, функция которого сводится к простому исполнению указаний вышестоящего звена. При всей, казалось бы, очевидности этой модели в реальности малых городов Беларуси это выглядит не всегда так. Сомневаться в ее существовании заставляет несколько фактов. Во-первых, существует большое разнообразие в организации жизни малых городов. Даже города со сравнимыми социально-экономическими показателями могут иметь значительные расхождения в уровне и качестве жизни. Во-вторых, так или иначе, должны существовать неформальные отношения, которые будут накладывать свой отпечаток на способы реализации власти в

малых городах. В-третьих, всегда возможны отклонения (девиации) от предполагаемой единообразной формы управления. В-четвертых, объективные различия малых городов будут требовать трансформации способов реализации власти и управления под конкретные условия того или иного города. Как мы покажем далее, есть достаточно веские основания утверждать о наличии разных моделей реализации власти и управления в малых городах. Построим наши рассуждения так, чтобы ответить сразу на несколько вопросов, уже заложенных в основной вопрос о правлении:

1. Кто участвует во власти и управлении? Т.е. какие группы обладают влиянием на реализацию местной власти, откуда (из каких групп) происходит рекрутирование людей, занимающих властные позиции, кто может влиять на назначения и персональный состав местной власти и т.д.?
2. Что является объектом управления? На что распространяется власть, и чем собственно управляют?
3. Как происходит реализация власти? Каковы способы и механизмы управления?

¹⁴ Статья впервые опубликована в «Палітычная сфера», №11, 2009.

¹⁵ Заимствуем этот вопрос — who governs? — у американского политолога Роберта Даля, занимавшегося в 60-х годах изучением власти и управления в американском городе Нью-Хейвен.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С конца XVIII века власть в белорусских городах не принадлежала городскому сообществу, а городская администрация всегда была и, в большей части, остается по сей день чем-то чужим, внешним для жителей города. После «*невядомай вайны*» 1654-67 годов (по Г. Сагановичу), когда московскими завоевателями было уничтожено более 50% населения ВКЛ, города заполнились евреями. Литвины предпочитали в то время переселяться в сельскую местность, где поселенцы освобождались от налогов, евреи же преимущественно оставались в городах, т.к. не могли владеть землей на правах собственности. К XIX веку с введением царскими властями черты оседлости, количество еврейского населения в городах растет еще больше, достигая 50-80%. Таким образом, этнически население городов становится преимущественно еврейским, тогда как администрация чаще всего была польской (полонизированной) или русской (с конца 18 века). К этническому разрыву между властью города и его населением добавляется ликвидация Магдебургского права и местного самоуправления (с 1785 года). В 20 веке этот разрыв усугубляется. Имперский принцип назначения руководителей, заимствованный потом советской властью, не предполагал назначения руководителей из местных жителей. Поэтому даже несмотря на этническую гомогенность (после Второй мировой войны и в управлении и в составе населения городов доминируют беларусы)

администрация городов преимущественно так и оставалась чужой для местного населения.

Длительное историческое отсутствие легальных механизмов влияния жителей городов на уровень принятия решений привело к закреплению таких отношений власти и населения, при которых отчуждение населения от власти видится как нормальное и естественное положение вещей¹⁶. Население Беларуси не воспринимает самих себя как источник власти в собственном городе. И если на национальном уровне, уровне страны это еще принимается как идеологическая и риторическая установка, то в местах непосредственного проживания это отсутствует даже в куцых формах. Сама возможность существования некоего общественного управления и самоуправления для массы рядовых граждан воспринимается как революционная идея. Попытка создания общественного фокуса управления событием городского масштаба (фестиваль средневековой культуры) в городе Мстиславль закончилась полным провалом, причем не по причине сопротивления местной власти, а из-за полного непонимания смысла и назначения такого элемента управления.

Реализация власти в городе связывается жителями с формальными властными постами в государственной системе. В городе, с их точки зрения, правит председатель исполкома, мэр, начальники отделов исполнительного комитета, начальник милиции и т.п. Реализация той или иной городской политики (например, стимулирование или подавление деловой

¹⁶ См. также Мацкевич В., Водолажская Т. Становление и развитие сообществ. Минск, 2008.

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

активности) связывается с действиями, решениями, личной ангажированностью или инициативностью лиц, занимающих эти формальные позиции. При исходной отчужденности населения от власти и отсутствию у него законодательно закрепленных и реально осуществимых механизмов влияния и контроля властей, дело, видимо, так и обстоит. Власть и управление в городе реализуется именно из формальных административных позиций. Причем конкретная конфигурация этих позиций (входит или не входит, например, районный прокурор в систему распределения власти) в каждом случае может определяться по-разному, в зависимости от институциональных особенностей, распределением производства, и, даже личных качеств людей, занимающих те или иные должности.

Однако реализация власти и управления из формальных позиций все же не предполагает, что именно те, кто занимает эти позиции, действительно правят в городе. Их власть значительна, но далеко не абсолютна. Более правильно было бы говорить о том, что в городе правят такие группы или структуры, которые контролируют (имеют влияние на) персональное наполнение ключевых позиций в городских администрациях. Собственно, разница в том, кто же есть в конкретном городе, и задает разные модели властно-управленческих отношений в белорусских городах. Используемая методология исследования (2-3 дневные экспедиции и выборочные целенаправленные действия) не позволяет с достаточной степенью надежности выделить эти группы/структуры. Но построить некоторые предварительные гипотезы возможно.

ГРУППЫ И СТРУКТУРЫ ВЛИЯНИЯ

В восприятии местных жителей, особенно тех, кто занимает относительно активную позицию, у власти могут находиться «свои» или «чужие». «Свои» — это как правило, выходцы из города или района, т.е. люди, личная история которых знакома местным жителям. «Чужие» — преимущественно те, кто является выходцем из другой местности и не знаком горожанам. Особенно остро это чувствуется в тех городах, где существует особого рода локальный патриотизм (Гуров, Давид-Городок). В таких случаях при характеристике местных властей специально подчеркивается, что тот или иной представитель власти наш «туравец», «гарадоцки» или же «присланный».

В отношении групп и структур влияния тоже можно применить этот способ условного их разделения на «своих» и «чужих». Тогда «свои» — это такие группы и структуры, которые связаны своим происхождением и личной историей с тем городом, в котором они реализуют свои властные устремления. «Чужие» — это внешние для города и его жителей группы и структуры, влияющие, тем не менее, на реализацию власти в этом городе. Так или иначе, поскольку власть и управление не есть закрытая система, всегда существует некая комбинация влияния «своих» и «чужих». Поэтому мы говорим скорее о доминировании, чем об абсолютном господстве этих групп.

«ЧУЖИЕ»

Для различных городов существуют различные группы и структуры, реализующие

внешнее влияние на власть в городе. Рассмотрим несколько наиболее типичных вариантов.

(1) *Правление формальной структуры.*

Власть в городе фактически принадлежит вышестоящим государственным структурам, районного или областного уровня (для городов областного подчинения). Местные городские власти выполняют лишь их установки, проявляя минимум собственной инициативы. Классический пример такой модели реализации власти и управления демонстрирует г. Туров и, в меньшей степени, Давид-Городок. Власть в Турове фактически принадлежит вышестоящей районной администрации (г. Житковичи), которая пресекает любые попытки независимой активности туровских групп. В городе не возможно провести значимые решения, минуя уровень районной администрации. В случае же не соблюдения данного правила, «нарушители» наказываются (см. случай создания крипты, случай главного главврача туровской больницы Ирины Сергейчик, случай рассмотрения вопроса о строительстве храма, случай «туровского семинара»). В похожем положении, видимо, находятся и районные власти г. Мстиславль по отношению к областному могилевскому начальству. По меньшей мере, очевидно, что местная власть в Мстиславле в гораздо меньшей степени заинтересована в реализации некой осмысленной политики развития города, чем в сохранении статус-кво и выполнении прогнозных статистических показателей.

(2) *Корпоративные структуры.* В части городов власть в значительной степени контролируется внешними корпоративными структурами: военными, силовыми, производственными, властными группами в центральном аппарате управления. Смена руководства зависит от воли этих корпоративных структур, а местные власти в очень слабой степени способны принимать самостоятельные решения. Часто господство внешних корпораций обусловлено сравнительно недавней историей города. Типичные примеры этого рода демонстрируют Чаусы и Щучин. В Чаусах сильное влияние корпорации военных обусловлено наличием еще с советских времен в городе крупных воинских (танковых) частей. Необходимость обеспечения специального режима (секретности, безопасности и т.д.), вызванного наличием стратегических военных объектов, естественно требует согласования решений местных властей с командованием воинских частей или их начальством. Точно также как и назначение-смещение районного начальства будет по необходимости согласовываться со структурами Министерства обороны.

Сходная ситуация наблюдается в г. Щучине, где традиционно сильны позиции правоохранительных органов и секретных служб. Это связано с размещением в окрестностях города до конца 1990-х стратегической авиации. До какой степени в Щучине распространяется влияние силовых структур, сказать сложно, но следы

¹⁷ И во время экспедиции в г. Щучин, и после экспедиции, её участники столкнулись с пристальным вниманием спецслужб: попытки ограничений в действиях исследовательской группы (не все было можно фотографировать), специально организованная встреча с сотрудником идеологического отдела, предупреждение сотрудников Института социологии НАН Беларуси о «нежелательном» поведении. Особых негативных последствий это не имело, однако в других экспедициях ничего подобного не встречалось.

существования «особого режима» ощущаются¹⁷. Еще один пример такого рода — г. Лепель, озерная зона с прекрасной экологией, где с советского времени размещается традиционная зона отдыха для высокопоставленных военных. Местные жители утверждают, что власть (а также собственность и местный бизнес) в городе находится под контролем отнюдь не местной администрации, а неких «минских» или даже «московских» структур (от военных до администрации Президента).

Подобным внешним характером влияния на управления могут обладать и крупные производственные структуры. К примерам такого рода следует отнести г. Каменец, районный центр, который расположен по близости с Национальным парком «Белавежская пушча». Администрация пушчи, расположенная в г.п. Каменюки, стремится добиваться реализации своих интересов без учета интересов районного центра. Например, новая дорога в Национальный парк была построена в обход г. Каменец, поскольку посещение музея (Белой вежи) в Каменце удорожает стоимость всего туристического маршрута, а это не выгодно администрации парка. Очевидно, что существуют довольно сложные Каменец-Каменюкские отношения, что отражается в настроениях жителей Каменца по поводу Каменюк.

Доминирование «чужих» предполагает, что в городе в первую очередь реализуются именно их интересы, интересы же местных групп и местной власти либо игнорируются, либо реализуются во вторую очередь. Это очень хорошо заметно по характеру управления в городе: на что обращается больше внимания, а на что меньше, на

сколько свободно чувствует себя и насколько развит местный бизнес и т.д. Например, репрессивная политика в отношении местного бизнеса в Мстиславле не может быть выгодной самому городу, точно также как изъятие и так мизерных туристических доходов в районный бюджет делается не в интересах Турова.

«СВОИ»

В ряде городов, на формирование и реализацию власти оказывают значимое влияние группы, которые можно условно отнести к «своим». Типологически это могут быть очень разные группы. Выявлено по меньшей мере три типа таких групп: кланы или семьи (г. Глубокое); квази-сообщество «выбившихся в люди» (г. Поставы); церковная община (д. Олышаны). Основные позиции в формальной структуре местной власти (от районного исполнительного комитета до суда, милиции, представительства банков) в Глубоком контролируются несколькими (двумя-тремя) семьями. Распространены случаи, когда на разных ответственных постах, в том числе и в одной структуре, работают родственники. По-видимому, назначение и смещение местного руководства находится под их сильным влиянием. Маловероятно, что существует очевидный сговор между семьями или их главами. Скорее существует молчаливое понимание общности интересов и работает система оказания взаимных услуг.

Помимо контроля административных постов «кланы» заинтересованы в ведении бизнеса, что в системе перекрестного контроля бизнеса со стороны разных ведомств еще более делает семьи и кланы

взаимозависимыми. В Глубоком вообще существует сильная коммерциализация власти и управления, что отражается не только в существовании коррупции, но в особом использовании чисто коррупционных «откатов» для мобилизации ресурсов для решения вопросов городского хозяйства. Например, успешному бизнесмену намекают на необходимость профинансировать ремонт коммунального объекта, за что он получает («покупает») некоторую долю свободы.

Несколько иная модель властных отношений сложилась в г. Поставы, который во многих отношениях представляет собой уникальное для Беларуси явление. Поставы, пожалуй, наиболее развитый город, среди тех 18-ти городов, которые попали во внимание исследовательской группы. Наиболее распространенный ответ о причинах такого положения вещей заключается в том, что «у нас в Поставах очень хороший председатель», которого в городе действительно ценят и уважают, называют по имени-отчеству. Однако сомнительно, что такой уровень развития был бы возможен только за счет личных качеств одного человека, тем более при довольно скудных ресурсах (и властных, и финансовых) любых местных властей в Беларуси.

Действительно, с одной стороны, успехи в развитии города часто объясняются особыми отношениями, которые сложились между людьми, работающими в администрации города («командой» в местной власти). Эти отношения сложились в ходе долгих рабочих взаимодействий. Работа (или проходя воинскую службу: Поставы —

бывший военный город) в разное время на разных управленческих должностях в районе, все они уже давно знали друг друга как хороших специалистов в своих областях, часто в прошлом находились в отношениях руководства-подчинения либо делового сотрудничества. Теперь, хорошо зная друг друга, они способны эффективно решать вопросы управления районом и городом. С другой стороны, более внимательное отношение, позволяет выявить в городе интересную группу «влиятельных людей», по крайней мере, таких, которые считают себя влиятельными. Вообще, это тоже уникальный феномен, поскольку ни в каком другом городе не приходилось встречать таких жителей, которые, не занимая никаких формальных постов, могли бы говорить о собственном влиянии на жизнь города. В большинстве случаев это представители «местного» бизнеса¹⁸, хотя не только они. Часто это люди того же поколения и сходной карьерной траектории, часто из бывших военных. Ближе всего эту группу можно охарактеризовать в расхожих выражениях как тех, кто «выбился в люди», т.е. достиг определенного положения в обществе и определенной степени независимости. Для многих из них важно, что, достигнув такого положения, они «могут сделать что-то для города». Некоторые имеют обширные связи и контакты на национальном уровне (в правительстве, в Министерствах).

Можно предполагать, что эта группа имеет значительное влияние в городе, в том числе и на назначение на должности в местной администрации. Сложно судить до какой степени интегрирована эта группа, но

¹⁸ Здесь мы берем слово «местный» в кавычки потому, что большинство из них ведут бизнес и владеют предприятиями не только в Поставах, но России, Польше, либо их бизнес в большей степени ориентирован на экспорт за пределы страны.

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

косвенные сведения позволяют предполагать существование хотя бы некоего ядра — людей периодически встречающихся и разговаривающих и проблемах города.

Практически все претендующие на влияние люди в своих суждениях о проблемах города и перспективах его развития не просто давали привычные и банальные ответы, но старались рассуждать и размышлять об актуальных вопросах, иногда довольно схожим образом. Вряд ли эта привычка к рассуждениям могла сложиться при отсутствии более-менее регулярного общения между ними.

Случай деревни Ольшаны дает другой пример властного влияния внутренних групп на жизнь города. Более половины 7,5-тысячного населения деревни принадлежит к общине христиан-пятидесятников.

Большинство жителей деревни ведут сельскохозяйственный (выращивание и продажа огурцов) или сопутствующий (перевозка и оптовая продажа огурцов) бизнес. Среди христиан распространен схожий образ жизни: большие семьи, строгая мораль, запрет на курение и употребление алкоголя. Корпоративная солидарность жителей деревни позволяет им эффективно лоббировать свои интересы. Например, строительство «неположенной по статусу» автозаправки. Церковь имеет сильное влияние, но стремиться не выходить на политический уровень, тем не менее маловероятно, что в существующих условиях в Ольшанах можно провести решения прямо противоречащие интересам общины.

Во всех трех случаях правления «своих» наблюдается позитивная динамика развития поселения: интенсивная деловая активность, широкое частное строительство (в меньшей степени в Поставах), сравнительно более

высокая степень и эстетика благоустройства (за исключением Ольшан), более оптимистичные настроения среди жителей. Тем не менее, нельзя с достаточной степенью уверенности говорить о том, что такое развитие будет продолжаться в том же направлении. Для всех указанных примеров существует два сценария развития. Возможно либо перерастание в некое местное прото-сообщество, которое берет на себя ответственность за развитие города, либо, в негативном варианте, существует опасность превращения этих групп в подобие мафиозных кланов. И чем дольше будет отсутствовать возможность легализации этих в большой степени скрытых форм влияния, тем в большей степени вероятен второй вариант.

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Местная власть управляет городом при помощи системы индикаторов. Система социальных стандартов, экономических показателей, показателей развития (вместе — индикаторов) для малых городов Беларуси предусмотрена нормативными документами национального уровня (Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений на 2007—2010 годы, Система государственных социальных стандартов по обслуживанию населения и др.) и планами социально-экономического развития конкретных городов, принимаемыми на 5 лет. Помимо таких официальных индикаторов существует дополнительная система индикаторов «безпроблемности» города: уровень нежелательной социально-экономической

активности, уровень жалоб населения на неправомерные действия государственных чиновников, уровень преступности и т.п. Совокупность всех индикаторов покрывает видимое поле допустимой и не допустимой (запрещенной) активности в городе. Любая другая активность, не вписывающаяся в систему отслеживаемых индикаторов, как бы выпадает из поля зрения. Причем именно «как бы», т.к. обычно отрицается наличие «чего-то такого» в городе (нет оппозиции, нет неформальной жизни и т.д.), но, тем не менее, когда это все же есть, то управление сводится к подавлению иного. По умолчанию такая активность является нежелательной и находится под неофициальным запретом, в соответствии с общим принципом реально существующего правового регулирования «запрещено все, что прямо не разрешено». Именно в таком смысле можно говорить о том, что покрываемая системой индикаторов деятельность и является объектом воздействия для местных властей. В сущности это то, чем они управляют. Все остальное репрессировано с большей или меньшей долей энтузиазма или приводится к системе установленных показателей: неформальная активность должна быть приведена к формальной, например, кружковой при школах, домах детского творчества и домах культуры.

Особенно это характерно для городов, где во власти и управлении доминирует формальная структура. Местные государственные структуры здесь управляют лишь штатными прогнозными показателями, остальное их мало волнует. Любые новые, не стандартные ситуации и предложения деятельности являются нежелательными, рискованными. Хотя при ощущении значительной выгоды и при низких затратах,

небольшой степени угрозы нарушения по установленным индикаторам, власти могут пойти на такие рискованные предприятия. Первый фестиваль в Мстиславле (в 2007 году), предложенный местным властям, был поначалу воспринят очень настороженно. Однако, в следующем, 2008 году, когда он был включен в программу развития туризма района, это уже не вызывало никакой настороженности. Исполком лишь искал способы минимизации своих затрат и контроля нежелательной активности населения.

Тогда каким образом в ряде городов удается добиваться реализации интересов, которые выходят за рамки сетки индикаторов? Предположительно работает следующая модель. Существует прямо запрещенная деятельность и существует деятельность, выраженная в индикаторах, между ними существует пространство не запрещенной, но и не разрешенной деятельности, «закор». В управлении пространством «закора» и состоит искусство управления в малых городах. В Глубоком и Поставах местный малый и средний бизнес фактически покупает себе либеральный режим, оказывая бесплатные услуги в пользу администрации города. Формально все находится в рамках закона — бизнес оказывает добровольную помощь. Местная власть лишь регулирует «закор», оставляя возможность купить незапрещенную, но и неразрешенную часть свободы. И те и другие получают свою выгоду. Точно также, регулируя «закор», можно запрещать и подавлять общественно-политическую активность, выгонять активистов с работы, доводить до маргинального состояния. А можно направить их «избыточную» активность в приемлемое русло, в сельский

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

туризм или на реализацию общественно-культурных проектов.

Сведение всего к системе индикаторов создает определенное напряжение в системе деятельности. Люди не находят себе места в сложившейся структуре либо, чувствуя себя нереализованными, они становятся «лишними». Подавляемая «нежелательная активность» стремится найти себе выход. Это может выражаться в миграции активных людей за пределы города, в росте депрессивных настроений в среде потенциально активных людей, а также в поиске таких форм деятельности, которые обеспечивают хотя бы некоторую долю независимости. Чаще всего такими формами становится бизнес, творчество, а последнее время сельский туризм. Правильное регулирование «засора», открытие возможностей, свободного пространства для выхода активности может стать хорошим инструментом развития в руках местных администраций и заинтересованных в нем локальных властных групп «своих». Чем больше независимость администраций от внешнего влияния, т.е. чем сильнее влияние «своих», тем в большей степени есть возможность для позитивной динамики городского развития.

Андрей Егоров

РЕАЛИЗАЦИЯ И УТИЛИЗАЦИЯ АКТИВНОСТИ ГОРОЖАН

Когда в очередной раз кому-нибудь приходилось объяснять, зачем мы ездим в малые города, что мы там делаем и на что обращаем внимание, мы говорили, что ищем в городе жизнь, что-то живое. Этот лаконичный

ответ удовлетворял обычно только тех, кто спрашивал из вежливости или для соблюдения формальности. Что такое «жизнь» и как отличить «живое» от «неживого» — это вопросы, на которые мы сами пытались искать ответы, уточняли и развивали свое понимание в каждой из экспедиций. Тем не менее, с самого начала было понятно, что «жизнь» в городе связана с активностью людей. Но не со всякой активностью. Постепенно выкристаллизовывая свое понимание и критерии (люди, хотящие странного, люди с проблемами и т.д.), мы поняли, что ищем **активных горожан**. Именно горожан, то есть тех, чья энергия и активность делает то или иное поселение городом — особым пространством со своим устройством жизни и отношений между людьми.

Казалось бы, такая простая характеристика города как «единство непохожих» сразу же задает огромный спектр условий и критериев, которым должно соответствовать поселение, претендующее на то, чтобы называться городом. Город как особый способ обустройства совместной жизни ориентирован на то, чтобы эта непохожесть не исчезала и не растворялась, а культивировалась. И «жизнь» в городе чувствуется только тогда, когда в нем можно встретить совершенно разные образы жизни.

Разнообразие это не связано с реестром профессий и социальных позиций, которые предоставлены для заполнения производственной и управленческой структурой или социальной инфраструктурой. Оно **избыточно** по отношению и к производству, и к управлению и всем прочим функциональным задачам. Разнообразие образов жизни, которое культивируется городом, связано с

проявлением индивидуальности, с самоактуализацией, с развитием человеческого в человеке¹⁹. При этом крайне важна публичность и предьявленность этого разнообразия в городской жизни. Город культивирует разные образы жизни за счет того, что предоставляет им возможность включения в управление городом, в решение вопросов его будущего и т.д.

Безусловно, живя в Беларуси и разбираясь с историей социальных, культурных и политических трансформаций в нашем обществе²⁰, мы понимали, что белорусские города очень далеки от реализации собственно городского устройства. Именно поэтому нам было важно найти проявления **активности горожан** и попытаться разобраться с тем, в каких формах она существует, каковы ее возможности и потенциал, а также угрозы и проблемы, где и в каком виде возможно культивирование.

Не претендуя на широкие обобщения, попробуем представить все встретившиеся нам случаи проявления активности в нескольких типах. Выделяя их, мы будем отмечать три характеристики:

- ресурсы и формы сохранения и воспроизводства своей отличительности;
- возможности влияния, публичность и признание в городской жизни;
- отношение жителей города и власти к этим проявлениям активности.

«Само-резервация». Этот тип представлен как одиночками, так и небольшими группами

друзей или семейными парами. К нему можно отнести людей, увлеченных каким-либо делом (чаще всего это краеведы, историки и т.д.), которому они отдают все свое время, свободное от зарабатывания средств к существованию. Примеры тому — краевед из Ивья, у которого собран собственный музей, а также предприниматель из Постава, сам в себе и для себя культивирующий рок-н-рольную культуру, двое парней из Каменца, занимающиеся историей родного края или паркуровцы из Ганцевич, о которых мало кто в городе знает. Все они ведут «двойную жизнь», преимущественно, имея вполне приличную работу и заработок, который позволяет использовать накопленные ресурсы для себя и своего дела.

Главный принцип сохранения и воспроизводства такого образа жизни — это выгораживание и обустройство небольшого пространства для реализации своих интересов так, чтобы это как можно меньше зависело от внешнего мира. На это выгораживание и обустройство собственной резервации направлена значительная часть активности и ресурсов, иногда не меньшая чем та, что уходит на собственно предмет интереса. Самодостаточность и самообеспечение касаются не только материальной стороны такого образа жизни, но и организации коммуникации и взаимодействия с другими горожанами для развития собственного дела.

Для этого типа характерно избегание публичности, а также социальной, политической или иной легитимации.

¹⁹ Если воспользоваться предложенными К.Марксом категориями «клуба» как производящего человеческую сущность, а «производства» как потребляющего ее, то можно сказать, что в городах нас интересует «клубная» активность.

²⁰ Мацкевич В., Водолажская Т. Качество и образ жизни в Беларуси: эволюция и возможности трансформации. Минск, 2008; Мацкевич В., Водолажская Т. Становление и развитие сообществ. Минск, 2008.

Несмотря на известность в городе, а таких людей обычно знают все или почти все, «их дело» не выводит их в разряд фигур, которые имеют авторитет в общественном мнении города или влияние на решение городских вопросов. Они остаются «чужаками», принципиально замыкая свою активность в приватном пространстве. Никакого деятельностного отношения к предъявлению или распространению своего образа жизни нет не только у одиночек, но и у небольших групп. Соответственно нет ни планов, ни каких-либо долгосрочных программ и целей.

Еще одна характерная деталь — это ориентация на внешнего потребителя-почитателя. Жители своего города не рассматриваются как те, кто способен оценить, понять или помочь. Рок-н-рольщик из Постава делает музыкальный магазин, чтобы окружить себя приятной обстановкой и строит на месте агроусадьбы «рок-кафе» с расчетом на своих столичных и зарубежных друзей, считая, что никому из родного города этого не понять. Краевед из Ивья коллекционирует не только старые вещицы, но и отзывы разных гостей, среди которых практически нет местных жителей и т.д.

Для местных властей и жителей города это еще одна достопримечательность, которая предъявляется гостям наряду с памятниками природы, архитектуры и т.д. Однако к содержанию того, чем занята жизнь таких людей, практически никто подлинного интереса не проявляет. Чаще всего их относят к какой-нибудь стандартной социальной категории, не вникая в подробности. И это полностью совпадает с желанием самих «чужаков», даже когда они ритуально жалуется на отсутствие интереса. Такое положение всех устраивает.

С распространением идеи агро-туристических усадеб у этих людей появился еще одна удобная и легитимная возможность обустройства своей резервации. При этом они исчезают не только в публичном и символическом пространстве, но уже и территориально «уходят» из малых городов.

Энтузиасты-профессионалы. Этот тип отчасти близок предыдущему. Это тоже люди, увлеченные той или иной сферой деятельности и посвящающие ей свою жизнь. Однако они избирают другой способ для реализации своих интересов. Они делают его своей профессией, а точнее ищут такие места в профессионально-производственной структуре города, где можно было бы совмещать полезное с приятным. Чаще всего таких энтузиастов-профессионалов можно найти в государственных учреждениях культуры или спорта — кружках, секциях, студиях.

Однако такая стратегия использования имеющихся форм для развития любимого дела обычно заканчивается тем, что эти формы подминают под себя подлинное своеобразие, стандартизируя и выхолащивая живое содержание из такой деятельности. Человек практически не может в одиночку противостоять бюрократизированной форме, а тем более переделывать или развивать ее. В свою очередь, эти формы, созданные советской системой, направлены не на производство индивидуальности, а на ее утилизацию, приведение к стандарту. К сожалению, такой захват редко осознается самими энтузиастами-профессионалами, поскольку в их опыте практически отсутствуют другие формы проявления своей активности. Они связываются с противостоянием, нелояльностью,

нелегальностью, к которым люди редко готовы, даже чтобы отстаивать собственную позицию и образ жизни. В результате происходит адаптация и приспособления индивидуальности и особого образа жизни к имеющимся формам и утилизации активности.

Это фактически единственный способ легитимного выхода в «публичное» пространство современного малого города в Беларуси. Но это выход уже в качестве представителя того или иного учреждения, а не горожанина со своим образом жизни и своими представлениями о ней. Соответственно и участие в жизни города возможно только в качестве исполнителя или представителя, но не субъекта.

Нередко именно такой тип активности и воспринимается как единственно возможный жителями города и властями. Таких людей в городе знают и они даже имеют некоторый авторитет и влияние, но оно фактически заканчивается тогда, когда человек уходит с соответствующей должности.

Такой тип встречается в каждом малом городе, различие составляет лишь степень адаптации к имеющейся структуре, которая напрямую связана со временем пребывания на профессиональном посту. Те, кто не готов адаптироваться, либо уходит в саморезервацию, либо, разочаровавшись, вовсе оставляет любимое дело (музей в Мстиславле).

Традиции и стереотипы сведения человеческой активности к имеющимся формам проведения досуга находят свое массовое выражение в **«Кружках, секциях и народных коллективах»**, которые также можно выделить как тип. Хотя это скорее антипод той активности горожан, которую мы

искали в экспедициях, его нельзя обойти стороной. Это имитация и замена самоорганизованных и самодеятельных сообществ, образованных вокруг одного образа жизни или одной идеи. Сравнение ассортимента кружков в разных городах подтверждает стандартизованный подход к созданию. Имеющиеся кружки и секции формируют нормы проведения досуга горожан, а не являются результатом их самоорганизации. Будучи готовыми элементами организации досуга, они пропускают через себя людей, помогают им занять время.

Так же как энтузиасты-профессионалы встраиваются в имеющуюся структуру, так и неформальные объединения нередко «формализуются» и превращаются в кружки при Доме культуры или соответствующих отделах райисполкома. И это довольно распространенная практика. Самоорганизованные группы в ходе своего развития и попыток стать на ноги обычно сталкиваются с одними и теми же проблемами. Они не обладают достаточными ресурсами для поддержания себя: местом для репетиций, встреч или тренировок, возможностью выступать и публично показывать результаты своей работы. Иногда их деятельность входит в противоречие с представлениями власти о том, что должно, а чего не должно быть в городе.

Если нет специальной установки на сохранение независимости и самостоятельности, без определения собственных целей и места в городском сообществе, эти трудности разрешаются через «оформление» таких объединений в виде самодеятельных коллективов, клубов и т.д. (хор в Каменце, рок-группы в Ганцевичах

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

и Брагине, литературный клуб в Лепеле и т.д.). Дальше с большей или меньшей жесткостью для данного коллектива начинают действовать нормы работы кружков, которые определяют границы и формы репертуаров, встреч и т.д. Самодеятельность и самоорганизация становятся весьма условными.

При этом такой тип квазиактивности является практически единственным, который соответствует представлениям о легальных и легитимных формах активности горожан и участия и их выхода в «публичное» пространство и в глазах власти, и в глазах жителей города. И это очень существенный момент в тех возможностях и перспективах, которые имеет любая активность, появляющаяся в городе, поскольку именно эта форма является наиболее распространенной нормой. Все остальное — частные случаи и скорее отклонения.

Еще одной формой, стоящей на границе такой легитимной активности, являются общественные объединения. Часть из них, перенесенные из советского прошлого и созданные по их образцу государственные общественные объединения (ГОНГО), в отношении активности горожан ничем не отличаются от кружков и секций. Они имитируют самоорганизацию и самодеятельность сообщества, утилизируют в стандартных формах проявления самостоятельности и активности и на жизнь города как самостоятельные субъекты не влияют.

Другие общественные объединения, возникшие в ходе и после перестройки, по своему принципу, как раз являются аккумуляторами активности и призваны выводить в публичную сферу разнообразие мнений, способов восприятия и образов

жизни. В одиночку человек почти никогда не соразмерен с целым городом и с трудом может удерживать представительство своих интересов в городском сообществе.

Общественные организации — это форма институционализации сообществ людей, имеющих общие цели, интересы, образ жизни. Это форма нужна именно для того, чтобы наиболее эффективно включать в жизнь города собственные интересы. Однако специфика всей сферы НГО в Беларуси придала свой облик и общественным объединениям в малых городах. На сегодняшний день общественные объединения озабочены, прежде всего, собственным выживанием и сохранением институционального статуса. За этим занятием практически полностью теряется такая функция как культивирование своеобразия, продвижение идей и достижение целей. Общественные объединения профессионализируются в лице нескольких представителей и фактически держатся на этих лидерах. Лидеры становятся «профессиональными активистами». Нередко мы встречали, что в одном или нескольких человеках «собираются» сразу несколько общественных объединений, с разными целями, задачами и образом жизни (Береза, Верхнедвинск). Тогда становится не так важно, что именно продвигать, а значение и смысл приобретает наличия движения. Это становится образом жизни. Так сказать вся жизнь — борьба, а за что бороться не так уж важно, хотя бы за возможность такой борьбы. В связи с этим общественные объединения иногда становятся не аккумуляторами активности, а местами «высказывания недовольства», куда приходят жители города, чтобы поделиться своими претензиями и

проблемами. Они становятся не местом культивирования активности, а местом «выпускания пара».

В отношении публичности и влияния на жизнь города возможности общественных объединений крайне ограничены. Если они и признаются, то только в четко определенной и ограниченной сфере. Они могут заниматься решением социальных проблем, сохранением культурного и исторического наследия, работой с молодежью. Но это выглядит, как предоставление возможности себя проявить, а не способ участия в городской жизни. Нередко работу, выполняемую общественными объединениями, местная власть приписывает себе. Это такой тип торговли: хотите заниматься чем-то и реализовать себя, занимайтесь, но не претендуйте на признание.

Общественные объединения не стали признанным компонентом городской жизни.

Перечисленные типы не покрывают все разнообразие городской активности. Но прежде чем перейти к другим типам, надо подвести предварительные итоги.

Эти типы представляют собой способы приведения своей индивидуальности или своего образа жизни либо к стандартным формам времяпровождения, либо к существованию в резервации. Это во многом уничтожает смысл активности в городской жизни и городском развитии. Более того, как ни странно, коллективность и совместность усилий не только не помогает сохранить своеобразие, но и чаще приводит к формализации.

Проблема состоит в том, что городское устройство жизни не только опирается на проявления активности, самостоятельности и

самоорганизации, но и является местом, где эта активность, своеобразие, индивидуальность рождается и набирает силу. В этом и есть особый смысл и «назначение» городов. Описанное выше показывает, что современные белорусские города скорее приспособлены, чтобы поглощать индивидуальность и утилизировать активность, нежели ее культивировать и производить.

Способствуют этому, с одной стороны, достаточно четкая и ярко выраженная политика местных властей, опирающаяся на общие государственные представления о рамках и формах проявления активности. В малом городе, функция и назначение которого определяется ролью в территориально-производственной структуре района или области, нет необходимости в культивировании разных образов жизни, тем более выходящих за пределы социальной и профессиональной структуры. С тем, что возникает самостоятельно, обходятся в зависимости от способов мышления местных руководителей. Другой стороной такого положения дел является прочно укоренная в массовом сознании невосприимчивость к иному, неготовность видеть его и считаться с чем-то, что выходит на стандартные схемы и представления. Это касается и способности различать разные образы жизни и способности искать нестандартные пути для реализации желаемого.

Однако есть еще два типа городской активности, которые нам встретились. Они наименее распространены, но интересны как раз тем, что несут в себе потенциал развития городской активности.

«Человек и его структура». В отличие от тех, кто обустроивает свое дело в «резервации», такие люди не отгораживаются

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

от внешнего мира, а скорее наоборот. Содержание и смысл их интересов лежит в общественной сфере. Те представления о жизни, которые они имеют, не могут быть реализованы в узком приватном пространстве. В этот тип попадают некоторые из встреченных нами ксендзов и пасторов, которые не ограничены только организацией религиозной жизни, а имеют и пытаются реализовать свои представления о месте и роли религиозных общин (костелов, церквей) в городской жизни. К этому же типу относится редактор ганцевической независимой газеты, чьи интересы также напрямую связаны с наличием и рабочим состоянием публичного пространства в городе. Особый случай, который также можно отнести к этому типу, — это мэр г. Дисна, которая будучи носителем новых идей развития города, пытается их продвинуть, используя свое административное положение²¹. К этому типу могли бы примыкать и лидеры общественных объединений, но мы таких не встретили.

В реализации собственных интересов и взглядов представители этого типа опираются не только на свой собственный капитал, а на некоторые структуры и институты, используют их социальные, политические и организационные ресурсы. Наличие таких структур не только дает поддержку этим «активистам», обеспечивает их средствами для жизни, но и делает их *легитимными* и *соразмерными* для того, чтобы выступать субъектами в решении вопросов городской жизни. Это не всегда означает, что они имеют

действительно нормальный доступ к принятию решений. Просто их уже труднее игнорировать, как это возможно с отдельными людьми.

Здесь «встречаются» институциональные возможности и готовность, стремление их использовать для продвижения тех или иных интересов в масштабах всего города.

Кроме того, следует отметить: 1) наличие у этих деятелей планов и программ действий, хотя и разной степени глубины и проработанности; 2) ориентацию на расширение своей деятельности и включение в нее других людей, через включение в структуры их в качестве волонтеров или работников.

Нельзя сказать, что такая активность имеет большой успех и эффективность в плане включения в городское развитие. Такие люди так и остаются «героями», в одиночку сражающимися за свои интересы и за их продвижение. Тем не менее, практически везде — это публичное предьявление некоей индивидуальности, особого способа виденья мира и главное — особого способа городского существования, который сложно не заметить. В результате эти действия получают преимущественно одобрение населения, хотя и пассивное. Властям обычно приходится считаться с наличием таких людей в городе.

Этот тип активности, при всей своей ограниченности и слабой влиятельности, делает видимой и наглядной иную норму жизни в городе. В этом отношении он **создает образцы индивидуальности** и активного их продвижения.

²¹ Поскольку содержание идей развития не всегда совпадает с указаниями районных властей, но действия мэра трудно отнести к реализации государственных программ

Еще один тип городской самоорганизации и активности также имеет специфический характер. Это **неявные сообщества**, строящиеся на сети отношений, сформировавшейся между людьми, занимающими влиятельные позиции в управлении, бизнесе или экономике города. Мы только однажды смогли обнаружить такое сообщество в более или менее оформленном виде (Поставы), еще в нескольких местах есть некие протообразования или намеки на такой тип организации. Активность в данном случае связана не с действиями каждого из членов этих сообществ на своем «рабочем месте», а в том, что они, осознавая себя «хозяевами», начинают рассматривать город как место их совместного существования и общей заботы. В ходе особого рода взаимодействия (разговоры, встречи, обсуждения т.д.) постепенно вырабатывается некоторое виденье развития города, общий взгляд, который потом лоббируется и реализуется через аккумуляцию всех ресурсов.

Фактически собственно самоорганизация и наличие такого сообщества специально остаются скрытыми, вне публичного предъявления. Но об этом знает весь город. И горожане и власть признают, хотя бы по факту, наличие и силу этого «тайного влияния».

Этот тип демонстрирует довольно специфический канал реализации активности, который возник как результат социальных трансформаций последних лет. Кроме того, он также задает совершенно иную по сравнению с предыдущим возможность для производства и культивирования своеобразия. Оно производится и культивируется не публично, однако, с использованием традиционных для городской культуры форм

коммуникации. В Поставах при отсутствии каких-либо признаков официального существования такого сообщества, с очевидностью ощущалось, что где-то постоянно обсуждаются проблемы города и его будущее и обсуждают все это свободные горожане, со своими взглядами, интересами. Там же эти взгляды и интересы согласуются.

Специфика данного типа активности состоит в том, что в этих сообществах создается **среда**, в которой может и должно существовать все городское сообщество. И это пока единственное место, где существует и развивается прототип городской среды. В ней могут производиться, существовать и развиваться индивидуальности.

Пока это существует в очень свернутом виде и «подпольно». Более того, высока вероятность сползания такого типа активности в коррупцию или мафию. Тем не менее, это один из двух имеющихся в данный момент типов активности, которые ее не утилизируют и переводят в ресурс для реализации управленческих задач, а образует среду, в которой возможно ее воспроизводство и производство.

Итак, жизнь в малых городах устроена преимущественно таким образом, что всякая возникающая самодеятельным образом активность и отличительность используется для нужд управления по хорошо отлаженным каналам. В случае невозможности такого использования, создаются условия для того, чтобы такую активность вывести в маргинальное положение. Обустройством резерваций для таких проявлений, в первую очередь решается задача пресечения возможности осознать себя субъектом городской жизни. Само это пресечение не

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

связано с теми или иными «грубыми» мерами. Оно опирается на патерналистические установки, которые глубоко укоренены в сознании беларусов, которые воспроизводятся и культивируются в существующих структурах обустройства повседневной жизни в малых городах. Все управленческое и социальное устройство работает на эти задачи, вне зависимости от того, насколько люди, включенные в него, осознают это. Можно говорить о взаимной согласованности представлений об активности и о формах ее реализации, как среди управленцев, так и среди самих активистов и обывателей.

Возможности активизации городской жизни и появления иных форм проявления индивидуальности, субъектности и формирования публичного городского пространства связаны с поддержкой и культивированием уже имеющихся прецедентов и образцов. Они могут выступать, с одной стороны, образцами, в которых отражается иная норма мышления и поведения, иной образ жизни. И если они сразу не становятся образцом для подражания, то хотя бы имеют рефлексивное воздействие, демонстрируя непохожесть. С другой стороны, имеющиеся прецеденты могут становиться средой, в которой люди получают определенный опыт жизни, который ведет к культивированию активной позиции горожанина.

Татьяна Водолажская

ПРОСТРАНСТВО КОММУНИКАЦИИ: ФОРМЫ, КАНАЛЫ, БАРЬЕРЫ

В рамках представлений о городе как о «самоуправляемой» системе и «единстве непохожих», коммуникация в городе нас интересует, в первую очередь, как средство или способ формирования городской среды и местных сообществ в городах, что задает определенный ракурс рассмотрения и анализа результатов наблюдений, собранных в ходе исследования малых городов.

Это касается, в первую очередь, представления о субъектах коммуникации и содержания коммуникации, которое попадает в сферу анализа. В качестве субъектов «городской» коммуникации могут выступать местные власти, различные группы, как оформленные в рамках определенных социальных институций (религиозные общины, политические партии, общественные организации и т.д.), так и неинституционализованные (различного рода сообщества, неформальные организации, группы по интересам, «тусовки» и т.д.), отдельные жители города («горожане»). В содержании коммуникации нас в первую очередь интересует наличие/отсутствие «города» (как сообщения, или «объекта» коммуникации), различных аспектов и проблем городской жизни, а также предьявленность самих субъектов коммуникации и различных образов жизни, присутствующих в городе.

По формам городскую коммуникацию можно разделить на опосредованную и непосредственную. К опосредованной коммуникации можно отнести коммуникацию, осуществляемую через СМИ (местные газеты, радио, ТВ, Интернет-сайты),

а также объявления и граффити как особый способ передачи сообщений или визуализации своего присутствия в городе. Непосредственная коммуникация включает в себя любые формы межличностного или межгруппового непосредственного коммуникативного взаимодействия, как специально организованного, так и неформального: сфера общения и т.д.

Попробуем кратко рассмотреть особенности разных форм и каналов коммуникации на материале городов, посещенных в ходе экспедиций.

1. СМИ. Особенностью местных средств массовой информации является то, что абсолютное большинство из них являются государственными по принадлежности и районными по охвату и, соответственно, по содержанию. Независимые газеты удалось обнаружить в немногих городах (Ганцевичи, Глубокое, Горки), кроме того, в некоторых городах выпускаются (или выпускались до недавнего времени) разного рода «бюллетени» общественных объединений, «листки» или небольшие газетки подпольного или полуподпольного характера (например, «Бярозавы венік» в Березе, «УзГорак» в Горках, «Рубон» в Верхнедвинске). В силу сложившихся особенностей государственных СМИ в Беларуси они представляют собой не пространство коммуникации, а средство информирования (иногда еще развлечения) населения. Местные СМИ в этом смысле — не исключение. Основной массив информации составляют, как правило, официоз республиканского и областного уровня (основные новости, особенно законодательные, «программы развития» и т.д.), официальная информация райисполкома, районные показатели,

проблемы сельского хозяйства, новости посевной и т.д. Какую информацию о городе можно найти в районной газете? Чаще всего — это «отчеты» о проведенных в городе празднествах или мероприятиях, сообщения о ЧП и правонарушениях, иногда — «очерки» об истории города (в основном — во время и после Второй мировой).

Таким образом, основным «отправителем» сообщений выступает «власть», а «получателем», или аудиторией, — население района. «Районность» СМИ обуславливает низкую представленность в них городской тематики, размывание границ города и сельской местности. При том, что основная функция районных СМИ заключается в информировании населения, особой заботы о том, чтобы информация дошла до «потребителя», не наблюдается. Об этом говорят и низкие тиражи районов, и часто наблюдающееся отсутствие районных газет в продаже (не в силу повышенного спроса, а в силу того, что многие районные газеты вообще не поступают в розничную продажу), и распространенность «ведомственной» и «добровольно-принудительной» подписки (в результате которой и так небольшой тираж газеты расходуется таким образом, что особо «удачливая» семья может получать по два-три экземпляра). Отметим еще, что информация, печатаемая в районных газетах, тем или иным образом дублируется и по другим каналам: в республиканских и областных газетах, через «официальное информирование» по месту работы, общенациональное и местное радио и телевидение и т.д.

В связи с развитием компьютерных технологий и распространением сети Интернет, отдельно стоит рассмотреть Интернет-сайты как место и канал городской

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

коммуникации. Один из видов Интернет-сайтов «местного значения» — сайты районных исполнительных комитетов, которыми за последние пару лет, реализуя «государственное распоряжение», обзавелись все белорусские райисполкомы. Эти сайты носят отчетливо выраженный информационно-отчетный характер, сходны между собой по структуре и содержанию размещаемой информации и представляют собой дополнительное средство государственного информирования. Отличие содержания «официальных сайтов районов» от районных газет весьма незначительно, единственное, что в дополнение к «официозу» на сайтах содержится информация об истории района, как правило, взятая из книг «Память».

Существует довольно много независимых и неофициальных сайтов городов, правда, некоторые из них подозрительно напоминают официальные. Неофициальные сайты отличаются гораздо большим разнообразием, хотя «подобия» в представлении информации с официальными райисполкомовскими сайтами видны невооруженным глазом (неразличимость границ города и района, тематизация сфер жизни города и т.д.). Несмотря на это, неофициальные сайты — гораздо более живое средство коммуникации, в том числе и за счет специально создаваемых мест для общения: форумов, чатов, досок объявлений и т.д. Наиболее популярными и обсуждаемыми темами на форумах городских сайтов являются, как правило, различного рода хобби и интересы: кино, музыка, компьютерные программы и игры, а также всякого рода знакомства и проблемы отношения полов и просто болтовня

(«флуд»). На некоторых сайтах можно найти и темы форумов, посвященные обсуждению городских проблем, истории города и т.д. (например, «Неофициальный сайт города Чаус», сайт «Каменец и окрестности»). В этом смысле неофициальные сайты (во всяком случае, некоторые из них) потенциально могут являться местом городской коммуникации, но пока она там довольно слабая.

2. Объявления и граффити. Объявления и граффити мы объединяем в одну группу на том основании, что это еще один способ опосредованной коммуникации, однако гораздо менее формализованный и более доступный для разных субъектов, чем средства массовой информации.

Вообще, по наличию/отсутствию объявлений города, в которых мы побывали в ходе экспедиций, отличаются довольно сильно, от практически «стерильных» в этом смысле Столина или Чаус до довольно плотно обклеенных объявлениями разного рода Щучина, Берёзы, Сморгони. В большинстве случаев наличие и содержание объявлений позволяет говорить о некоторой экономической и предпринимательской активности в городе, и, возможно, об определенных индикаторах уровня жизни населения. Рассматривать объявления как канал, посредством которого в городах передается информация о различных образах жизни, довольно сложно, во всяком случае, нам крайне редко попадались объявления, которые можно было бы считать подобным образом.

Кроме того, одной из проблем при анализе этой формы коммуникации является невозможность определить её

эффективность, то есть то, условно говоря, дошло ли сообщение до адресата. Некоторые кейсы, которые удалось изучить более подробно, говорят о том, что здесь возможны разного рода помехи и искажения, которые делают коммуникацию неэффективной. Например, история с концертом Шалкевича в Березе (см. отчет), на который, несмотря на обилие объявлений в городе, пришли в основном только люди из местной оппозиционной тусовки. Посещение концертов — дело добровольное, но на следующий день, разговаривая с некоторыми из жителей города, мы обнаружили, что они ничего не знают о прошедшем концерте. Каким образом отсекается восприятие информации в этом случае — вопрос сложный.

Ещё один способ коммуникации, отчасти сходный с объявлениями — граффити. Граффити можно рассматривать как определенный способ самовыражения и визуализации себя в городе. Нельзя сказать, что в малых городах Беларуси много любителей «художественного», символически или информационно нагруженного граффити, чаще это скорее «наскальная живопись». Кроме того, здесь, как и в случае с объявлениями, существуют проблемы считывания и восприятия (об этом несколько ниже).

3. Непосредственная коммуникация.

Организация непосредственной коммуникации на тему города, решения его проблем, разных образов жизни, в нем представленных, предполагает наличие публичных мест для осуществления такой коммуникации либо искусственно сформированных (типа агоры или городских советов, городской рады, «клубов» и т.п.),

либо исторически адаптированных под эти функции (например, пабы или бары в некоторых странах, рынки и т.п.). Поскольку в малых городах такие места практически отсутствуют, вся сфера непосредственной коммуникации сведена до межличностной коммуникации, практически полностью вытесненной в сферу приватного общения.

Такое положение дел значительно затрудняет анализ этого вида коммуникации, судить об интенсивности и содержании такого общения можно только по косвенным признакам, сопоставляя между собой наши довольно фрагментарные наблюдения за жизнью города, информацию о присутствии в нём разных групп и взаимодействиях между ними, которую удаётся собрать за два-три дня экспедиции. При этом мы не раз сталкивались с ситуацией, приводившей экспедиторов на первых порах в состояние глубокого недоумения: к концу второго дня пребывания в городе мы знали о нём гораздо больше, чем люди, прожившие в этом городе всю жизнь (конечно, это специфические области знания, но в этих областях мы точно были самыми «продвинутыми»). Осмысление этой ситуации, как и различных особенностей коммуникации между экспедиторами и жителями городов, позволяет обозначить основную проблему в этой сфере, а именно: существует ряд тем и аспектов жизни в городе, которые попадают в пространство межличностной коммуникации, но существуют также темы и аспекты, которые по каким-то причинам в это пространство не попадают, или попадают в искажённом виде. К таким темам можно отнести и тему города как такового.

При этом факт отсутствия темы города в непосредственной коммуникации мы смогли зафиксировать только тогда, когда

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

столкнулись с выраженными признаками ее наличия в Поставах, где если не все жители города, то, по крайней мере, определенный круг точно ведет такую коммуникацию, обсуждает городские проблемы. Это сразу сказывается на их ответах и рассказах о городе: суждения и высказывания носят «рассудительный» характер, гораздо менее стереотипны.

Говоря очень условно, можно сказать, что в коммуникативном пространстве широко представлен ряд «мифов» о жизни города и горожан (например, в Щучине всё взрослое население города считает, что основная форма проведения времени среди молодёжи — дискотека, хотя простой поход на дискотеку показывает, что молодёжи там человека 2-3), бытовых и «обывательских» аспектов. При этом нетипичные формы жизни и деятельности (например, наличие в городе разного рода «чудаков» — например, ксендз в Чаусах, руководитель «рыцарского клуба» в Сморгони и др.) практически не попадают в пространство коммуникации и общения между людьми.

Формулирование такого вывода приводит к необходимости рассмотреть проблему «барьеров» или «фильтров» в коммуникации.

БАРЬЕРЫ И ФИЛЬТРЫ В КОММУНИКАЦИИ

Можно выделить несколько видов «барьеров» в коммуникации. Во-первых, это препятствия, которые можно назвать (довольно грубо) «физическими» барьерами. К таковым можно отнести отсутствие местных газет в свободном доступе, отсутствие или непригодность существующих в городе мест

для коммуникации между жителями и различными группами и т.д. Разные города отличаются друг от друга как по наличию пространств для коммуникации, так и по их качеству и «безбарьерности». В этом смысле города можно классифицировать по критерию разнообразия каналов коммуникации (наличие независимых или более-менее популярных СМИ; обустроенных для коммуникации Интернет-сайтов; мест, в которых принято размещать объявления; клубов, неформализованных объединений; кафе-баров-ресторанов, в которых есть условия для того, чтобы в них можно было хотя бы встречаться и разговаривать и т.д.). В ходе экспедиций нам встречались города с более благоприятными условиями для возникновения и осуществления городской коммуникации (Берега, Постава, Щучин, Глубокое, Каменец) и города, практически абсолютно непригодные для этого (Верхнедвинск, Столин, Кличев).

Второй вид «барьеров» связан с проблемами опознавания содержания сообщения, знаков и символов из-за отсутствия определенных знаний (знак «16 в круте», которым буквально расписаны стены в Щучине, не становится сообщением, поскольку у жителей отсутствует знание о том, что стоит за этим знаком).

Однако наиболее существенные барьеры в коммуникации (и это третий вид «барьеров») связаны с тем, что можно назвать проблемой кодирования-декодирования сообщений или системой фильтров в коммуникации.

Возникновение коммуникационных фильтров и проблемы в их преодолении связаны с отсутствием рефлексии по поводу содержания понятий и категорий, в которых описывается мир, и переводом всех вносимых

в коммуникацию содержаний в терминах имеющихся схем и представлений. Поскольку эти понятия и категории по преимуществу воспринимаются как «объективные», закономерные, заданные, они не попадают в процесс осмысления, критики, согласования.

Довольно условно можно выделить два основных фильтра, посредством которых происходит селекция информации.

1. Фильтр, ограничивающий возможности попадания «города» в содержание коммуникации — **как и зачем** обсуждается город и городские проблемы.

Анализ представлений о городе, с которыми мы сталкивались в ходе общения с горожанами в ходе экспедиций, показывает, что (в подавляющем большинстве случаев) город для его жителей является скорее «рабочей слободой», чем собственно «городом». Город в такой картинке представляет собой градообразующее предприятие (или несколько предприятий) и систему жизнеобеспечения вокруг него. На такое представление о городе наталкивается любое обсуждение перспектив развития города с его жителями (*«Какие основные проблемы в городе?» — «Предприятия развалились, работать негде». «Что можно сделать, чтобы город развивался, вышел из депрессивного состояния?» — «Предприятие открыть, люди будут работать, получать зарплату, все остальное само собой образуется»*). При этом такие представления распространены и в городах, создание и история которых состоялись задолго до начала периода советской урбанизации и индустриализации.

Кроме «производственного» принципа в представлениях о городе присутствует еще и транслируемый со всех сторон принцип административно-территориального деления,

который также определяет способ и формы коммуникации по поводу города.

В такой системе представлений обсуждение города как некоторой самостоятельной целостности, существование и развитие которой может зависеть не только от развития промышленности, зависящего, в свою очередь, от системы распределения ресурсов на областном или республиканском уровне, становится невозможным.

Кроме того, такая система представлений обуславливает отсутствие активного отношения к городу в целом и проблемам его развития, поскольку делает жителей и любые группы изначально несоразмерными решению этих проблем. В соответствии с такими представлениями единственный способ деятельности, доступный для жителей города, которые всерьез озабочены не локальными, а достаточно масштабными городскими проблемами — тем или иным способом повлиять на решения сверху: писать письма и обращения, использовать связи и т.д. То есть содержание этих представлений развивает и поддерживает патерналистские установки, возможность развития города за счет внутренних ресурсов и активности горожан или внешних ресурсов, не связанных напрямую с системой административного управления, просто не обсуждается.

Например, жители Давид-Городка уверены, что все их проблемы связаны с тем, что город не имеет районного статуса (и эта точка зрения не лишена оснований). Однако поскольку решение о районном статусе принимается совершенно на другом уровне, равнодушным к настоящему и будущему своего города людям остается только жаловаться на «историческую несправедливость» или писать обращения в

различные властные структуры, вплоть до президента страны, с просьбами исправить положение (при этом понимая полную безнадежность этих действий). Обсуждать же какие-либо иные перспективы развития города до того, как будет решен «основной» вопрос, считается бессмысленным.

2. Фильтр, который связан с представлениями о социальной структуре, о принадлежности к определенным слоям или группам и со строгим ограничением возможности коммуникации между этими слоями и группами. Посредством этого фильтра определяется, **о чем** и **с кем** принято разговаривать. Все, что выходит за заданные пределы, слабо или вообще не распознается.

В «картине мира» жителей городов прописана «система мест» в структурах деятельности, и четко заданы функции и сферы ответственности, приписываемые этим местам. При этом эта «система мест» практически не претерпела изменений с советских времен. Значимыми для города и его развития в этой системе мест являются местные власти (при этом распространены представления об отсутствии «собственной воли» у местных властей), промышленные предприятия, система «культурных учреждений».

На эти места возлагается ответственность за развитие соответствующих сфер, кроме того, они начинают восприниматься и как единственные «информированные источники» по тому или иному вопросу. Это проявляется в системе «отсылок», с помощью которой люди отвечают на вопросы о городе и его жизни.

Кто может рассказать об истории города? — работники музея. Есть ли в городе поэты, писатели, музыкальные группы и т.д. —

сходите в местный дом культуры и там вам все расскажут.

За церковью, предпринимательством на уровне представлений закреплены иные статусы и функции, поэтому в качестве субъектов, имеющих влияние на жизнь и развитие города, они не воспринимаются. Например, решение социальных или образовательных проблем «не предписано» церкви, забота о развитии города «не предписана» предпринимательству, поэтому если кто-то из этих субъектов начинает осуществлять некую деятельность, направленную на реализацию целей, выходящих за рамки их основной функции, эта деятельность не распознается или в интерпретации ей придается другой смысл. Политические партии и общественные организации за весь постсоветский период своего существования, похоже, так и не заняли никакого значимого места в этой системе.

В соответствии с такой картиной понимается и интерпретируется человеческая активность. Человек здесь — «единица в штатном расписании». Поэтому любая общественная активность еще может быть понята, пока она непосредственно связана с функциональными обязанностями по месту работы. Если же сфера этой активности далека от «рабочих обязанностей», она автоматически переводится в разряд «хобби», то есть индивидуальных увлечений.

Такие представления «об устройстве мира» определяют «систему фильтров» попадания различных сообщений в пространство коммуникации. Можно выделить два этапа процесса коммуникации, на которых в разных случаях может происходить такая фильтрация.

Во-первых, это этап «кодирования» и «отправления» сообщений, определения партнера в коммуникации. Речь идёт, прежде всего, о тех людях, «желающих странного», имеющих потребности и цели, не заданные напрямую предписанными социальными ролями, поисками которых мы активно занимались на протяжении двух лет экспедиций. Для реализации своих целей они вынуждены вступать в коммуникацию и взаимодействие с другими субъектами, при этом выбор форм и субъектов этой коммуникации и взаимодействия определяется представлениями о системах деятельности и местах в этих системах. Наиболее наглядна в этом смысле ситуация с музеем (вернее, его отсутствием) в Шучине. За два дня экспедиции мы обнаружили три группы людей, в той или иной мере озабоченных созданием музея в городе и даже предпринимающих некоторые действия в этом направлении. При этом выяснилось, что эти группы ничего не знают о существовании других субъектов в городе, разделяющих их устремления, хотя некоторые из них лично знакомы и, пусть не очень тесно, но общаются друг с другом. Однако проблема создания в городе музея не попадает в сферу их общения, не становится сообщением в коммуникации, потому что такого рода проблемы, согласно имеющимся представлениям, решаются в других местах — в райисполкоме, например. Можно предположить, что в силу тех же причин, эти люди не пишут статей, посвященных вопиющей ситуации с отсутствием музея в старинном городе Шучине в местную газету: для того, чтобы рассматривать такое действие как способ продвижения к решению проблемы, надо иметь определенное

представление как о назначении средств массовой информации, так и о том, кто может или должен быть озабочен созданием музея в городе. Таким образом, на данном этапе фильтруются каналы и способы коммуникации, а также выбираются субъекты, с которыми надо вступать во взаимодействие для решения наличных проблем.

Те же фильтры действуют и на другом этапе, в процессе приема и интерпретации передаваемого сообщения. Сообщение, доходящее до получателя в той или иной знаковой форме (будь то слово, рисунок на стене или действие) декодируется в соответствии с тем же самым набором знаний и представлений о системах и субъектах деятельности. Декодирование и интерпретация содержания передаваемого сообщения связаны, в том числе, и с распознаванием того субъекта, от которого исходит информация или сообщение. Более того, позиция того, кто говорит, в значительной (если не в решающей) мере определяет и восприятие того, что говорится. А поскольку «система мест» жестко задана, то задано и соответствие обсуждаемых проблем «месту» в социальной структуре.

Кто может говорить об организации фестиваля в Мстиславле и его значении для развития города? — работники райисполкома. Когда об этом начинает говорить ксёндз католического костела, сообщение декодируется в соответствии с представлениями о том, чем должен заниматься служитель церкви по своим функциональным обязанностям, и контекст развития города из него исчезает.

Система фильтров в восприятии сообщений, передаваемых в коммуникации, приводит к тому, что попадание в систему

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

коммуникации «иногое», не вписывающегося в имеющийся набор представлений, становится невозможным. «Иное» в этом случае либо перекодируется в «знакомое», либо опознается как девиация (при этом девиация в негативном смысле). Можно предположить, что именно таким образом город Чаусы справляется с «иностранном телом» в лице появившегося там несколько месяцев назад католического ксендза, который ведет себя таким образом, что его просто невозможно не заметить, но тем не менее, город упорно игнорирует его существование.

Вступая в коммуникацию с местными жителями по поводу «города» мы оказываемся в ситуации, когда субъекты коммуникации имеют абсолютно различные представления о том, что, собственно, представляет собой город, кто такие «горожане», каковы механизмы функционирования и развития города. Кроме того, различаются наши представления о субъектах принятия решений и зоне их ответственности. Разность представлений не делает коммуникацию невозможной, однако предполагает необходимость обсуждения, соотнесения, диалога по поводу идеальных представлений коммуникантов, а такой диалог предполагает рефлексию этих представлений. Именно в этих ситуациях обсуждения мы наталкиваемся на более или менее устойчивые барьеры, разную степень «преодолимости» коммуникационных фильтров.

Можно предположить, что количество людей или каких-либо групп, структур, способных преодолеть эти «фильтры» является показателем потенциала поселения к собственно городскому существованию и развитию. Наличие в городе субъектов, обладающих такой способностью/

возможностью, дополняет и усиливает потенциал развития городской коммуникации и городского сообщества, связанный с наличием и обустроенностью «физического» пространства (наличием и многообразием каналов, форм и способов коммуникации и общения).

Оксана Шелест

ПОТРЕБЛЕНИЕ: СТРУКТУРА И ВОЗМОЖНОСТИ

Готовясь к экспедициям по малым городам Беларуси, мы изучали статистическую информацию, отчеты администрации, информацию в СМИ и т.д.. Сама структура информации, особенно официальной показывает, что в каждом городе власть озабочена реализацией социальных стандартов и обеспечением определенного уровня жизни. Побывав в экспедициях и понаблюдав за жизнью людей, следует признать, что с этой задачей городские власти успешно справляются. Мы можем констатировать, что в малых городах достигнут такой уровень жизни, когда обеспечение минимальных потребностей не является предметом головной боли и заботы жителей. Люди в малых городах Беларуси имеют своеобразный «излишек», материальные возможности сверх прожиточного минимума. В этом, пожалуй, состоят общие сходные условия для городов Беларуси, а различия и варианты касаются в основном возможностей связанных с реализацией потребностей, которые напрямую не связаны с минимальным потребительским уровнем. В такой ситуации

«излишки» могут стать причиной пересмотра старых потребительских стандартов в сторону их количественного увеличения, без изменения по существу. Но могут и инициировать пересмотр содержания стандартов и, возможно появление качественно иных потребностей. Для того, чтобы более или менее адекватно оценить различия в качестве потребления в малых городах, следовало бы проводить специальное исследование. Наши возможности были ограничены и позволяли оценивать не столько само потребление, сколько ту инфраструктуру, которая есть в каждом городе и которая отражает спектр возможностей «потратить деньги и время», предоставляемых горожанам. По итогам экспедиций можно констатировать, что, несмотря на схожесть условий, определяющихся общей ситуацией в стране, малые города различаются по возможностям, которые предоставляет инфраструктура потребления. Весь последующий текст — это размышление об этих различиях.

142

УРОВНИ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Если есть в городе место, которое концентрирует инфраструктуру потребления, так это рынок (базар). В белорусских городах экономические отношения еще не выросли до такого уровня, чтобы можно было полностью отказаться от рыночной формы в пользу более «культурной», в виде, например, гипермаркетов. Поэтому они остаются значимым элементом инфраструктуры потребления в городе. В каком-то смысле, насыщенность и ассортимент товаров, уровень цен и т.д. являются результатом баланса

существующего в городе спроса и предложения. И в этом смысле городские рынки могут репрезентировать сферу потребления, доступную для жителей этого города, а сам базар может быть индикатором развитости инфраструктуры потребления в городе. Конечно, совсем не значит, что, если на нем не продается, например, стиральная машина, то ее вовсе невозможно купить в этом городе или стиральными машинами там никто не пользуется. Но, обобщая, можно сказать, что «качество» рынка, его обустроенность корреспондирует с тем, как развита инфраструктура потребления в городе. Рынки в малых городах по своей оборудованности и благоустроенности различаются в некоторых пределах, начиная от площадки под открытым небом для палаток и лотков (например, в Дисне) и заканчивая крытым рынком, как было, например, в Поставах. Различия касаются также ассортимента товаров, цен, занимаемой площади и т.д.

Разбираясь с инфраструктурой потребления, мы не имеем возможности обратиться к объективным данным, но можем, отталкиваясь от различий в инфраструктуре рынков, выделить несколько уровней потребления, которые характеризуют малые города.

К первой группе мы относим города, которые имеют инфраструктуру, ориентированную на удовлетворение потребностей базового уровня (например, Верхнедвинск, Дисна, Кличев). На рынках большую часть занимают продукты питания, предметы гигиены, в одежде и обуви преобладает ширпотреб. Все, что сверх этих потребностей, приобретается за пределами самого города. Соответственно, в таких городах слабо развита сфера бытового

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

обслуживания, не развита инфраструктура отдыха и развлечений. Например, в Дисне на момент нашей экспедиции не работало ни одно заведение общественного питания. В Кличеве работало два кафе и один ресторан, но они ориентированы на специфический отдых, сопряженный с употреблением большого количества алкоголя. Поэтому ассортимент ограничивался алкогольными напитками и холодными закусками. Сам город как некоторое организованное пространство не предоставляет никаких возможностей, кроме удовлетворения минимальных потребностей, и не стимулирует их количественное или качественное развитие.

Инфраструктура потребления городов **второй группы** (Ганцевичи, Береза, Щучин, Столин, Лепель) более развитая, за счет лучшей организации сферы бытовых услуг (услуги ремонта, парикмахерские, услуги сотовой связи и т.д.). В ассортименте товаров на рынке, кроме уже перечисленного в первой группе, добавляется бытовая техника (пылесосы, микроволновки), различные компьютерные комплектующие, иногда мебель. Также чуть больше возможностей, связанных с отдыхом, но они касаются скорее разнообразия форм при неизменном содержании. Показателен в этом плане пример с рестораном в Столине, который сделан с претензией на статус, выше уровня «вокзальных забегаловок». Однако при более близком знакомстве оказалось, что различия связаны с изменением внешней атрибутики. Например, есть гардероб, сделан нормальный ремонт, в меню тридцать блюд и т.д. Но из этих тридцати блюд можно заказать только три и вообще музыка гремит так, что общаться, отдыхать там просто невозможно, и провести тихий семейный вечер нереально.

По внешнему виду это ресторан, а по сути (по содержанию) обычная забегаловка.

Отличия инфраструктуры потребления городов 1-й и 2-й группы можно зафиксировать и охарактеризовать количественными показателями в пределах одной нормы. Люди в этих городах живут, реализуя один образ жизни, и в рамках этого образа жизни у одних есть больше возможностей, а у других чуть меньше.

В городах **третьего типа** (Сморгонь, Постава, Глубокое) инфраструктура потребления имеет принципиальное отличие, которое не может быть описано только количественным приращением. Суть этого отличия состоит в том, что инфраструктура потребления дает возможность жителям города быть непохожими. Причем эта непохожесть касается не количественных показателей: машин, более дорогой мебели или качественных продуктов. В таких городах появляется возможность реализовывать разные образы жизни. Инфраструктура городов 3-го типа позволяет людям удовлетворять разные потребительские нормы, разные представления о том, что для них важно и на что они будут тратить свои средства и ресурсы.

Выбор в пользу того или иного варианта потребления определяется не только возможностями сферы потребления (сложившейся конъюнктурой и т.д.) малого города Беларуси, но и «идеальными представлениями» его жителей. Между качеством инфраструктуры и разнообразием идеальных представлений или образов жизни складываются взаимозависимые отношения. В условиях, когда инфраструктура города «однородна» эти самые идеальные представления о хорошей жизни

складываются сами собой и воспроизводятся как бы естественно. Они приобретают характер поголовной стихийной моды, сложившейся в локальных условиях. Например, представления о качественной жизни в городе Кличеве предполагают наличие широкополосного Интернета и спутникового телевидения. В результате параболическими антеннами буквально увешан весь город. При всей продвинутости этого города в сфере информационных технологий и телекоммуникаций, выпить утром чашку кофе негде. Повышения уровня жизни жителей города приводит к увеличению потребления, но в рамках одной нормы потребления при неизменном сохранении отсутствия разнообразия.

С другой стороны, для того, чтобы появилось разнообразие инфраструктуры необходимо, чтобы кто-то в городе являлся

носителем новых представлений и имел намеренье и ресурсы изменить ситуацию так, чтобы в нем появились возможности жить в соответствии с этими представлениями.

Развитие городов мы связываем с увеличением разнообразия или, другими словами, «емкости» инфраструктуры потребления, то есть ее способности обеспечить реализацию большего количества норм потребления и образов жизни. Поэтому попытаемся разобраться в прецедентах увеличения такой «емкости».

Развитие инфраструктуры потребления в контексте развития города можно описать как переход от одной ситуации, в которой инфраструктура потребления обеспечивает реализацию одной нормы потребления, к ситуации, когда инфраструктура потребления обеспечивает реализацию двух различных норм потребления (рис. 1).

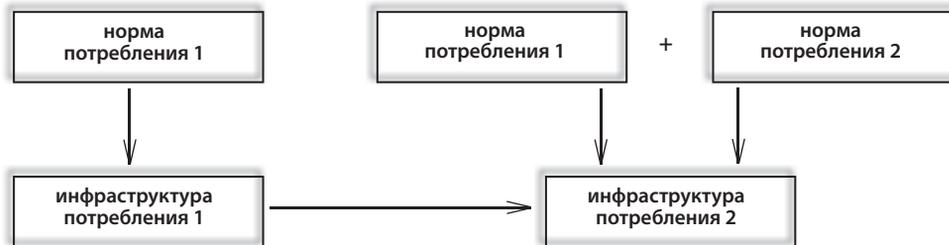

Рис. 1. Модель развития инфраструктуры потребления

Такая схема иллюстрирует идеальную ситуацию, где появление «другой» нормы потребления сопряжено с возникновением адекватной инфраструктуры, обеспечивающей ее реализацию, т.е. сохраняется соответствие между потребностями и возможностями инфраструктуры потребления. Однако в городах, которые мы посещали во время экспедиций, мы чаще встречали ситуацию, в

которой появление новой нормы потребления не обеспечивалось соответствующей инфраструктурой для ее реализации, т.е. сфера потребления запаздывала по отношению к нормам потребления. Носителями новых норм попросту становились маргиналы или уезжали туда, где могли жить так, как считали необходимым (рис. 2).

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

Рис. 2. Запоздавающая инфраструктура потребления.

В качестве примера можно привести дискотеки в Чаусах. Их там две: одна расположена ближе к центру в РДК, а другая в «микрорайоне», в Доме молодежи. Та, которая в микрорайоне, выглядит привлекательнее (интерьер лучше, звук качественнее, светооформление и т.д.), но не продают алкоголь, нет боулинга или хотя бы бильярда, т.е. по сути это танцпол. Наверное, этого было бы достаточно в конце 80-х, но сейчас представления об отдыхе у современной молодежи другие, и отсутствие адекватной инфраструктуры развлечений нивелирует и те преимущества, которые есть. В итоге на эту дискотеку никто не ходит. Можно сказать, что возможности потребления, которые предлагает запоздающая инфраструктура, не обеспечивают потребительские аппетиты обывателей. Уровень жизни жителей малых

городов уже предоставляет финансовые возможности потреблять больше и уже сформированы большие потребности, а сфера потребления городов достаточно «мелкая». Поэтому для реализации норм потребления жители из городов с запоздающей инфраструктурой ездят в другие (более крупные) города. Например, из Дисны едут в Новополоцк, из Ивья в Лиду или Гродно, из Ганцевич в Барановичи, из Лепеля в Минск.

В противоположность запоздающей сфере потребления для городов третьей группы (по крайней мере, для некоторых из них) характерна упреждающая сфера потребления. Она имеет некоторую избыточность инфраструктуры по отношению к тем потребностям, которые имеются в актуальной ситуации (рис. 3).

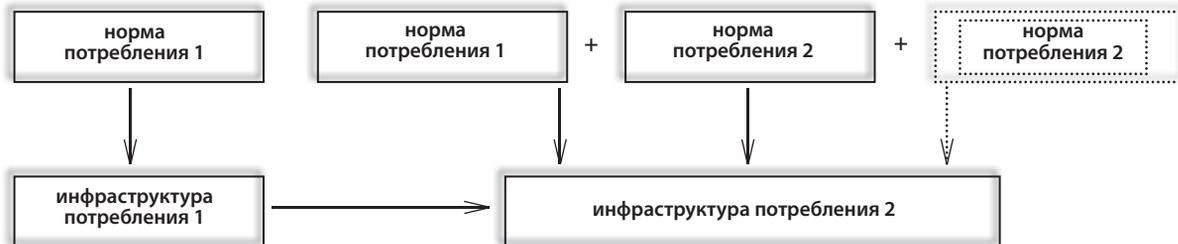

Рис. 3. Упреждающая инфраструктура потребления.

Это означает, что сфера потребления может рассматриваться как инфраструктура образов жизни, которых еще нет в актуальной ситуации. Самый яркий пример упреждающего потребления связан с бизнесменом Анатолием Бабичевым из Постав, который спонсирует местную футбольную команду и строит в городе современный стадион с искусственным покрытием. В настоящий момент Поставы не являются футбольным центром Беларуси, и там не собираются проводить крупные международные чемпионаты, т.е. объективных причин, для того чтобы строить в городе стадион европейского уровня в настоящий момент, нет. Стадион как элемент инфраструктуры обеспечивает реализацию потребностей, которые избыточны для актуальной ситуации Постав. И он строится не из потребностей актуальной ситуации, а, исходя из видения желаемого будущего, и является инструментом реализации будущего. Другими словами, стадион не для тех футболистов, которые уже играют в национальном чемпионате, а для детей, которые в будущем будут побеждать в соревнованиях.

Внешне похожая ситуация в Столине с теннисными кортами, которые тоже избыточны для города. Однако, при всем кажущемся подобии, имеет место существенное отличие от ситуации в Поставах. В Столине нет субъекта, который бы имел деятельностное отношение к культивированию новой нормы потребления, но есть материальный ресурс, предоставленный программой CORE. Поэтому, можно предположить, что построенные корты будут предоставлены сами себе, а их будущее использование будет

определяться структурой текущего момента. Не исключено, что, не дождавшись теннисистов, они станут, например, рынками, как иногда бывает с ледовыми аренами и стадионами. В Поставах же есть не только ресурс, но и некое стратегическое видение будущего, а главное есть субъект, у которого есть желание и возможности прямо здесь в Поставах строить ту жизнь, которая его устраивает.

Подводя итог, можно было бы выделить два принципа, которые способствуют развитию инфраструктуры сферы потребления в малых городах Беларуси. Первый — это принцип избыточности, суть которого в том, что для развития сферы потребления нужны некоторые свободные ресурсы или то, что мы называли излишками. А второй — это принцип наличия субъекта, имеющего деятельностное отношение к формированию новых образов жизни.

Дмитрий Галиновский

МАЛЫЕ ГОРОДА НА ФОНЕ КУЛЬТУРНЫХ КАТАСТРОФ

Рассуждая о проблемах малых и средних городов Беларуси, мы чаще всего говорим о наблюдаемых, очевидных тенденциях социального и экономического характера. Таких как, например, кризис промышленных предприятий, безработица, неразвитость инфраструктуры обслуживания и коммуникаций, депопуляция и т.п. Рецепты выхода из такой сложной ситуации, как правило, тоже прямо направлены на разрешение именно этих очевидных сложностей. Государственная комплексная программа развития регионов, малых и

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

средних городских поселений на 2007-2010 годы в основание предложенной полгтики кладет развитие производственных предприятий. В этом наблюдается поразительное единство представлений авторов программы с бытовыми воззрениями жителей малых городов Беларуси. В большинстве случаев на вопросы о существующих проблемах, в любой точке страны и независимо от относительного благополучия жизни в конкретном городе, вы услышите стандартный ответ о нехватке промышленных предприятий, о том, что старые советские заводы умерли, и неплохо бы их воскресить, а лучше построить новые. Интерес, впрочем, здесь вызывает не столько такое всеобщее единство стереотипов. Это как раз объяснимо. Советское образование и воспитание настолько прочно вбило в сознание производственный принцип организации жизни и деятельности, что другие возможные решение проблем просто нельзя помыслить. Важно, как раз другое: действительно ли мы имеем дело с относительно простым набором проблем, сводимых в представлениях населения и государственных чиновников к хозяйственно-экономическим, или кризис малых городов вызван иными более существенными и глубокими причинами?

Культурно-политический подход изначально предполагает иной способ представления проблем, предлагая обращать внимание не просто на видимую их часть, но на те структуры (организованности) мышления и деятельности, которые эти проблемы порождают. Собственно даже сами проблемы культурный политик размещает в мышлении, в пространстве идеального. В реальной деятельности мы имеем дело лишь с

затруднениями и преодолимыми препятствиями. И хорошо, если эти препятствия связаны только с ошибками и погрешностями в реализации, с неправильным исполнением нормативных предписаний культуры той или иной деятельности. Реорганизация деятельности, отладка систем производства и управления, позволяет относительно легко устранить наличные препятствия. Гораздо хуже, когда мы сталкиваемся с воплощенными в реальности пороками культуры мышления, зачастую связанными с попытками реализации устаревших, архаичных культурных норм в новой социокультурной ситуации. В таких случаях устранение препятствий не возможно путем корректировки «исполнительского мастерства». Необходимо разбираться с идеальными представлениями, моделями и образцами культуры, организующими нашу жизнь и деятельность. В случае малых городов Беларуси проблема видится именно в наличии глубинных культурных разрывов, которые, в свою очередь порождают большинство видимых пороков, разъедающих сущность современного белорусского города.

Фрагментарность культуры. Значение культурных разрывов в жизни городов.

Историк-урбанист Захар Шыбека утверждает, что в Беларуси не сложилось городской культуры и городского образа жизни в привычном западно-европейском понимании. С ним можно согласиться, но лишь с упором на словосочетании «западно-европейский». Так или иначе, сегодня жизнь в городе организована, и организована каким-то комплексом норм культуры, пусть даже это

недо-городская или совсем не городская культура. И нам нужно как-то содержательно обозначить то, что представляет собой этот комплекс. Становление современной культуры (нормативной системы организации жизни и деятельности) белорусских городов не единовременный, а длительный исторический процесс. А значит, можно генетически проследить её формирование.

Рассмотрим это на характерном примере из экспедиций. На Западе Беларуси, у самых границ Беловежской пущи, находится город Каменец. Город впервые упоминается в летописных источниках с 1276 году. Более чем 730 лет истории город стал свидетелем многих исторических событий. По сей день в городе сохранилось значительное количество архитектурных памятников разных лет: от знаменитой Белой вежи 11 века, до городской застройки 19 — начала 20-го веков. Но, пытаясь восстановить целостную историю Каменца вы найдете как минимум три-четыре разные версии. Официальная современная версия исторического прошлого г. Каменца состоит как бы из двух основных частей: первая часть — от древнего мира до конца существования ВКЛ, вторая часть — от 1939 года, года включения Каменца в состав БССР, до настоящего времени. Остальные исторические факты — маргинальные. Официальная версия истории более-менее будет корреспондировать с *«адраджэўскай»* версией, естественно, с некоторыми кушорами. Существующая польскоязычная версия истории города отражает совершенно иной исторический период — с конца существования ВКЛ до 1945 года, и преимущественно сосредотачивается на героических моментах истории, связанных с Каменцем, — войнами, жизнью и

деятельностью польских культурных героев и т.д. Интересно, что в этой версии ничего не говорится о периоде с 1795 года (Второго раздела Речи Посполитой, после которого Каменец был включен в состав Российской империи) до 1919 года, года восстановления Второй Речи Посполитой. А что было в этот таинственный период с конца 18 века и до 1919 года, который выпадает из рассмотрения двух предыдущих версий? Об этом упоминается в третьей версии истории Каменца — еврейской. Именно в это время основное население города составляли белорусские евреи, сформировавшие собственную культуру, городскую историю и, во многом, современный архитектурный облик центра города. Подавляющее же большинство современных жителей города Каменца не владеют ни одной из упомянутых исторических версий, их история и того короче: собственная биография и биография предыдущего поколения.

Можно, конечно, в очередной раз посетовать на *«несфармаванасць беларускай нацыі»*, *«страту гістарычнай свядомасці»* и т.д., но дело здесь не только в этом. Физическое пространство города Каменец представляет собой напластование разных культурных слоев: культуры ВКЛ, культуры Речи Посполитой (и первой и второй), культуры белорусских евреев, советской культуры. Случай Каменца типичен для большинства малых городов Беларуси. Планировка центра города — торговая площадь, сохранившая отпечаток старого города, храмы, монастыри и шляхетские замки ВКЛ и Речи Посполитой, еврейская застройка и культовые постройки 19-20 века, еврейские и военные кладбища, памятники «польскага часу» — все это материальное выражение культур ставших,

развивавшихся и пришедших в упадок на нашей земле.

Но как это слоистое устройство отражено в реально существующем порядке, организующем отношение жителей и администрации к городскому пространству? Что из этого сохранилось в современной культуре? **Ничего.** Или практически ничего. Культурное содержание прошлого выхолощено из оставшихся материальных артефактов городского пространства. Это пространство не осмысленно современниками, а значит, оно не имеет цены, и по большому счету не может быть нормально (культурно) освоено. Поэтому можно каменную синагогу в г.Высоком разбирать на камни, подпирающие хилый забор; и можно историческое здание в Ивье считать грудой строительного мусора, которое портит вид города; можно старинный католический храм в Мстиславе оставлять гнить без крыши. Все это можно не потому, что беларусы бескультурные люди. Просто это такая культура. Материальная, овеществленная в памятниках и исторических артефактах культура разрушается потому, что та невещественная культура (нормы культуры), которая стояла за созданием этих памятников, утрачена. Нет, конечно, она в каком-то урезанном виде транслируется, перепечатывается в альбомах фотографий, консервируется и музеефицируется в мертвых памятниках. Но она исключена из реализации, она отсутствует в реальных процессах жизни и деятельности современного города. Проще говоря, сегодня эта овеществленная культура (материальный знак нематериальной культуры) никому не

нужна, от неё нет пользы. А вот вред ощутимый: хранить это дорого, эксплуатировать — еще дороже.

Существующая культурная ситуация беларусских городов есть результат серии культурных катастроф, которые пережила Беларусь²². В результате этих катастроф разом уничтожались носители доминирующей культуры: магнатерия как носитель культуры ВКЛ, шляхта как носитель культуры Речи Посполитой, евреи как носители городской культуры, поляки как носители польской национальной культуры в Западной Беларуси. Современная беларусская культура имеет лишь очень и очень опосредованную связь с этими культурами. То, что осталось в виде наследия иных культур ценности в современной культуре не имеет. И если для малых городов мы будем говорить о том, что никакой связи нет, то мы не сильно погрешим против истины.

Назовем такую культурную ситуацию **ситуацией культурных разрывов.** Сегодняшние проблемы города не в последней степени порождены именно этим обстоятельством. Разрывы в культуре приводят к отчуждению населения от городского пространства. Город устроен сложно, слоисто, тогда как современная культура «снимает» только один срез, один слой этого пространства. Видимое пространство современного беларусского города — плоское. Сегодня оно состоит только из объектов жизни и деятельности населения, находящихся в использовании: мест работы (заводы, государственные учреждения, учреждения обслуживания населения и т.п.), мест проживания (дома,

²² Мацкевич В. История национальных отношений на фоне культурных катастроф // Белорусский климат. 1997. №4.

общезития, коттеджи), мест проведения досуга (кафе, бары, бани), сопутствующих жизни или деятельности мест (банки, детские сады, школы), мест реализации доминирующего образа жизни (дача, водоем в городе или вблизи него), ритуальных пространств (церковь или костел, актуальное кладбище, памятник Ленину и неизвестному солдату, мемориалы воинам-интернационалистам)²³. Остальное как бы выпадает из поля зрения, не замечается, не используется (или используется фрагментарно²⁴). Но этот остаток — собственно то, что создает специфику городского пространства и города как такового. Иначе вообще нельзя найти отличий между жителями Каменца и жителями Мстислава, т.к. они живут в унифицированном наборе жизнедеятельностных структур. А кроме того, с исключением культурного остатка, становиться не о чем заботиться и нечего любить в своем городе, ничего не надо выращивать и культивировать. Все то же самое можно найти в любом другом месте.

Сказанное относится не только к материальным образцам культуры прошлого. В полной мере разрывность присутствует и в отношении к современному культурному производству. Ничего нового в городской культуре не появляется не потому, что этого совсем нет в белорусских городах. Оно может и быть, но при этом оставаться неизвестным жителям города, поскольку не попадает в

доминирующую картину устройства города²⁵. Так, за её рамками остаются неформатная молодежная культура (рок-музыка, субкультурные группы), начинания энтузиастов-профессионалов (интеллектуальные игры, новые способы организации досуга), попытки организации общественной активности и демонстрации иных образов жизни, пробы эстетизации городского пространства и т.п. Все, что производится в рамках этой неформатной культуры исчезает вместе с её носителями: рок-музыка уезжает вместе с молодежью, а общественная активность «загибается» вместе с уставшими от вечной борьбы активистами. Новый культурный слой не накапливается, т.е. ситуация культурных разрывов воспроизводится только уже в меньших исторических и пространственных масштабах. Сегодня нет необходимости физически уничтожать носителей альтернативной культуры, т.к. шансов на реализацию этой культуры нет, по крайней мере, вне сфер активности одиночных «чудиков» и групп маргиналов нет.

Главный вывод, который следует из предложенных выше рассуждений довольно жесток: **беларусские города разрушаются и будут разрушаться, потому что это ничьи города**. Проблема не будет решена до тех пор, пока не будет преодолено отчуждение жителей города от городского пространства. И это вопрос не изменения производственно-хозяйственной структуры, а вопрос

²³ Вообще интересно все-таки попробовать провести исследования по картированию городского пространства жителями. Что они будут рисовать?

²⁴ Частый случай — исторически значимое здание было передано советскому учреждению (дому культуры, школе, больнице и т.п.), затем это учреждение перевели в новое здание, при этом старое осталось ничейным, просто заброшенным.

²⁵ Более подробно об этом здесь же: Шелест О. Пространство коммуникации в малых городах: формы, каналы, барьеры

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

присвоения жителями культуры и, через присвоение культуры, овладения пространством города. Можно обнаружить спонтанные попытки такого присвоения: в Несвиже дети, замечая, что у туристов нет гида, предлагают провести для них экскурсию по территории усадьбы Радзивиллов. Т.е. они на собственном культурном капитале (знании истории своего города) и наличных артефактах в виде сохранившейся архитектуры зарабатывают карманные деньги. Невидимое ранее пространство, место которого нет («утопия»), начинает осваиваться, употребляется в деятельности, и через это начинает быть заметным.

Это единичный и даже случайный факт, но его можно рассмотреть как модель. Необходимо освоить пространство жизни через присвоение всей той культуры (или культур), которая (-ые) это пространство и сформировала (-ли). Это есть освоение всей полноты белорусской культуры: белорусской ВКЛ-овской культуры, белорусской польской культуры, белорусской еврейской культуры, белорусской русской культуры, белорусской советской культуры, белорусской современной культуры. Необходимо принятие всего этого сложно-слоистого её устройства. Вопрос сохранения наследия и развития малых городов Беларуси — это вопрос белорусизации культурного и физического пространства города. И не в последнюю очередь такая политика может быть экономически выгодной, причем не только из-за туристического потенциала. Такой шаг открывает возможность привлечения богатейшего потенциала инвестиций израильтян и поляков в культурно своё для них пространство.

Андрей Егоров

ОБРАЗ МАЛОГО ГОРОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ

Оправляясь в каждую следующую экспедицию, нас интересовало, что и как люди думают о своем городе. Ответы на вопрос «**что?**» — позволяли получить какую-то непосредственную информацию, знания о городе. И эти рассказы были одним из источников информации о городской жизни, наряду с собственными наблюдениями, опытом проживания и взаимодействия, а также сведениями из открытых источников. А вот то, **как** думают о городе, дает информацию совершенно иного рода — информацию о способах восприятия своего города, о категориях в которых он мыслится. Можно предположить, что в этих категориях и способах оперирования ими проявляется то **понятие и норма «малого города»**, которое реализуется в современной Беларуси.

Можем ли мы сформулировать это понятие как единое для всей Беларуси? Или оно отличается в отдельных городах, регионах или группах городов? В ходе экспедиций мы отмечали, что в рассказах местных жителей есть нечто, что совпадает практически везде вне зависимости от того, куда приехали. В то же время встречаются некоторые типичные, но не повсеместно распространенные случаи восприятия своего города, а есть и совершенно уникальные прецеденты. Отдавая себе отчет в ограниченности выводов, все же предположим, что *есть некое общераспространенное понятие о городе*, которое задает определенное единство и способ представления малого города в современной Беларуси. Это, так сказать, «стандарт».

Разнообразие же в представлениях, наблюдаемое нами, характеризует наличие

дополнительного понятийного содержания. А значит и дополнительные возможности мышления о городе и действия в нем и по отношению к нему. Такое дополнительное содержание понятия город может быть сходным (типичным) для нескольких городов, которые оказываются в неких сходных условиях или ситуациях. Оно может быть и уникальным. Кроме того, внутри одного города может наблюдаться большая или меньшая гетерогенность.

Наша задача состоит в том, чтобы описать существующий стандарт, а также те возможные отклонения от него, которые позволяют намечать потенциал и пути развития и изменения того представления о малых городах, которое сейчас транслируется и реализуется. Материалом для анализа не только того, что, но и как люди думают о своем городе, выступали рассуждения о своем городе и микронarrативы, рассказы о нем.

152

«СТАНДАРТ» ПОНЯТИЯ ГОРОД

Понимание того, что существует некий стандартный способ описания своего города, который базируется на неявных, но вполне определенных представлениях о сути таких поселений как малые города, появилось уже после нескольких экспедиций. Когда оказалось, что первой называемой городской проблемой является безработица (причем как в Ганцевичах, где ее действительно озабочены даже по официальной статистике, так и в Березе, где по той же статистике все очень хорошо, да и предприятия там работают), сразу вспомнились разговоры о «разорванных связях», которые выступали объяснением на все случаи жизни в постперестроечный

период. В том же духе были одинаковые рассказы о путях развития — «открытие/возобновление производства», о предметах гордости горожан — «образцовые коллективы» и «чистота и порядок на улицах», о городских праздниках и т.д.

Необходимо было найти источник такого единообразия. Каркас наиболее массовых представлений о городе базируется на наборе критериев выделения города как единицы, и, прежде всего, единицы территориально-административной. Этот набор в самой лаконичной форме зафиксирован в законодательных документах. Исторический анализ изменения критериев в присвоении статуса города поселениям на территории Беларуси мог бы позволить более обоснованно и глубоко разобраться в том, как сегодняшние критерии складывались. Пока мы можем лишь фиксировать некоторые моменты.

*Закон Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. №154-З «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь»**

Статья 5. Критерии отнесения населенных пунктов к категориям

Населенные пункты Республики Беларусь относятся к определенным категориям в зависимости от:

- численности проживающего населения;*
- уровня развития и специализации производственной и социально-культурной инфраструктуры;*
- государственных функций, осуществляемых на соответствующей территории.*

* По состоянию на 5 декабря 2007 года.

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

Соответственно формулируются и типология городов, в которой даже названия этих типов подчеркивают административно управленческий принцип. В частности, большинство городов, которые мы посетили, определяются следующим образом:

— города районного подчинения — населенные пункты с численностью населения свыше 6 тысяч человек, имеющие промышленные предприятия, сеть учреждений социально-культурного и бытового назначения, с перспективами дальнейшего развития и роста численности населения.

На этой трактовке строится общая система представлений о том, что есть малый город и что в нем должно быть. Понятно, что законодательство напрямую не может создавать образ города в глазах его жителей. Но этот «каркас» многократно тиражируется в различных вариациях. Программы и прогнозы социально-экономического развития малых городов, разработка социальных стандартов, которые закладываются в эти программы, опираются на законодательно-закрепленное понятие города. Обрастая фактурой показателей, они переносятся не только в планы и отчеты местных властей (а значит и в их действия), но и в средства массовой информации. По этим показателям меряется степень развития города, его движение вперед или назад. Так задаются критерии для того, чтобы определять, что есть благо для города, а что нет, в чем кроются проблемы и какие есть варианты их решения. Они же формируют критерии для составления исторической ретроспективы города в музеях и на уроках в школах.

В соответствии с таким понятием история города выстраивается вокруг смены или

сохранения его административно-экономического влияния, а те страницы жизни города, которые не соответствуют такому магистральному направлению, либо остаются факультативными. Из музеев и книг «Память» данные представления перекочевывают уже в качестве оснований для организации массовых мероприятий в городе или районе. Причем они служат ориентирами, как для выбора дат, так и для выработки организационных принципов. Например, все самодеятельные конкурсы организованы по производственному принципу: завод с заводом, колхоз с колхозом, район с районом. Праздники города повсеместно совпадают с датой освобождения Беларуси или района. Обыватель окружен смыслами, производными от этого нормативно-правового понятия, со всех сторон: на учебе, дома, на работе, во время отдыха.

Дополняют этот каркас представлений положения законодательства о местных органах управления и самоуправления. По нормам закона некое поселение признается городом с точки зрения административного и социально-экономического статуса, и уже как управленческое звено в территориально-административной структуре обязано иметь местный городской совет депутатов и исполнительный комитет. Местные органы самоуправления и управления не являются критерием получения статуса города. И даже когда они созданы, они не становятся реальным элементом самоорганизации городской жизни. В итоге малые города не воспринимаются в качестве самостоятельных субъектов политического пространства страны. Они не имеют своего голоса просто потому, что нет такого органа, где бы этот

голос мог звучать. Этот принцип был доведен до крайнего своего выражения после 1995²⁶ года, когда большая часть городских советов и исполкомов в малых городах были упразднены. Город, который является районным центром, сливается со своим районом как одна административная единица и органы управления у них одни. Специально для города ни свой совет, ни исполком не нужен. Городские органы управления и самоуправления остались только в тех городах, которые не являются центрами административно-территориальных единиц. Таким образом, городское самоуправление, даже в виде местных советов, не входит для беларусов в современное понятие города.

ОТРАЖЕНИЕ «СТАНДАРТА» В МИКРОНАРРАТИВАХ ГОРОЖАН

154

Понятие малого города реализуется в восприятии своего города, отношении к нему.

1. Стирание грани между городом и районом. Город, особенно если это районный центр, представляется как место, где сосредоточена районная власть и концентрируются административные, экономические, финансовые и социальные ресурсы. Этим практически и определяется отделение города от окружающих деревень и сел. Нередко он вообще не мыслится и не воспринимается отдельно от всего района. Они сливаются, прежде всего, в системе социально-экономических показателей и разного рода «культурных» достижений. Как в статистической отчетности, так и на

страницах местных газет граница между районным центром и районом не проводится, поскольку отдельных показателей по городу нередко просто нет. Соответственно «город» как отдельный объект очень часто исчезает из представлений людей: как государственных управленцев, так и обывателей. Мы не раз встречались с таким фактом: в ответ на вопросы о проблемах в городе, нам начинают рассказывать о районе. То же касается истории, знаменитых людей, знаменательных событий и т.д. Причем этот переход практически не осознается. Наиболее ярко это проявляется в городах, которые получили статус города относительно недавно (уже в советские времена) и, так сказать, не имеют иного опыта или прецедента получения такого статуса на основаниях иных, нежели административно-экономические. Поселки или деревни, ставшие городами в силу более удобного расположения управляющего центра — транспортные пути, большие предприятия, образовательные учреждения и т.д. — в наибольшей мере реализуют данное понятие и мыслят себя именно как райцентры. Верхнедвинск, Кличев, Ганцевичи, Житковичи, Столин — одни из самых «районных» городов.

2. Формализация истории. Можно выделить несколько стандартных способов предъявления исторической ретроспективы малых городов. В развернутом виде они представлены в книгах «Память», которые являются наиболее полным общедоступным источником исторических сведений. Кроме того, что они сосредоточены на районах (и городская история рассматривается сквозь

²⁶ Указ Президента Республики Беларусь, от 20 октября 1995 г. N 434 «Об объединении административных единиц Республики Беларусь, имеющих общий административный центр».

историю района), они имеют и единую структуру глав (историческую периодизацию) и даже очень сходное соотношение печатного места для каждого из исторических периодов²⁷.

Уже в редуцированном виде эта история предстает в микронарративах о своем городе. В них мы встречаем обязательное упоминание о древности либо города, либо района (в тех случаях, когда о городе этого сказать нельзя). Причем чаще всего без какого-либо содержательного наполнения этой древности. Даже там, где сохранились материальные свидетельства (памятники архитектуры, курганы) они редко идентифицируются, точно опознаются и правильно называются местными жителями. За подробностями обычно отсылают в музей или к местному краеведу. Вклад в знание о древнем происхождении вносит распространяющаяся традиция празднования сколько-то-летия города. Поскольку эти праздники используются городскими властями в основном для привлечения республиканских средств, то и жители города воспринимают их, прежде, всего как повод для чего-то другого — развлечения, отдыха, наведения порядка, появления новых объектов и т.д.

Сложности и перипетии жизни малых городов в период ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, а также революционных времен практически отсутствуют в обыденных представлениях. Причем это касается людей самых разных занятий и социальных слоев: работников сельского хозяйства, предпринимателей, и

местной интеллигенции. Исключение составляют либо те, кто профессионально связан с историей, либо краеведы-любители. К ним и оправляют обычно за ответами на вопрос о том, что здесь было до того, как вы себя помните.

Историческим моментом обязательной фиксации является Великая Отечественная война, причем упоминается она обычно в двух контекстах. Во-первых, статус партизанского края, который культивируется во всех без исключения городах и по значимости в образе города перебивает все предыдущие исторические события. В этом смысле можно отметить Лепель и Ивье. При этом знание о военном времени и партизанском движении также формальное, но о нем напоминают имеющиеся в каждом городе мемориалы.

Второй контекст, в котором война играет важную роль в истории города — это факт кардинальной (а иногда и полной) смены состава населения города: уничтожение евреев, которые составляли подавляющее большинство населения до войны, и заселение города жителями окружающих деревень или приезжими. Такое упоминание — это в первую очередь объяснение отсутствия корней в городе и вместе с ними интереса к самому городу, несохранившейся памяти о том, что есть что.

Послевоенная, советская история — это история в основном административно-производственная. Факты смены статуса города или границ района, появления крупных предприятий и их упадка в постсоветские времена, размещение крупных

²⁷ Способ составления серии книг «Память», заложенные в них принципы исторической периодизации и представления материалов, которые считаются более или менее значимыми, требует отдельного рассмотрения.

военных баз и их расформирование. Другого рода факты в современной истории города практически не встречаются.

3. Городские достопримечательности.

Среди описаний современной жизни малых городов на первое место выходят разного рода социально-экономические показатели, вне зависимости от того, позитивно или негативно они характеризуют ситуацию: самая высокая безработица (Ганцевичи), самое плохое медицинское обслуживание (Верхнедвинск), самое большое число предпринимателей (Глубокое), строящийся бассейн (Ивье). В отдельных случаях в эти характеристики включаются особо выдающиеся культурные успехи — известный хор (Туров), фестиваль общереспубликанского масштаба (Поставы), очень известный в регионе фестиваль (Давидгородок) и т.д. Конкретный выбор зависит от того, с кем разговариваешь и его настроенности видеть позитив или негатив. Но круг категорий довольно ограничен и практически совпадает с категориями отчетной документации.

Еще одним ориентиром в современной жизни городов является проведение мероприятий общереспубликанского масштаба — для малых городов это, в первую очередь, *«Дожинки»*: *«у нас были Дожинки»*, *«у нас планируются Дожинки»*, *«Дожинки были у соседей, а у нас не было и вот можно сравнить»*, *«если бы у нас были Дожинки ...»* и т.д.

Особый вопрос — это рассуждения о внешнем виде города.

Во-первых, это одна из наиболее важных характеристик в представлениях о городе вообще. Вероятно, при столь ограниченном содержательном насыщении образа города, активно включает в себя визуальные

компоненты. Следует отметить, что общая государственная стратегия развития городов уделяет большое внимание обустройству городов, созданию благоприятной среды. Эти стратегические установки обеспечивают не только важность внешнего вида города, но и дают основные категории, в которых описывается городская среда. А именно, они задают общераспространенные представления о красоте и объектах, достойных созерцания. В малых городах, пожалуй, более чем где-либо в других местах, ярко проявляется замена эстетических категорий категориями санитарно-гигиеническими (красиво = чисто) или категориями удобства, порядка, новизны и выполнения норм человеческого существования (красиво = благоустроено). Таким образом, вопросы красоты фактически вытесняются иными категориями восприятия. Поскольку соблюдение санитарных норм и благоустройство идет по определенным стандартам, то и города в своем стремлении к «красоте» начинают походить один на другой и внешне, и в описаниях местных жителей, теряя своеобразие, прежде всего, в своих собственных глазах. В эстетическом отношении к городу превалирует стратегия достижения (также как у кого-то из соседей, или как в столице), а не выделения, подчеркивания уникальности. Люди гордятся чистыми улицами, парками, оформлением стандартными «малыми архитектурными формами», фонтанами, новыми типовыми зданиями и прочим, и не обращают внимание на полуразвалившиеся дореволюционные дома, на организацию пространства площадей и т.д.

Исключением остается, пожалуй, только природа: как в самом городе, так и в окрестностях.

4. Деиндивидуализация городов.

Опора на представление о городе как о некой стандартной единице приводит к тому, что у местных жителей теряется восприятие уникальности их собственного поселения. Города отличаются друг от друга не чем-то особенным, а показателями, которые достигнуты. Рефреном в каждом городе звучало: *«у нас также, как и везде»*. При этом то, что является стандартным, принимается за уникальность. В каждом городе нам обязательно рассказывали о том, что в отличие от других мест здесь до войны жило 70-90% евреев. И с удивлением узнают, что это общая характеристика вообще большинства городов в Беларуси. Но, например, такая индивидуализирующая вещь как наличие в городе большой татарской общины, сводится в общегородском сознании до банальных «благополучных межнациональных отношений».

Это распространяется и на отношение к отдельным горожанам, которые могли бы олицетворять собой малый город не по долгу своей службы (представители власти, или профессиональные работники культуры и т.д.), а по каким-то иным критериям. Однако, практически везде нам приходилось долго объяснять, что значит важные или значительные люди в городе, с которыми мы хотели бы встретиться.

Единственными приемлемыми формами индивидуализации являются элементы внешнего вида, памятники архитектуры (костелы, церкви), природные объекты (озера, реки и т.д.). Все, что может иметь в себе живое начало — люди, сообщества, целые города как исторические субъекты — не попадает в пространство стандартных представлений.

5. Отстраненность от течения жизни. В

рассказах местных жителей город традиционно предстает как некая среда обитания. Течение жизни здесь подвластно внешним силам, либо персонифицированным во власти (будь то местная, областная или национальная), либо неперсонифицированным объективным политическим, экономическим, а то и природным процессам. Город четко поделен на власть, которая осуществляет управление и на тех, кто находится под ее опекой, заботой или же давлением, прессом. Эти проявления в восприятии своего города делают рассказы жителей городов однообразными и довольно безжизненными. Важно, что они определяют и отношение человека к городу как внешнему, неодушевленному предмету.

НЕСТАНДАРТНЫЕ МИКРОНАРРАТИВЫ —
«ЖИВЫЕ ГОРОДА»

Описанные выше способы восприятия своего города встречаются практически во всех городах. Но наряду с ними мы встречали и другие формы представления своего города. Иногда это были отдельные люди или небольшие группы, которые сильно выделялись на общем фоне (Ганцевичи, Чаусы). Иногда нестандартные формы восприятия характеризовали целые города или, по крайней мере, достаточно большое число горожан, чтобы это стало заметным невооруженным глазом (Поставы, Глубокое, Туров). Главное отличие от стандарта можно было бы охарактеризовать через восприятие города как некоего живого целого, способного на действия и реакцию, имеющего собственную уникальность, историю, волю, отношения с окружающим миром.

Город становится действующим субъектом в городских нарративах, когда он вступает в борьбу за свой статус или те или иные блага. В ходе этой борьбы начинает складываться новый образ. Этот феномен мы спонтанно назвали «эффектом долгоносика», который по анекдотам был причиной всех колхозных неурядиц. В борьбе с такими воплощениями если не мирового, то локального зла нередко выстраивается представление о городе, в эмоциональное и деятельностное единство которого может включаться каждый житель.

Конкуренция или борьба за статус.

Представления о своем городе и категории, в которых о нем мыслится, меняются, когда у города обнаруживается четко идентифицируемый оппонент, который может рассматриваться как конкурент или даже враг. Самым ярким примером такого эффекта может быть назван Туров, который еще в 1962 году, в ходе административно-территориальной реформы потерял свой статус райцентра, а вместе с ним и все распределительные и административные блага. Райцентром стали Житковичи. Нам не известно, какими были представления туровцев о своем городе до этого. И есть все основания считать, что именно здесь действовали и другие факторы сохранения совершенно иного способа мышления о своем городе. Однако ситуация конкуренции с Житковичами внесла живость и актуализировала весь потенциал этого небольшого города. И именно эта конкуренция является сейчас основным мотивом в рассказах о нем.

В такой ситуации в представления о городе добавляется история борьбы, полная драматических особенностей, которые

переживаются горожанами как свои. Город в рассказах о нем становится как бы живым и обретает субъектность — он чего-то хочет, добивается, терпит поражения или побеждает, он строит планы. В ходе такой борьбы происходит идентификация жителей с городом и отграничение от остального населения района. Обычно такие представления захватывают практически все население города и в большей или меньшей степени они присутствуют их в рассказах.

Чуть менее выражено этот же фактор действует и в Давид-Городке, который в ходе территориально административной реформы утратил свой статус в пользу Столина. Каменец, оставшись райцентром, все же обездолен, с одной стороны, деревней Каменюки, в которой размещен центр Беловежской пушчи, с другой стороны, Высоким, где наблюдается производственный подъем за счет иностранных инвестиций в предприятия. Надо сказать, что время, так сказать работает на «нестандартные нарративы», в смысле их формирование требует времени. Ситуация в Каменце недавняя, поэтому, хотя лейтмотив конкурентов уже довольно четко обозначился, сам образ города в отношении с этими конкурентами пока слабо сформирован.

И хотя обычно поводом выступают распределения административных ресурсов или статусов, они переживаются вполне субъективно жителями города, поскольку обычно именно они являются обоснованием всех неурядиц, неудобств повседневной жизни и т.д. Вопрос уже состоит не в сравнении выполнения показателей, а в обосновании права города на обладание заветным статусом. Но поскольку, перераспределение статусов в свое время

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

было произведено, исходя из стандартных критериев, то апелляция к ним не эффективна. В итоге горожанам приходится искать, вспоминать, восстанавливать или придумывать иные основания для получения прав и статуса, которые подтверждают их значение как города. Нельзя сказать, насколько содержательно адекватны такие представления, например, идея города, но для нас важно отметить хотя бы наличие и возможность появления иного, нестандартного понятия.

«Связь времени». Историческая разорванность и формальность, которую мы отмечали в «стандартных» представлениях о малом городе может преодолеваться, если не за счет восстановления всей цепи событий, то через *включение отдельных исторических фактов или периодов в актуальное понимание современной жизни города*. Обычно это происходит там, где прошлое более славное, чем настоящее. Но далеко не все действительно древние города пользуются такой стратегией. Если сравнить Туров и Мстиславль, то первый самым активным образом использует свой прежний статус и историческую претензию, а во втором лишь припоминают о своей древности. В чем же состоит былая слава, знают только отдельные мстиславльцы, но даже для них это лишь былая слава, не имеющая отношения к настоящему. Она скорее предмет ностальгии, нежели элемент современной жизни. Стратегия втягивания прошлого в настоящее осуществляется, когда история восстанавливается, пусть только в каких-то элементах, чтобы стать важным содержательным компонентом в обосновании актуальных претензий на что-то, в создании имиджа города и т.д. За счет восстановления такого единства прошлого, настоящего и

нередко будущего (в виде планов или претензий), город как бы восстанавливает свою целостность, перестает быть территорией, на которой что-то происходило, а становится субъектом, с которым что-то происходит. Попытки таким образом «собрать» свою историю мы наблюдали в Дисне. Там такая задача напрямую связана с возможностью выживания города, остановки его окончательного разрушения.

Для запуска такой стратегии в городе должно сойтись два условия. С одной стороны, он должен стать совершенно бесперспективным в отношении экономического или административного функционирования. С другой стороны, в городе должны найтись люди, которые заинтересованы в сохранении города и имеют к этому деятельностное отношение. Втягивание истории в современный образ города, чаще всего необходимо, чтобы оправдать его статус и значение, даже в условиях бесперспективности в рамках традиционных, стандартных схем. Обычно это используется под разворачивание альтернативных инвестиционных проектов. При этом энтузиастам спасения города очевидно, что новые представления о нем должны быть массово распространены среди городского населения.

История города — личная история. Еще один тип нестандартного микронарратива рождается при взаимопроникновении личной истории и истории города, когда собственная биография человека или история его семьи увязывается с городскими событиями, местами, зданиями. Выражается это в рассказах о городе через рассказы о жизни, поступках своих родителей, дедушек и бабушек или еще более далеких предков.

Такой способ представления города, безусловно, не может распространяться на всех жителей города, тем более, что смена состава населения после войны в некоторых городах достигала практически девяноста процентов. Чаще это индивидуальные формы восприятия. Но тем не менее, нам встречались города, Глубокое в частности, где такая форма отношений с городом представлена довольно широко. Она становится некоторой нормой, традицией для данного города. Такая тесная увязка втягивает в стандартный образ города разного рода оживляющие его подробности, которые обычно перерастают в городские байки. И эти байки актуализируют совершенной иной ракурс жизни города, в нем восстанавливаются те моменты, которые были значимы когда-то для горожан и в качестве таковых передаются следующим поколениям. Тогда как стандартная история накладывает свой трафарет на разнообразие и значимость городских событий. За счет такого высвечивания в представления о городе попадают новые категории, которые обозначают важное в жизни именно этого города. Когда такие представления становятся довольно распространенными и иногда возникают забавные эффекты, вроде «восстания еврейской крови во втором поколении» в Глубоком.

Сама возможность таких представлений напрямую связана с оседлостью населения. Чем больше поколений семьи живет в одном городе, чем глубже и динамичней образ. За счет такого способа представления города он наделяется индивидуальностью.

Город как пространство деятельности.

Восприятие города и отношение к нему может строиться вокруг ощущения себя активным и деятельным субъектом городской

жизни. В таких случаях сам человек или группа людей задает каркас, вокруг которого выстраиваются представления о городе. Эти представления также отличаются от стандартных, как отличается научное объективное описание дерева и описание того же дерева человеком, который собирается сделать из него Буратино.

Это, пожалуй, наиболее редкий тип микронарратива, он встречается у отдельных людей, которые имеют по отношению к своему городу цели, планы и выстраивают перспективы (Петр Гузаевский в Ганцевичах, ксендз Гжегож в Чаусах). В лучшем случае представления о городе лишь включают в себя элементы деятельностного отношения, поворачиваются под другим углом. Меняется в основном отношение к происходящему: от естественно и внешне данного к сделанному, а значит и подлежащему изменению. Далеко не в каждом городе вообще такие люди есть. Но есть города, где такое отношение становится если не нормой, то, по крайней мере, модой (Поставы).

Такой способ мышления опознается по некоторому «тереотизированию», когда о проблемах города или его особенностях строятся рассуждения. Причем в них ситуация не просто объясняется каким-то набором причин (обычно унифицированных), а производится ее анализ, который позволяет принимать решения о действиях. Сама история города, вне зависимости от ее длины, становится историей деятельности тех или иных субъектов: властей, других жителей города, внешних сил.

Этот тип микронарратива в перспективе в наибольшей мере противостоит «стандартному» понятию города, поскольку включает в себя принципиально

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

несовместимый элемент — действующего горожанина. Однако он пока наименее представлен, наименее развит и наименее отрефлектирован самими носителями. Более того, чтобы он развивался необходимо создание среды для его культивирования. Это может быть обеспечено либо некоторыми специфическими условиями, сложившимися в конкретном городе, либо общим движением белорусского общества к таким нормам демократической жизни, которые предполагают ответственность и активность.

Татьяна Водолажская

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ФОРМЫ ЖИЗНИ И ВЫЖИВАНИЯ

Одной из задач этих экспедиций было нахождение людей с активной жизненной позицией, людей непохожих на усреднённый типаж *«кожнага беларуса»*, людей *«желающих странного»*, которые могут быть душой города настоящими хранителями его традиций. Такими людьми определяется его будущее. Кто кроме них способен создать неповторимую атмосферу позволяющую отличать один маленький городок от другого, наполнить жизнью городские улицы и кафе, сохранить для будущих поколений архитектурный облик и окружающие природные ландшафты?

Во время предварительного сбора информации по каждому из городов, одним из наиболее доступных источников информации были наши связи в среде неправительственных организаций (НПО). Не было никаких проблем с поиском людей

имеющих отношение НПО — в любом из городов обязательно находились как минимум 2-3 таких контакта. Могло создаться впечатление, что сетка НПО вполне равномерно покрывает территорию Республики Беларусь. Однако такое впечатление, как показала практика, было обманчивым.

В нашу задачу не входил сбор статистики по ситуации в НПО. В экспедициях мы пытались понять, какое место занимают неправительственные организации в малых городах, могут ли они влиять на принятие значимых решений, какова динамика их существования и т.д.

Наиболее типичные общественные объединения в малых городах

Попытавшись систематизировать локальные НПО, мы довольно скоро столкнулись с проблемой. Много разного, что с большим трудом поддается какой-либо систематизации, ввиду своей разношерстности и сильной привязки к личности лидера. Наиболее чётко можно выделить три категории НПО наиболее часто встречавшихся в посещённых нами малых городах:

- Организации, специализирующиеся на сохранении того или иного вида наследия (культура, история, экология и т.д.).
- Организации, занимающиеся социальной работой.
- Организации, работающие с гражданской активностью (молодёжные, женские, правозащитные и т.д.).

«Сохранение наследия». Общественные объединения и инициативы, занимающиеся вопросами культурного, природного или

исторического наследия есть почти в каждом малом городе. Где-то они представлены в виде неформальной группы, как например в Каменце, где-то как НПО (Туров), где то они ушли под крышу средней школы (Сморгонь), где то даже существуют при местном музее (Чаусы, Давид Городок). Организационные формы весьма разнообразны: некоторые из этих инициатив имеют свои традиции и историю, передающуюся новым поколениям, некоторые так приспособились, что уже неотличимы от формального краеведческого кружка при музее, некоторые очевидно уйдут со сцены вместе с уходом лидера.

Несмотря на тематические и содержательные различия эти НПО занимаются практически одним типом деятельности — они восстанавливают и сохраняют нечто для будущих поколений. Некоторые организации даже совмещают экологическую и культурную деятельность («Женщины за возрождение Нарочанского края» (Комарово), «Земля предков» (Туров) и др.).

Главной особенностью подобного типа НПО является то, что они работают в «процессном» режиме, их задача сохранять. Но смысл решения этой задачи есть только тогда, когда сохраненное будет использоваться в какой-то другой деятельности — образовании, политике и т.д. Во времена создания и бурного расцвета такого рода организаций такая деятельность была возможна, сейчас практически нет. В результате такие организации часто становятся инструментом у более целеустремлённых структур (активистов переманивают на участие в выборах, сборах подписей и т.д.).

Еще один аспект деятельности такого рода организаций связан с тем, что эффективность их деятельности состоит в расширении круга людей вовлечённых в процесс сохранения. Однако ресурса местных НПО для этого не достаточно. В результате они замыкаются сами на себе и своём предмете деятельности, как бы консервируясь. У них хватает сил демонстрировать саму культурную норму — охранять наследие, а на ее распространение — нет.

Социальные НПО. В подавляющем большинстве случаев они состоят из мотивированных людей и имеют хорошую организационную структуру. Социальные НПО начали создаваться в 90-х годах для помощи социально незащищённым слоям населения. Людей собрала вместе или общая беда или сочувствие к людям, попавшим в тяжёлое положение. Эта сильнейшая мотивация привела к тому, что были созданы множество организаций занимающихся помощью инвалидам, детям, старикам и т.д. Наличие простых и понятных целей, а так же обширной поддержки из-за рубежа привело к созданию таких мощных организаций как, например, БелАПДИ²⁸, которая имеет около 65 филиалов в различных городах.

К сожалению то, что сильно мотивирует людей на участие в подобных общественных объединениях, так же сильно ограничивает спектр их возможных действий. Они активны в защите интересов целевой группы, но сами являются заложниками благополучия этих своих целевых групп. Например, они не могут позволить себе участие в совместных с другими НПО действиях, которые могут отрицательно сказаться на ситуации

²⁸ Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам.

защищаемых ими людей. Усугубляет ситуацию и то, что в отличие от 90-ых главным и часто единственным источником средств и услуг сегодня являются уполномоченные государственные структуры. Так как задача социальных НПО — аккумулировать ресурсы для поддержки социально незащищённых слоёв, то приходится принимать формы работы удобные для главного поставщика средств и услуг — государства. В начале 2000-х годов, когда государство начало программу создания местных центров социального обслуживания, в некоторых городах эти центры было решено создать на базе наиболее сильных местных социальных НПО. Им было предложено сменить статус с независимого на статус подразделения государственной системы соцобеспечения (ЦСОН²⁹), и многие организации не смогли отказаться от такого предложения и перестали существовать как независимые организации свободные в своём выборе средств реализации задач и достижения целей. В результате даже наличие хорошо развитой оргструктуры и высокая мотивация членов не делает социально ориентированные НПО влиятельными социальными субъектами. Большинство из них не имеют иного пути, как быть лояльными к властным структурам, поскольку любые конфликты сразу же ударят по их целевой группе. Им приходится подчеркивать своё отличие от других НПО, и позиционировать себя как полезные для общества и «не опасные для властей».

Сказанное касается общей тенденции в среде социальных НПО, но есть примеры организаций, которые сохранили свой

независимый и общественный статус. Столинскому отделению БелАПДИ в сотрудничестве с созданным на его базе социальным предприятием «Дорога в жизнь» на протяжении многих лет удаётся не только работать с целевой группой, не теряя своего независимого статуса, но и не исчезать с экрана местной жизни. Высочайшая мотивация людей, работающих в этой организации, помноженная на грамотную организацию работы позволяет им добиваться поставленных целей — социализации людей с ограниченными возможностями. Они избежали в своё время «присоединения» к местному центру социального обслуживания, нашли способ зарабатывать деньги без донорской помощи, нашли подход к местным предпринимателям для сбора пожертвований для их целевой группы, имеют в собственности здание, расширяют понемногу свою деятельность, и, что самое главное, активно участвуют в местных делах.

Организации, работающие с гражданской активностью. Самым сложным для описания являются организации, которые можно охарактеризовать как «занимающиеся поддержкой различных типов гражданской активности» или иногда используется название «организации гражданского общества» (ОГО). Сложность состоит в многообразии тем и форм их работы, а так же в том, что они находятся в самом сложном положении на сегодняшний день. Если первые два типа НПО могут работать, ориентируясь исключительно на свою целевую группу или объект деятельности, то осмысленная деятельность ОГО возможна только в условиях доступа к к широким слоям

²⁹ Центр социального обслуживания населения.

общественности. Они призваны оформлять (придавать форму) различным активным группам, желающим принять участие в решении каких-либо проблем и формировать базисный слой поддержки демократических процессов в Беларуси, так называемый «grass root level democracy» — буквально «уровень корней травы».

Основной расцвет деятельности подобных организаций пришёлся на вторую половину девяностых и шел под влиянием двух взаимоусиливающих процессов — участие в общественной жизни всё большего числа людей с активной позицией и поддержки этого процесса со стороны различных фондов.

Для многих пришедших в эту сферу людей подобная деятельность стала смыслом жизни и они уже не видят себя в какой-то другой деятельности, на другой работе. Когда в начале двухтысячных годов начались ограничения прав и притеснения для НПО, то для них проблема с деятельностью организаций стала фактически экзистенциальной проблемой, проблемой выживания. Сейчас им приходится выживать, и эта борьба за выживание поглощает большую часть их времени и сил, что приводит в результате к выхолащиванию содержания.

Особенно остро эти проблемы выживания ОГО стоят в малых городах, где и так скромные ресурсы организаций не подкрепляются ни взаимосвязями друг с другом, ни поддержкой населения. Часть активистов к настоящему времени ушла из общественной жизни или в бизнес или в административную работу во властных структурах. Некоторые ушли в политику, но судьба политических партий ничуть не лучше

чем судьба ОГО. И эти процессы идут тем успешнее, чем более мудро местные власти подходят к вопросам взаимодействия с активистами. Так практически полностью «рассосалась» общественная активность в Поставах.

Оставшиеся ОГО, в свою очередь, характеризуются несоответствием форм работы актуальной ситуации как в стране в целом, так и в конкретном городе. Большинство методов и форм работы освоено лидерами и членами ОГО ещё в девяностых и пришло нам из европейского, а точнее американского опыта. Эти формы и тогда были несколько несуразными для наших белорусских просторов, а сегодня их несостоятельность очевидна почти всем. В то же время новые формы не создаются. На это нужны довольно большие ресурсы и временные и интеллектуальные и финансовые. В условиях выживания, всего этого нет.

При этом в области работы с общественной активностью в малых городах постепенно набирают силу и распространяются другие субъекты. Во многих городах достаточно активно, и главное явно, действуют центры по работе с молодёжью и взрослыми на базе католических, православных или протестантских церквей (Сморгонь, Постава, Глубокое, Ольшаны и др.). Они осуществляют свою деятельность открыто и направлены на расширение своего влияния. Будучи неполитизированными, с одной стороны, а с другой — базируясь на глубоких содержательных основаниях, они находят большую поддержку и понимание у населения, а также могут договариваться и строить отношения с властями. Пожалуй, фундаментальность содержания принципов,

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

которые они несут, позволяют им избежать выхолащивания и перехода к выживаемости.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОСТОЯНИЕ НПО В МАЛЫХ ГОРОДАХ

«Разорванные связи». Прежде всего, приходится констатировать тот факт, что сети местных НПО малых городах обнаружить не удалось. Почти в каждом городе существуют неправительственные организации, хотя чем меньше город, тем меньше шансов их там найти. Это утверждение касается именно неправительственных и негосударственных организаций. БРСМ и ветеранские организации имеют иной статус — это государственные общественные объединения, так называемые ГоНГО. Но даже если в городе и существует несколько независимых общественных организаций или инициативных групп, то их взаимосвязи между собой очень слабые.

Основная проблема в том, что их участники не замечают друг друга, не видят в коллегах из другой организации потенциального ресурса, который мог бы быть использован для своей деятельности, они стараются выживать по одиночке, не объединяясь для решения каких-либо задач. Почти в каждом городе нам удавалось познакомить друг с другом представителей нескольких организаций или инициативных групп (Щучин, Сморгонь, Ганцевичи и т.д.)

Таким образом, на территории Беларуси мы имеем не сетевую структуру различных НПО или инициатив, а разрозненные группы людей, деятельность которых автономна по отношению к друг к другу. И если в крупных

городах хотя бы за счёт большего количества общественных организаций, ресурсов и плотности коммуникации это не столь заметно, то малые города, как лакмусовая бумага, индицируют проблемы связей между общественными объединениями и инициативами.

При этом слабость горизонтальных связей не означает отсутствия связей между организациями вообще. Связи с Минским офисом или областным отделением (если местное НПО является региональным отделением республиканской или областной организации) гораздо сильнее, чем с местными «коллегами по общественному сектору» и населением. Такие вертикальные связи позволяют локальным НПО выживать, при отсутствии достаточной поддержки на местном уровне. Они восполняют недостаток капитала различного рода и в первую очередь — опыта, квалификации, профессиональной коммуникации и т.д. Проблема же в том, что ослабленные связи на местном уровне и более сильные «вертикальные» или профессиональные связи еще сильнее исключают и даже маргинализируют НПО активистов в малых городах. Получается замкнутый круг: чем слабее взаимодействие и поддержка на местном уровне, тем большее значение приобретают связи с коллегами из крупных городов. А это в свою очередь исключает активистов из местной жизни, что ещё в большей степени ослабляет их связи и влияние на локальные проблемы.

В результате местные организации всё реже самостоятельно ставят цели, имеющие прямое отношение к местным проблемам и всё чаще работают с какими-то глобальными, но не актуальными в данном конкретном месте задачами. Яркий пример —

Сморгонское отделение организации молодых христианских женщин. Они очень активно вовлечены в проект республиканского масштаба по предотвращению торговли людьми: распространяют информацию, проводят семинары. При этом в городе крайне актуальны проблемы женской безработицы. Количество безработных женщин в несколько раз больше, чем мужчин, а вакансии для женщин составляют только 30%, от общего числа требующихся работников. Нет никаких сомнений в важности предотвращения торговли людьми, но активистки организации не вспомнили ни одного прецедента по проблеме торговли людьми из Сморгони. О проблеме женской безработицы они осведомлены и обеспокоены ею, но просто не думали о разворачивании деятельности в этом направлении и взаимодействием с другими местными общественными инициативами и объединениями. Преимущественная ориентация на вертикальные связи чревата отрывом от насущных местных проблем и самоизоляции локальной НПО.

Пример со Сморгонью не единственный. Несколько лет назад в Турове была проведена общереспубликанская акция посадки деревьев в парках. Акция была проведена очень успешно, но спустя несколько месяцев, эти деревья съели козы, которых выпускали в парк пастись местные жители. Участие в общереспубликанских проектах и акциях, без сомнения, — очень нужная вещь, но результаты таких акций крайне неустойчивы, если не сопряжены и не согласованы со взаимодействием с другими субъектами,

которые действуют в локальных ситуациях, будь жители городов или другие общественные объединения.

Маргинализация. Кроме того, что НПО в малых городах мало, и они почти не взаимодействуют друг с другом, они преимущественно находятся в конфликтных взаимоотношениях с властными структурами. Очень часто приходится слышать о том, что во всём виноваты именно органы власти: притесняют, юрадресов не предоставляют, экономические санкции учиняют и тому подобное. Все эти факты имеют место, но они нередко заслоняют для самих же НПО еще более важную и сложную проблему — *отсутствие поддержки местного населения.*

Нам встречались города с разной степенью противостояния НПО и властей, но мы нигде не видели, чтобы инициативы НПО активно поддерживались населением.

Например, в Дисне власть не препятствует местным инициативам, хотя бы потому, что председатель городского совета сама является одним из активнейших членов инициативной группы по устойчивому развитию города. Однако, это никак не делает Дисну отличной от других белорусских городов. То же пассивное население и активисты, тщетно пытающиеся как-то повлиять на изменение городской жизни в положительную сторону. Не зависимо от ресурсной обеспеченности и качества отношений с властями ситуацию переломить не получается. Инициатива в Дисне держится исключительно на энтузиазме активных людей, преемственности нет, устойчивость изменений сделанных за годы труда под большим вопросом.

³⁰ Водолажская Т., Мацкевич В. Становление и развитие сообществ в Беларуси. Минск, 2007.

В силу культурно-исторических обстоятельств у населения Беларуси нет привычки поддерживать инициативных людей или общественные организации³⁰. Поэтому инициативным людям приходится не афишировать свою деятельность, ибо консервативное большинство не только не поддержит её, но и позорадствует, если инициатива не достигнет своей цели. В комплексе с конфликтами или отсутствием поддержки властей это приводит к тому, что прагматично настроенные НПО стараются действовать малозаметно или под прикрытием административных действий. Это не увеличивает поддержки и не меняет установки на неучастие среди местных жителей, но позволяет продолжать существование.

Маргинализованные и сворачивающие свою деятельность НПО нередко «собираются» на нескольких людях, которые одновременно представляют сразу несколько организаций — правозащитной, культурницкой, профсоюзной и т.д. (Береза, Верхнедвинск). Чаще всего такие организации представляют собой отделения более крупных ассоциаций (областных или республиканских), что позволяет поддерживать существование, за счет использования ресурсов головных офисов.

Вытеснение. Стремительная маргинализация НПО дополняется «старением» состава. Большинство лидеров НПО пришли в поле общественной деятельности ещё в девяностые. Сейчас им уже около сорока. Даже сравнительно молодые организации имеют средний возраст своих членов около тридцати лет. Нет притока молодых в таком количестве и качестве, которое бы гарантировало преемственность. Особенно это актуально в малых городах, из

которых вся активная молодежь просто уезжает в поисках возможностей самореализации. Если ситуация будет оставаться без изменений, через 5 лет мы станем свидетелями вымирания организаций из-за старения их членов. Новым поколениям придётся учиться заново на своих ошибках.

В то же время на место неправительственных общественных объединений приходят другие структуры. В городах, где власти наиболее активны в изыскании средств для своего региона создаются «карманные» НПО для участия в зарубежных программах поддержки. Это даёт им помимо источника дополнительных ресурсов, возможность перенаправления активности людей в нужное русло. Этим руслом чаще всего являются государственные программы — сохранение природы и культуры, развитие сельского туризма, здоровый образ жизни и т.д. То есть декларируется сотрудничество, а на деле происходит сращивание государственных и псевдо-негосударственных структур.

Процесс создания ГоНГО или преобразования в них уже существующих НПО приобретает широкие масштабы.

Подводя итоги, следует отметить, что в большинстве посещённых малых городов общественный сектор представлен как субъект, не влияющий на решение местных проблем. Этому способствуют:

- разрозненность и разобщённость инициативных групп и НПО на местном уровне;
- вовлечённость решение скорее глобальных, нежели актуальных местных проблем;

- отсутствие понимания и поддержки общественных инициатив населением.

В свою очередь возможность сохранения и развития общественных организаций связана с:

- ориентацией деятельности на всё местное сообщество, а не замкнутость на себя и своей узкой аудитории;
- поиск ресурсов на своей территории (и человеческих, и финансовых, и организационных), что дает возможность автономности развития
- способностью самостоятельно ставить цели и двигаться к их достижению.

Леонид Калитена

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

168

Общие рассуждения о городском хронотопе и устройстве городской среды

Сначала несколько простых рассуждений про городское пространство как таковое. Городское пространство, город имеет особые отношения с категорией «свободы» в целом и понятием «свободного времени» в частности. Метафорично можно говорить о том, что город — это такая машина для производства свободного времени.

Время само по себе есть абстрактная вещь, которая занимает очень важное место в целом ряде научных дисциплин — одним образом в профессиональном мышлении историков, иначе — в мышлении проектировщиков и т.д. Но уже со времён М. Бахтина в культуре и философии стал достаточно распространённым тезис о том, что для социального (человеческого) мира пространство и время находятся в таком же

единстве своих взаимодополняющих ипостасей как, скажем, для физики микромира или вообще для физики. Поэтому, правильнее было бы в наше время обсуждать не пространство и время отдельно, а, скорее, хронотоп, или «время—пространство» как особую онтологическую сущность. И, рассматривая город как некий объект, некое образование, нам тоже придётся оперировать этими связанными вещами — пространством и временем, городским хронотопом.

О городском хронотопе нельзя сказать, что это до конца изученная и понятная вещь, даже не смотря на то, что архитекторы с очень давних времён занимаются обустройством городского хронотопа. Если мы посмотрим на самые первые города сельскохозяйственной цивилизации как на островки цивилизации в диком, кочевом мире древних народов — в древней или доколумбовой Америке, на древнем Ближнем Востоке, в очагах индийской или китайской цивилизации и т.д., — то обнаружим, что даже очень древние города имели продуманную планировку — они определённым образом организовывались под некую хронотопическую установку. При том хаос городской застройки, неупорядоченность городской архитектуры, городского пространства, которую мы можем иногда наблюдать в старых европейских городах (в остатках застройки старых европейских городов, доставшихся в наследство от Средневековья), или даже в современных восточных городах, — это гораздо более позднее явление по сравнению с упорядоченностью и продуманной планировкой городов.

Когда мы обнаруживаем продуманность в планировке города, и, тем самым, выходим на

констатацию искусственности этого явления, а не естественного пути становления, то нам сразу же приходится реконструировать тип мышления, или тот подход — интеллектуальное усилие, которое было положено в основу этой планировки: «зачем это?», «почему это делалось?», «из каких соображений?» Однако, по большому счёту, никто из первобытных планировщиков и даже более поздних — вплоть до эпохи Возрождения или уже даже 20 века — не объяснял, почему и как создается тот или иной порядок устройства городского пространства.

Разъясняя смысл такого порядка, необходимо ввести понятие «среды», в нашем случае «городской среды». Средовой подход, или рассуждения с использованием категории «среда» имеют своей особый генезис и часто используются в нескольких различных подходах. В частности, в своей статье про технику в «Новейшем философском словаре»³¹ мне приходилось обсуждать две категории — «тело» и «среда». Тело — как ядро, относительно которого мы можем построить определённые физические, онтологические и технические знания; и открытость, взаимодействие тела с чем-то, находящимся вне тела, и что мы можем категоризировать как среду. Немножко по-иному рассматривается среда в экологических подходах, когда сама среда начинает интерпретироваться-пониматься как тело, как ядро, относительно которого могут существовать наши специально построенные знания, и мы можем с ним что-то делать.

Говоря про городскую среду, мы, конечно, понимаем, что архитектурное

обустройство города, или создание определённого хронотопа в городе, создаёт и соответствующую среду обитания для горожан, для человека. Но можем ли мы говорить о том, что пространство-время дома, улицы и т.д. являются в этом техническом залоге телом, а средой является нечто другое, что мы не создаём? Или же по отношению к городской среде необходимо относиться так же, как экологи относятся к среде, т.е. изучают её как самостоятельно вычлененный идеальный объект, по отношению к которому можно строить и процедуру познания, и процедуру организации?

До поры до времени городская среда определялась не искусственными усилиями людей, а она формировалась в рамках «второй интенции», т.е. как бы возникала сама собой. Скажем, строится в городе университет, живет и действует, а через некоторое время, через несколько поколений студентов этого университета, в городе возникает иная среда — среда, которую университет формирует в городе для самого себя. Тогда и обыватели в этом городе начинают жить иначе, чем в другом месте.

Архитекторы или градостроители достаточно поздно стали понимать, как и каким образом они воздействуют на среду, потому что до определенного времени они с помощью пространственной (и в этом смысле — пространственно-временной, хронотопической) планировки решали какие-то специфические задачи. Например, вспомним парижского реорганизатора пространства-и-времени, того который сломал старый Париж. Париж, описанный в романах Гюго, где узких кварталах

³¹ Мацкевич В. Техника // Всемирная энциклопедия: философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор. 2001. — С.1073-1075.

средневекового сжатого города разворачивались парижские тайны, где самым большим открытым пространством был рынок «чрево Парижа».

Париж в 19 веке был колыбелью и очагом разного рода восстаний, революций и всякого рода смуты. Жорж Осман³² начал свою деятельность по реорганизации города не в последнюю очередь имея в виду то, что Париж есть источник той смуты, которая рано или поздно заканчивается вооружёнными столкновениями, строительством баррикад, перестрелками, захватом городских кварталов. Для длинноствольной артиллерии, которая может прицельно стрелять и подавлять живую силу противника достаточно легко, город Париж с его кривыми узкими улочками был проблемным местом. В таком Париже очень удобно строить баррикады и очень трудно бороться с бунтовщиками и восставшими. А вот если ликвидировать все эти вот лабиринты и закоулки старого города, и построить проспекты, они будут легко просматриваться и простреливаться. Своими архитектурными решениями Осман решает, помимо прочего, задачу борьбы против неконтролируемой социальной активности парижских низов. И после его реконструкции — после 1860—70-х годов — Париж стал совершенно другим. Если, например, мы посмотрим на литературу, описывающую городскую жизнь Парижа до такой реконструкции и после, мы обнаружим массу различий. Одно дело — Жан Маре в

«Парижских тайнах» ведёт соответствующую борьбу с полностью деклассированными преступниками. И другое дело, Париж Тулуза Лотрека, импрессионистов с любителями абсента, с уличными кофе, с огромными проспектами, увешенными флагами по поводу государственных праздников. В это же время в Париже возникает такое явление, как богема и на первый план выходят другие кварталы, — скажем, Монмартр, Сен-Жермен-де-Пре и т.д., — где начинает собираться художественная публика, молодежь, возникает совершенно другой тип контактов между людьми.

Закладывал ли Осман эти эффекты в свою реорганизацию Парижа? Пожалуй, нет. И этим Осман отличается, от другого знаменитого архитектора, который тоже создавал большие проспекты, огромные площади, но делал всё совершенно иначе. Это — А.Шпеер³³, главный архитектор «Третьего рейха», любимый архитектор Гитлера.

В отличие от Османа, Шпеер формировал городское пространство и городскую среду сознательно и специально. И если для Парижа решалась задача просматривания, профилактики активности, а затем простреливания парижских улиц, то Шпеер строил большие проспекты и площади специально для собирания на них организованных толп людей. Он, с одной стороны, уже владел эмпирическим опытом Парижа, а с другой стороны, был знаком с размышлениями французских социологов

³² Имеется в виду барон Жорж Эжен Осман (Georges Eugène Haussmann) (1809—91), в 1853—70 гг. был префектом департамента Сена; по указанию Наполеона III осуществил значительную перестройку и реорганизацию застройки Парижа, затронувшая ок. 60% площади города.

³³ Альберт Шпеер (Albert Speer) (1905—1981) — государственный деятель Германии, архитектор, рейхсминистр вооружений и военной промышленности (1943—1945).

про те изменения, которые потом наблюдались в Париже.

Классической здесь является полемика между Г. Тардом и Г. Лебоном по поводу того, каким будет XX век: будет ли он веком *толп* или *публики*.

Гюстав Лебон³⁴ описывает парижские явления через феномен, или эффект, толпы: когда парижане, зажатые в средневековом городе, имея достаточно незанятого времени, собирались в разных местах, и народ при большой скученности начинал вести себя не совсем так, как отдельные люди, вступающие в непосредственную коммуникацию друг с другом.

Сравните большую базарную площадь восточного города, на которой идёт торговля и очень трудно вообще повысить голос и докричаться до всей толпы, и маленькую площадь средневекового города с двух-, трех-, четырехэтажными домами и хорошей акустикой, с балкона которой один человек может обратиться ко всем людям, которые находятся в пространстве внизу. И тогда только от ораторского искусства, только от заведённости толпы зависит то, куда можно обратить эту толпу. Здесь уже нельзя вступить в парный контакт друг с другом, потому что как только вы начнёте разговаривать в толпе в то время, как оратор к вам обращается, на вас начнут шикать, за то, что вы мешаєте слушать.

Люди, собранные одним образом отличаются своими характеристиками и поведением, от людей, собранных другим образом. Устройство городской среды, городского ландшафта, — оно позволяет собирать одни группы людей, либо другие

группы людей. Лебон описывает феномен толпы, которая, не вступая в межличностные отношения друг с другом, поддаётся внушению — либо ораторскому, либо охватившему всю толпу эмоциональному возбуждению, и, не рассуждая, может предпринимать какие-то действия. Через этот феномен толпы Лебон объяснял восстания, бунты, революции 19 века, а заодно и предложил техническую схему того, как можно работать с толпами.

Альберт Шпеер строил города в нацистской Германии именно под собирание огромных толп. К этому времени усилители звука — репродукторы, радио — позволяли обратиться к миллионам. И если размеры толпы парижского средневекового города были ограничены голосовыми возможностями оратора на балконе или на фонтане, которой стоит посреди небольшой такой площади, то таких ограничений в 20 веке для толпы уже не было. Шпееровская архитектура должна была обеспечить, фактически, безграничные возможности собирать толпы и управлять толпами.

У Габриеля Тарда была другая идея³⁵. Реформированный городской ландшафт Парижа предполагал собирание совершенно других групп людей. Эти группы, скорее собираются в кафе, в варьете, кафе-шантанах, или в театрах и т.д., там, где им предлагается некоторая «культурная программа». Т.е. людям предлагается некая идея — сложная или простая и они один на один остаются с этой идеей, а распадаются на индивидуальные единицы. Но, тем не менее, они сохраняют некое единство между собой через

³⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб, 1898.

³⁵ Тард Г. Общественное мнение и толпа. СПб, 1902.

сопричастность с этой идеей. Так возникает публика, которая, не вступая в непосредственный контакт друг с другом, не имея каких-то совместных действий (как толпы), тем не менее, сохраняет единство взглядов, единство представлений и т.д. К ним можно обращаться как бы по одиночке, но реакцию вы получите массовидную — одинаковую.

Тара жил в эпоху, когда самым массовым средством информации были газеты. Это были уже ежедневные газеты, которые каждый парижанин, каждый человек этих новых организованных городов мог получать по утрам или вечерам; и каждый, сидя утром в парижском кафе, читал газету, вычитывал из неё одни и те же сенсации и новости; не вступая в разговоры с соседом, уходил наполненный теми же самыми ощущениями, или теми же самыми чувствами, что и сосед. Этот городской хронотоп (бульвары, кафе, газеты) формирует иные структуры, иные устройство жизни и общения людей.

А на что похожи маленькие белорусские города?

В последующих рассуждениях будет много простых и всем известных вещей, но пока ещё очень мало осмысленных. Белорусские города, местечки после войн 17 века с Москвой, имевших катастрофические последствия для средневековой городской цивилизации ВКЛ, были наполнены евреями, и евреи составляли главный, наибольший контингент населения и больших городов, и тем более местечек. А что это вообще значит для жизни в этих местечках, для организации этой среды? Мстиславль, Ивье, Поставы или ещё некоторые другие города, которые сохранили хоть что-то ещё от довоенной среды, от

довоенной архитектуры — планировку, устройство (за исключением часто небольших косметических изменений), — в общем, остались прежними.

Но что такое жизнь еврейского кагала в таких городах, как Мстиславль? Как они жили? Для этого необходимо представить себе не только, сохранившиеся здания, но и обязательно инфраструктуру этих зданий, структуру жизни, которую вели эти люди. Они жили в гораздо большей скученности, чем та, которую мы видим сейчас. Воспоминания о своих детских впечатлениях о центре Гродно и то, что есть сейчас дают материал для размышлений. Сейчас, гуляя по улицам Старого города, можно обойти дома со всех сторон, осмотреть, пройти с улицы на улицу и т.д. В 1960-е годы, ничего этого сделать было нельзя. Чтобы попасть с улицы на улицу, нужно было дойти до конца квартала и обойти с другой стороны. Проникнуть насквозь можно было только мальчишкам, знающим места, ходы и т.д. Потому что плотность застройки Старого города была несопоставима с сегодняшней. Сегодня город Гродно заполнен в центре раза в три-четыре менее плотно, чем тогда. Это происходит даже не за счёт жилых домов (хотя и жилые дома тоже сносились и спирались с лица города), а за счёт сноса сараев, где хранились дрова, за счёт разного рода мастерских, каморочек и прочего — всего того, что заполняло пространство между жилыми домами.

Можно предполагать, что и в малых городах жизнь и городская среда были устроены сходным образом. И плотность застройки, и плотность жизни городов была такова, что люди тёрлись постоянно между собой, но не собираясь на большие

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

публичные мероприятия, а в ежедневных хлопотах, сталкиваясь-наталкиваясь друг на друга. Они вообще не имели ни личной, ни публичной жизни, потому что они жили постоянно на виду друг у друга. Потому что одна без другой, — как Север и Юг — не бывают. Нет публичной жизни, потому что они постоянно на виду друг у друга в ежедневных своих заботах, все всё про всех знают; и нет частной, или личной, жизни, потому что они не могут скрыться, ничего ни от кого не спрятать.

Такая организация местечковой жизни противоречит той установке, о которой мы знаем со времён Аристотеля: город — это единство непохожих.

Наоборот, такого рода местечковая, городская инфраструктура жизни нивелирует индивидуальность. И тогда возникает установка, связанная с бегством, избавлением от этой плотности, от кагального давления. Кагал, совершенно безобидная единица социальной организации еврейской общины, становится нарицательным словом, обозначающим специфический уклад жизни. Жить кагалом становится плохо. Люди, получающие, доступ к литературе, к культуре, к образованию начинают тяготиться таким способом жизни и стремятся вырваться из него. Почему из еврейской среды выходит так много революционеров, анархистов и одиночек, творческих людей? Потому что некая «интоксикация» свободой и культурой в совокупности с невыносимыми условиями кагальной жизни заставляет людей рваться к свободе и начинать её ценить. В 19 веке в белорусских городах складывалась очень специфическая ситуация — ситуация перегрева и давления. Они не были большими, но за счёт той организации жизни, этот

перегрев и излишнее давление существовало, и люди пытались из него вырваться.

Сегодня малые города (пусть они и сохранили ещё хоть какое-то устройство близкое или повторяющее то пространство, которое было в период их естественного становления) — уже совсем другие. Что бы мы не говорили, как бы мы не возводили их к историческим городам, которые мы знаем по литературе, по воспоминаниям, — они ничего общего не имеют с теми городами; они во много раз менее плотно заселённые, и поэтому жизнь людей течёт иначе.

Какова же городская среда сегодняшних малых городов? С одной стороны, они все прорежены, они очень неплотные. Города начинают терять то специфическое свойство города, которое производит свободное время и социальную активность, как это было в европейских городах, приводящую к восстаниям, трансформациям и социальным изменениям.

С другой стороны, сегодня малые города Беларуси есть «радиатор» социальной активности. За счёт все той же низкой плотности, за счёт снижения демографического давления люди в этих городах не нуждаются в том, чтобы вступать в контакт даже друг с другом. Но они не имеют характеристик публички. В большинстве городов мы не могли найти в продаже местных газет. Продавцы с удивлением смотрели на заезжих «инопланетян», которые в киосках спрашивали не кроссворды, а местную газету. В этом смысле, люди *разрозненны* и *закрыты* в индивидуальных домах и по своим квартирам. В малых городах нет эффекта публички, который обеспечивался бы ежеутренними или ежевечерними новостями и газетами.

Если мы сравним насыщенность тарелками спутникового телевидения в белорусских малых городах (некоторых, по крайней мере) и в столице, то плотность тарелок в малых городах будет больше. Зачем тамошним людям телевидение — понятное дело. Сидя дома и, в общем-то, при уходящей моде выращивания помидоров, огурцов на своём приусадебном участке, эти люди убивают время через *connect* с информационными каналами. Но эти информационные каналы не создают публики, потому что публику можно было бы создать ежедневными местными газетами и местным радио. Если они и слушают радио, то слушают минское радио, которое вспоминает об этой местности не чаще, чем по статистическому распределению.

В белорусских городах нет публики, но нет и толп. Современная городская среда и информационные потоки в этой среде не ведут к появлению такого феномена как городское сообщество. Толпами собираться в белорусских малых городах невозможно, потому что они не средневековые города, где возникает это явление, и, конечно, не древние ближневосточные города, где толпы собирались не в самих городах, а при переходе из города в город (древний Израиль и Иудея). В Беларуси нет самого феномена толпы и форм социальной активности, вызванных толпами: городская среда не предполагает такого рода объединения белорусов. Она вообще не предполагает никакой организации. Пока вся среда малых городов ведёт к разрозненности людей. Но, людей друг к другу тянет тоска. Если из кагала, из той скученности и плотности белорусских местечек, людей выталкивало к свободе, то сейчас в этих же городах люди,

«инфицированные» каким-то образом культурой, ищут солидарности, они ищут контактов, а предложить им городская среда ничего не может. Да, этим не может быть клуб, дом культуры или хоровой коллектив. Вообще, возможно ли рассматривать эти вот ансамбли и т.д. как «свободное время», и зачем и кто туда идёт? Школьникам, которые хотели бы подумать-поразмышлять, например, в Турове деваться некуда.

Пожалуй, самым ярким примером «городской пустыни» является Кличев: пустые улицы, пустой парк с детскими аттракционами, отсутствие нормальных кафе. Церкви. Приходим в пятидесятническая церковь. Ну, обычный домик, — как всегда это в провинциальных городах. «Сколько у вас людей?». — «Ну, человек 50 — людей». — «А что это у вас за два велосипеда тут стоят?». — «Ну, это наши дети приехали». И сколько на двух велосипедах уместится детей? И большая территория вокруг, — ну, не знаю, сколько там, — соток 12, наверное, вокруг домика церкви. Она пустая и вообще ни одного приспособления для детей. Это в пятидесятнической церкви с её гипертрофированными семейными ценностями — там детей нет! Дальше мы спрашиваем: «А как у вас с баптистами?». — «А никак. Завидев друг друга, мы переходим на другую улицу». Пятидесятники и баптисты в маленьком Кличе не встречаются.

В экспедициях мы наблюдали те феномены, — социальные, гуманитарные, антропологические, — которые возникают в результате деформации городской среды. У людей исчезает возможность разговаривать друг с другом. Пока вариантов выхода из этой ситуации для белорусских малых городов нет.

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

И вполне естественный подход состоит в использовании новых технических средств. Следует, думать о том, как можно сегодня создавать те эффекты, которые раньше существовали в других формах. И, мы многое потеряем, если сейчас не озаботимся новыми идеями для повышения плотности жизни. Из кагалов люди бежали, теперь нам надо объединять людей хоть в какие-то формы.

Сейчас нужна большая прослойка учёных людей, которые могли бы это всё хватать, систематизировать, осмыслять и предлагать решения.

Владимир Мацкевич

ИСТОРИЯ ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ МСТИСЛАВЬСКОГО ФЕСТА

Предыстория

В нашей экспедиции в Мстиславль весной 2007 года мы познакомились с несколькими безусловно интересными и активными людьми. своего рода — городской интеллигенцией. Однако это обобщенное именование еще сильнее подчеркивает их реальную разобщенность. Будучи лично знакомыми, уважительно отзываясь друг о друге, они не допускали даже мысли о каких-то совместных действиях по изменению неудовлетворительно состояния дел в городе. Создавалось впечатление непреодолимой пропасти между ними, вызванной какими-то глубокими, но непонятными нам, чужакам, противоречиями и конфликтами. Сам город был определен как бесперспективный, и тогда, весной, нам сложно было предположить, что именно здесь, в Мстиславле, мы развернем самое масштабное действие в рамках двухгодичной программы

исследования малых городов и сообществ в Беларуси.

Уже буквально после первых поездок в малые города, нам стало очевидно, что только из внешней позиции, без изначальной самостоятельной инициативы горожан, нельзя начинать никакие действия в городе. Только комбинация местного интереса, внутреннего движения с ресурсами и знаниями внешнего агента развития могли привести к успеху. В Мстиславле такое совпадение произошло случайно. Местный католический священник, ксендз Кароль Томецкий, заинтересованный в развитии католической общины, интуитивно понимал, что решение этой задачи тесно связано с задачами развития города и городского сообщества. Достичь роста и нормализации жизни общины в неблагоприятной депрессивной городской среде было не возможно. Это понимание толкало его к постоянному поиску новых средств и форм работы с ситуацией в городе. Попытки наладить сотрудничество с другими христианскими общинами, организация работы с молодежью, встречи и разговоры с местной интеллигенцией и многое другое вовлекало в орбиту его деятельности разных людей. Одним из таких людей была Юлия Галиновская, в недавнем прошлом волонтер католического движения и организатор христианских молодежных лагерей при католической общине Мстиславля, а сегодня стажер Агентства гуманитарных технологий и активный участник данного исследования. Именно Юлия благодаря своей ангажированности в католическую среду, в жизнь Мстиславля и из-за параллельной вовлеченности в деятельность по развитию сообществ, смогла обеспечить возможность связи местной инициативы с внешними

ресурсами и агентами развития.

Идея, предложенная ксендзом Каролем Томецким, состояла в организации городского события, способного разбудить дремлющую активность городских жителей. В его распоряжении была некоторая часть ресурсов, очень сырая задумка фестиваля средневековой культуры, неплохой повод в виде круглой даты — 15-летия восстановления католического прихода в Мстиславле, и никого рядом, кто бы мог разделить его энтузиазм. Поэтому наша заинтересованность и предложение помощи были для него как нельзя кстати. Понимая, что разовым событием не возможно разрешить даже малую толику городских проблем, мы изначально предложили изменить последовательность целей. Смыслом фестиваля должна была бы стать не собственно активизация жителей или формирование местного сообщества, а появление, на первом этапе, небольшой группы людей способных взять на себя ответственность за организацию такого рода городских событий. В качестве основы мы рассматривали группу городской интеллигенции, разрозненную, но обладающую значительным потенциалом в виде, как минимум, определенной известности и связей в городе.

Лучшие люди города

Первый этап деятельности состоял в личных контактах, встречах и переговорах с теми жителями города, кто мог бы деятельно включиться в подготовку события. В фокус нашего внимания попадали: художники-реставраторы братья Малиновские, фотограф и резчик по дереву Сергей Маскевич, руководитель местного духового оркестра

Николай Толпыго, директор музея Шиленков, директор школы-интерната, историк и кинорежиссер-любитель Сергей Поклад. Близкое знакомство с городом и прошлые контакты Юлии с большинством из этих людей, наше знакомство с ними в ходе экспедиции, позволили довольно быстро включиться в подготовку фестиваля. Однако, уже самые первые шаги в этом направлении выявили и первые сложности.

Тотальная разобщенность и недоверие в среде мстиславльских интеллигентов делала совершенно невозможными общие встречи. Если с нами они еще могли обсуждать городские проблемы, договариваться о совместных действиях и т.п., то допустить нечто подобное в отношениях друг с другом было для них совершенно невозможно. Кроме того, очень быстро стало очевидным, что существующие барьеры не позволяли инициатору и автору инициативы, ксендзу Каролу, выйти на уровень организатора (как, собственно, и никому другому из городских интеллигентов). Никто из местных не мог воспринимать другого местного человека в таком качестве. Для этого, по их представлениям, ни у кого в городе не существовало ни объективных предпосылок (кто ж ему разрешит!?), ни субъективных качеств (кто же это может сделать!?). Это автоматически вытолкнуло на место организатора Юлию Галиновскую, человека им мало известного, из столицы. Для нас такой поворот событий стал неприятным моментом, потому что сразу же ломалась схема сотрудничества, и мы невольно выходили в позицию внешнего управления организацией фестиваля.

Другим абсолютно объяснимым, но от этого не менее неприятным моментом стала

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

не способность местных жителей к самостоятельной инициативе. Совершенно невозможной, революционной им казалась предлагаемая нами идея организации городского события «снизу», формирования инициативной группы самостоятельно, без соответствующего указания местной власти.

Из отчета Юлии Галиновской: *«Когда, наконец, Сергей понял, чего, собственно, я от него добиваюсь, первым вопросом было: «А власти разрешают?» Ответа «да» было недостаточно, последовало уточнение: «А вы лично спрашивали?» Сергей нам посоветовал все же лично сходить на прием в райисполком — причем не к председателю, а к его заместителю по идеологии — Кусову».*

Стало понятно, что не способность договариваться была связана не только с межличностной разобщенностью, но субъективной зависимостью от власти. С точки зрения мстиславльцев любые переговоры и планирование без санкции районного начальства — пустая трата времени, все равно ведь ничего не получить...

Из отчета Юлии Галиновской: *«Потом я поняла, что кроме каких-то личных неприязней и «междоусобиц», есть элементарная причина: в Мстиславле практически все делалось по приказу сверху, инициатива в городе практически наказуема (если к ней вообще было серьезное отношение — т.е. наказуема, если от идеи уже переходили к действиям). Поэтому моя попытка разыграть модель, когда не власти назначают, а властям приходится считаться с правилами организаторов, была рискованной. Но поскольку я была настойчива, а директор «не смел» мне на это указать, мы решили попробовать вариант с инициативной группой».*

После серии таких двухсторонних встреч и переговоров удалось добиться что-то вроде согласия нужных людей в среде мстиславльских интеллигентов на проведение фестиваля. Естественно, никакой инициативной группы не сложилось. Вся деятельность строилась по вертикальному признаку: от организатора (Юлия Галиновская) к конкретной персоне в городе. Внутренние контакты между горожанами, даже вовлеченными в общую деятельность по подготовке фестиваля, оставались минимальными.

Из отчета Юлии Галиновской: *«Выводы первой поездки: налицо страх перед местной властью, нежелание высовываться с инициативой, откровенные заявления о том, что инициатива наказуема. В отношении властей: понятно, что председатель тихий и мирный человек, с которым можно договориться, которому однозначно понравится идея фестиваля, но в райисполкоме все решает зам. председателя по идеологии Кусов, поэтому пробивать придется эту «стену». Мне понятно, что никакой команды из этих отдельно взятых людей не будет, более того, мне понятно, что до конца я не могу быть уверена ни в ком, поэтому придется дублировать все действия самой. По приезде в Минск решаю еще раз пересмотреть цели, методы и восстановить рамки».*

Итак, первоначальная идея формирования инициативной группы по организации фестиваля из представителей городской интеллигенции была сломана. Цели нашего участия становились весьма неопределенными. Проведение фестиваля ради самого фестиваля нас не устраивало, производство культурно-развлекательных эффектов также не входило в наши интересы. Рассматривалась возможность отказа от

проведения фестиваля. Единственным аргументом в пользу продолжения участия (который, тем не менее, перевесил другие), стало понимание того, что даже такая ограниченная форма взаимодействия с городскими жителями была очень значимой для ситуации Мстиславля. В принципе никто из мстиславльцев до последнего момента не верил, что фестиваль может состояться, и сам факт его проведения становился радикальным жестом, доказательством возможности невозможного — изначально несанкционированной властями активности. Фестиваль из чисто культурного события перерастал в событие культурно-политическое.

Из отчета Юлии Галиновской: *«После всех встреч в разговоре с кс. Каролом мне становится ясно, что он только сейчас начинает понимать масштабность мероприятия и выход его за рамки чисто «культурнического».*

Власти города

Революционность идеи фестиваля средневековой культуры в Мстиславле состояла не в том, что он проводился без участия местной власти. Очевидно, что в актуальной политической ситуации Беларуси без участия (или хотя бы разрешения) местной власти ничего существенного сделать не возможно. Стресс у мстиславльцев, особенно у тех, кто занимал те или ответственные должности (директор музея, работники исполкома и т.п.), вызывала такая постановка проблемы, при которой власть оказывалась лишь одной из сторон в диалоге о возможном событии. Представить власть не инициатором и руководителем, а только инфраструктурой обслуживания и

обеспечения, элементом организации фестиваля было просто не возможно.

Переговоры с исполкомовским начальством также пришлось вести Юлии Галиновской, другие потенциальные переговорщики (из числа тех, кто принимал участие в подготовке) самоустранились. Вероятно, что и местные власти (в лице заместителя начальника исполкома по идеологии С.Б. Кусова) вели себя иначе с человеком со стороны, не совсем понимая его возможности и статус, не имея рычагов влияния на него персонально. Возможно также и то, что этот неясный статус Юлии, неожиданная и наглая инициатива, масштабность развернутой активности, отставание властей в понимании того, что реально происходит и т.д. в конечном итоге и сыграли главную роль в том, что фестиваль состоялся. Исполкомовскому начальству и Кусову персонально приходилось реагировать на уже случившиеся события — программа фестиваля, спонсоры, музыкальные коллективы, рыцарские коллективы, фаершоу, участники семинара, планы конкурсов, афиши появлялись без их участия. Это создавало эффект снежного кома, огромной масштабности развернутых действий, когда не известно, в каком случае будет больше неприятностей: при запрете или при разрешении фестиваля.

Без сомнений, разрешение на проведение фестиваля и существенное содействие властей стало возможным только потому, что это было им выгодно. Фестиваль не требовал больших вложений: привлекались средства костела, спонсоров, коллективы выступали практически бесплатно, требовались лишь минимальные вложения в проживание и

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

питание и т.д., все эти «бонусы» были обеспечены инициаторами феста. При этом выгоды были существенными — фестиваль ложился в отчетность по развитию туризма, культуры, работе с молодежью, привлечению инвестиций... Однако риски тоже были велики: в случае неуспеха, это грозило большими неприятностями с областным начальством. Такая ситуация создавала нервозность и дерганность в исполкоме: начальники перекаладывали ответственность на подчиненных, подчиненные не знали, что им делать и в поисках хоть каких-то ответов звонили непонятному, но, видимо, важному в организации человеку — Юлии. Организационный круг замыкался: Юлия предлагала варианты действий, зам. по идеологии Кусов давал распоряжение на исполнение начальнику отдела, начальник отдела передавал на непосредственного исполнителя, непосредственный исполнитель спрашивал, что же ему делать у Юлии. Так вновь, и вновь невольно, посторонний человек — Юлия Галиновская — стала центром принятия решений по поводу фестиваля.

Вещи, вызывавшее особое раздражение власти старались запрещать. Например, нужно было всячески нивелировать участие костела, в чем доходили до курьёзов:

Из отчета Юлии Галиновской: «кс. Кароль придумывает конкурс для детей про Мстиславль (составляет интересную викторину) и пишет статью о юбилее прихода, которую заканчивает программой праздничных мероприятий в костеле и приглашением жителей, а потом все это на правах платных публикаций (это значит: сам кс. Кароль оплачивает размещение их в местной газете), Кусов запрещает их печатать! Узнала я об этом по телефону от Кусова: он сам мне сказал о

том, что почитал эту викторину и считал многие вопросы некорректными (это касалось слова «хасиды» — Кусову оно понялось как ругательное по отношению к евреям — почтенным жителям Мстиславля), потому он запретил это публиковать».

Однако, не владея замыслом, контролировать абсолютно всё было невозможно. Программа фестиваля согласовывалась вплоть до мелочей, но содержание отдельных мероприятий часто ускользало из-под бдительного внимания идеологии. Так, на проводимый в рамках фестиваля семинар, удалось «просочиться» проблемному докладу Владимира Мацкевича, не успели серьезно подойти к цензуре содержания фотовыставки, выступлений музыкальных коллективов и т.д. Ничего «антиправительственного» или «политического» не планировалось, но сам факт неподконтрольности чего-то был вызывающим.

Из отчета Юлии Галиновской: «...мы дошли до пункта «Цветы», и меня спросили: «Цветы к памятнику неизвестному солдату возлагать будем?»; я: «Как Вы это себе представляете?»; женщина: «Я не представляю, я спрашиваю»; я: «Но ведь это рыцарский фестиваль, средневековая эпоха — Вы считаете, это сочетается?»; она: «Я ничего не считаю, у нас на каждый праздник возлагают цветы к памятнику неизвестному солдату. Так будете или нет?»; я: «Понятно, нет». Из этого разговора я почерпнула такую штуку: ко всякого рода «советским» знакам, памятникам у людей (в большинстве своем) чисто бессодержательное, неосознанное отношение — как к ритуалу, который обязателен к выполнению на каждом празднике. Мало кто задумывается о его нужности

и даже о важности, мало кто рефлектирует, что это ритуал. Особенно циничное отношение — у работников культуры (думаю, они и поспособствовали — через переписывание из года в год одного и того же сценария мероприятия — этому формализму)».

Часто избыточная бдительность властей была источником досадных неприятностей, создавала совершенно не нужные препятствия, но все же не вредила основному ходу подготовки фестиваля. К взаимному удовольствию местных властей, жителей Мстиславля, католического прихода, организаторов, волонтеров и участников фест средневековой культуры, «Мсціслаўскі фэст -2007», состоялся.

Из отчета Юлии Галиновской:

«Интересная деталь: в Мстиславле есть два места, где вешают объявления о концертах, фестивалях — с программами: это Дом культуры и райисполком (плюс кинотеатр — с киноафишами). Можно было бы подумать, что в этом городе (как и в каждом малом) такая норма — т.е. все знают, где можно узнать такого рода информацию. Однако многие мстиславльцы потом нам же и жаловались, что не знали, где повешены объявления. А ведь когда волонтеры применили другой ход, развешивая афиши в разных местах (и много) — особенно в настоящему людных, по приказу властей их стали снимать (афиши были на двух языках).

В Мстиславле не нужна реклама — или ее не может быть? не приживается? — это нарушает размеренный ритм города. Несмотря на все достижения научно-технического прогресса, объявления в Мстиславле до сих пор упорно пишут от руки! Видимо потому, что они не могут существовать более чем в одном-двух экземплярах».

Ошибки, просчеты, провалы, цена
Фестиваль 2007 года был ярким и значительным событием для города. Но в полной мере эффект фестиваля удалось прочувствовать лишь группе волонтеров, молодежи, принявшей деятельное участие в подготовке феста. Для них это событие было чем-то таким, чего никогда не было в Мстиславле раньше, чудом, но чудом, сделанным в том числе их собственными руками. Для других «Мсціслаўскі фэст -2007» стал неожиданно приятным событием, но сделанным кем-то внешним (властями, Юлией Галиновской, костелом) для города и горожан. Мстиславльская интеллигенция, даже будучи частично вовлеченной в деятельность и имея возможность видеть механизм подготовки изнутри, не смогла преодолеть ни собственной зависимости от властей, ни внутренних разногласий, ни ощущения собственной беспомощности.

Фестиваль не стал тем событием, которое они могли бы присвоить. Нам же не удалось передать им это чувство собственника, хозяина города. В полной мере, это проявилось в неудачной попытке подготовки второго фестиваля в 2008 году, когда практически всю работу приходилось начинать с нуля. Нельзя, конечно, сказать, что совсем ничего не получилось: определенный эффект оттаивания лучился, к кому-то вернулась надежда на возможность возрождения города. Но это возрождение по-прежнему не связывалось с внутренними ресурсами и самостоятельной активностью.

В полной мере учла свои «ошибки» и местная власть. При подготовке второго феста в Мстиславле, весной-летом 2008 года,

ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ: ПОПЫТКИ ПОНИМАНИЯ

исполком точно знал, что и в каком виде они жаждут получить. Никаких неожиданностей не должно было быть — фестиваль должен быть только культурно-развлекательным, ничего более. Стратегия взаимоотношений строилась на принципе максимального контроля и получения всех выгод от участия второй стороны, без каких-либо собственных вложений. Не имея возможности достижения собственных целей, мы были вынуждены отказаться от участия в фестивале 2008 года.

Он прошел, без нашего участия, город и его жители также были лишь участниками зрелища, но ни его организаторами, ни его хозяевами они не стали.

Немногим позже, источник нежелательной активности — автор идеи, инициатор и вдохновитель «Мсціслаўскага фэста -2007» ксендз Кароль Томецки покинул город. Он был переведен в другую парафию.

Андрей Егоров

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало наших экспедиций в малые города совпало с ростом общего интереса к ним со стороны государственных программ, краеведов, СМИ, политологов. У такого интереса есть несколько причин. Скорее всего, этот интерес связан с диспропорцией в развитии столицы и белорусской провинции. Уже довольно давно было отмечено, что Минск и регионы очень по-разному реагируют на политические и экономические события. Очень часто в полемике о реформах, трансформации и изменениях приводится аргумент о неготовности страны, белорусского общества и нации к тем или иным изменениям. Считается, что Минск характеризуется большей готовностью к переменам, чем регионы. Долгое время этот аргумент не подвергался сомнению, но и не предпринималось попыток разобраться и исследовать эту неготовность.

Отчасти этот интерес вызван внешним влиянием, распространением в Беларуси идей регионального планирования и развития и появлением моды на такого рода разработки. Эта мода и тенденция начали распространяться в Беларуси экономистами, которые заимствовали этот интерес у своих коллег в Украине и России. С другой стороны, результатом президентской избирательной кампании 2006 года стало не только продление полномочий первого президента Беларуси, но и принятие белорусским режимом полной ответственности за страну и нацию, за все, что в ней происходит. Все оппоненты перестали восприниматься как субъекты политики. Если в предшествующий период основной интерес и действия государственного управления были направлены вовне: на установление и удержание некоего геополитического статуса и места в ряду других государств или совместно с ними (интеграция с Россией, СНГ и т.д.), то сейчас, когда национальный суверенитет не только стал фактом, но и признается самоценностью, внутреннее развитие и развитие регионов переходит в разряд первостепенных задач белорусского государства. Это проявляется в изменении тематики государственных средств массовой информации, которые стали значительно больше времени и площадей посвящать «глубинной» Беларуси, а не только внешнеполитическим или столичным событиям. На белорусском телевиденье появилось сразу несколько новых передач, посвященных экспедициям по стране. В свою очередь, интерес независимых интеллектуальных центров и исследователей (в первую очередь социально-политических) к белорусским регионам стимулируется необходимостью понять природу сопротивления переменам и реформам, оценить реальную степень этого сопротивления и найти иные формы работы.

Каковы бы ни были причины возросшего интереса к белорусским регионам, он делает очевидным дефицит наших знаний о стране. Причем этот дефицит касается всего спектра

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

дисциплинарных и предметных знаний и не может быть ликвидирован одним исследованием или даже комплексом исследований, реализуемых в короткое время, тем более он не может быть ликвидирован одной или несколькими книгами.

Мы и не ставили себе задачу в этой книге дать полное представление о малых городах в Беларуси. Наши экспедиции носили пилотный характер, а значит, только открывали большой и неизвестный мир жизни малых городов. Избранный нами метод исследования действием предполагает воздержание от готовых суждений и представлений, а также от поспешных гипотез и объяснений. Мы в большей степени стремимся понять, чем объяснить. И если объяснение всякий раз претендует на истинность или исчерпывающий характер, то любое понимание обязательно содержит в себе изрядную долю сомнения.

Мы приезжали в малые города, наблюдали, предпринимали какие-то действия, смотрели на то, что получается и что не получается и пытались понять, почему что-то получается, а что-то — нет. И в этом понимании нам приходится всякий раз задаваться вопросом: «А правильно ли мы понимаем?». И это сомнением может быть развеено только встречным или ответным пониманием.

Представленная на суд читателей книга является по сути большим и развернутым вопросом: **Правильно ли мы понимаем положение и состояние дел в малых городах?** Было бы очень хорошо, если бы на такой вопрос последовал столь же развернутый ответ. Нам даже не важна модальность этого ответа. Предположим, что заинтересованные читатели скажут, что мы все понимаем неправильно. Мы будем рады такому ответу, особенно если этот ответ будет содержать в себе другое понимание.

Содержанием и нашего понимания, и нашего сомнения, и ожидаемых подтверждений или опровержений является город, идея города и современные понятия города, городской организации жизни, культуры и деятельности.

Практически одновременно с началом наших экспедиций была принята к реализации Государственная комплексная программа развития регионов, малых и средних городских поселений (на 2007 – 2010 годы). В этой программе относительно городов предусмотрены разнообразные действия: от строительства новых предприятий и создания рабочих мест до озеленения, рекреации и т.д. Но практически ничего не говорится о том, как сделать малые города в большей степени городами. Можно строить программы улучшения уровня жизни в поселениях, совершенствования инфраструктуры, не меняя и не затрагивая типа поселения, не меняя качества и образа жизни в нем. Блага цивилизации сегодня легко доступны в самых дальних уголках планеты. Факт наличия связи, Интернета, товаров, услуг — приводит к изменению социальных отношений, образа и качества жизни, типа поселения — всего того, что составляет предмет нашего исследовательского интереса.

Мы пока очень мало можем сказать о том, что представляют собой белорусские поселения, именуемые «малыми городами», столь расплывчато мы можем сформулировать современное понятие «города», которое позволило бы уверенно строить программы развития городов в Беларуси. Мы лишь двигаемся к решению этих задач. Культурно-политический подход требует деятельностного включения не после формулировки понятия, а в ходе работы над ним. В этом

движении нас направляет «идея города». Она была ориентиром для сбора информации и попыток его понимания и систематизации.

Материал, собранный нами в ходе восемнадцати экспедиций, позволяет выделить и сформулировать несколько констатаций и существенных проблем, касающихся тех или иных сторон жизни малых городов и их перспектив быть или стать городами.

Жизнь в малых городах течет в размеренном ритме и вполне упорядоченно. Это означает, что период катаклизмов, радикальных трансформаций и некоторого хаоса (а он надо полагать, все же наблюдался в малых городах, хотя по этому поводу специальных исследований не было) закончился. Стали складываться устойчивые формы организации различных сторон жизни. И складываются они, судя по всему, стихийно, сами собой, без направленного воздействия. С одной стороны, они втягивают и воспроизводят весь предыдущий советский (другого ведь нет) опыт в той мере, в которой он вписывается в нынешнюю ситуацию. С другой стороны, за постсоветский период где-то спонтанно, а где-то через заимствование западных норм сложились новые формы и проявления жизни и деятельности (организовался бизнес, появились новые виды развлечений, отдыха, по-другому стало планироваться будущее детей и т.д.). Большинство таких возникавших спонтанно изменений были, в конце концов, упорядочены и сведены к стандартным формам: всякая ненормированная активность утилизировалась и канализировалась. Однако эта стандартизация не везде удалась, и мы могли наблюдать закрепление отдельных феноменов, как уже полноправных элементов жизни и даже иногда почти сформированные нормы новой жизни, которые становятся если не определяющей модой, то какой-то особенной чертой отдельных городов (Ганцевичи, Глубокое, Поставы и др.).

Именно эти закрепившиеся новые формы жизни могут рассматриваться как зацепка, начало для разворачивания процессов не просто выживания малых городов, а их развития. Причем развития именно как городов, а не просто территориально-административных единиц.

Что позволяет говорить в этом случае о развитии городов? Эти выжившие и оформившиеся феномены по своему происхождению имеют самодеятельную, саморганизованную природу. Это проявления человеческой фантазии, интеллекта и прочих способностей к самостоятельному обустройству своей жизни. В этом смысле, они противостоят любым готовым и не требующим сознательного и волевого участия формам жизни. Все, что смогло выжить и закрепиться в современной жизни малых городов, втягивает в нее (в эту жизнь) эти компоненты: самоуправление, разнообразие норм и образов жизни в городе, ответственность за свою судьбу. Надо сказать, что сейчас потенциал этих инноваций очень невелик. Они очень мало и неравномерно распространены по стране. Есть города, в которых если когда-то и были такие проявления жизни, то сейчас они либо переведены в маргинальное состояние, либо вытеснены из города. С другой стороны, условия выживаемости всегда таят в себе возможность сведения «живых» феноменов либо к коррупции, либо к фиктивно-демонстративной деятельности, либо к поиску более благоприятных условий в больших городах и т.д.

То внимание к малым городам (и административное, и экономическое) и усилия, которые прилагают белорусские власти по их развитию, не способствуют расцвету и мультипликации

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

новых форм организации и самоорганизации. Государственные программы восстанавливают патерналистские установки и понемногу оправдывают бытовые и потребительские ожидания жителей. Тем самым направляют их развитие не в сторону городского образа жизни, а в сторону административно-функционального поселения.

Обозначим несколько проблем обустройства городской жизни, которые показали нам наиболее значимыми.

В большинстве малых городов нам не удалось обнаружить признаков публичной жизни. В некоторых случаях мы находили только ее зачатки, не достаточные, с нашей точки зрения, для того, чтобы считать их признаками города. Население погружено в частную жизнь, загружено повседневными, локальными заботами. Это уже не заботы выживания, но все же заботы, связанные с обеспечением нормального уровня жизни. Из круга этих забот люди практически не могут выбраться, у них просто нет свободного времени не только для того, чтобы заниматься городскими или общими делами, но даже для того, чтобы начинать думать об этом. Таким образом, первую проблему мы можем сформулировать как проблему публичной жизни и публичного пространства.

С проблемой публичной жизни связана проблема активности и свободного времени. Организация жизни в поселениях, охваченных нашими экспедициями, направлена на утилизацию активности и того незначительного свободного времени, которое все-таки иногда появляется у людей. Культивирование потребительского и патерналистского отношения не позволяет находить и пытаться реализовать иные формы активности или употребления свободного времени кроме тех, которые предлагаются и обеспечены государственной поддержкой. Эта проблема связана с переосмыслением целей и ценностей развития и организации образа жизни.

Еще одна существенная проблема, проблема историчности и сохранения целостности и идентичности в жизни малых городов и городских сообществ. Многочисленные разрывы практически на всех уровнях: начиная от межличностной и межинституциональной коммуникации, заканчивая культурными катастрофами национального масштаба, обнаруживающими себя в истории каждого города, — не позволяют сформировать город как более или менее целостный объект в сознании и деятельности его жителей. Разрывы и барьеры наблюдаются и между различными социальными группами, и между поколениями, и между отдельными активными людьми.

Эти проблемы представляются столь глубокими, что могут показаться практически неразрешимыми. Но отказ от деятельности не должен становиться принципом и установкой. Вопрос лишь во времени, ресурсах и усилиях, которые должны быть приложены для приведения ситуации в соответствие с желаемым состоянием. В этом отношении вдохновляющим примером может служить практика больших городов, правда, увы, не белорусских. Так, например, жители Вены³⁶, почувствовав, что перестали жить как город,

³⁶ Глазычев В. Представление о городе и технологии управления средовым развитием. Типология городов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.glazychev.ru/courses/1998-10-30_predstavlenie_o_gorode.htm

потратили 4 года только на то, чтобы поставить эту проблему перед заинтересованными в возрождении города субъектами и договориться о начале работ. Разработка программы развития и превращения Вены в город (возвращения ее к городской жизни), а также ее реализация вряд ли займет меньше времени.

Чтобы определиться с необходимыми усилиями и ресурсами, правильно программировать их применение, в первую очередь, необходимо дальше и глубже разбираться и с актуальной ситуацией и современным понятием города. Мы сделали лишь первые шаги. И пока знаем очень мало. Но, что очевидно уже сейчас, так это то, что необходима работа по формированию такого понятийного и концептуального аппарата, который позволит работать с современными малыми городами в Беларуси. Мы убеждены в том, что в начале города появляются в мышлении, а потом становятся материализованными фактами. Бессмысленно пытаться развивать города, используя те категории и понятия, которые предлагаются в государственных программах развития. С их помощью можно развить административные центры по обслуживанию населения, рабочие поселки и т.д., но не города.

В ходе экспедиций и работы над собранным материалом мы можем наметить несколько направлений такой концептуальной работы. Во-первых, это типология малых городов, которая бы апеллировала к тем факторам их жизни, которые задают различные направления и импульсы в развитии, создают варианты такого развития. Например, среди белорусских малых городов сейчас можно выделить следующие типы:

- узловые города, возникшие и существующие за счет нахождения на пересечении разного рода путей и связей — транспортных, коммуникационных, административных. Этот тип похож на города, возникшие на торговых путях.
- административно-инфраструктурные города, которые обеспечивают функционирование некоторых более широких социально-территориальных организованностей. Они существуют за счет выполнения функций администрирования, управления и обеспечения.
- конверсионные города, для которых возможность сохранения там жизни связана с необходимостью «переработки» некоторого наследия (и материального, и организационного), которое осталось им от размещения военных баз или от ранее существовавших больших предприятий.
- туристические города, потенциал которых связан с восстановлением и использованием либо исторического, либо природно-ландшафтного капитала. Чаще всего — это древние города, потерявшие свой былой статус, но не потерявшие желания выжить.
- промышленные города, опирающиеся на обеспечение рабочей силой и инфраструктурой работающих или возникающих предприятий.

Это, безусловно, не полный и не окончательный список. Важно, что развитие в каждом из типов должно апеллировать к совершенно разным вещам: торговле, инфраструктуре, предпринимательству, благоустройству среды и т.д. Общее же состоит в необходимости осознать свою специфичность и отнестись к ней по-хозяйски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторым направлением является создание индикаторов и показателей, способных определить потенциал развития городов, его изменение. Они позволят адекватно сравнивать города, оценивать их сильные и слабые стороны, перспективы развития, а также намечать пути движения наиболее оптимальным образом. Здесь, пожалуй, больше вопросов, чем ответов. Однако можно предполагать, что такая оценка может быть связана с учетом тех мест и возможностей, где возникает самостоятельная активность, публичность и свободное время для мышления о городе.

Таковы итоги, которые мы можем зафиксировать сейчас. Но они не имеют никакого смысла, если исследование не будет продолжено, если мы не услышим ответа на наш вопрос «правильно ли мы понимаем положение и состояние дел в малых городах?» от тех, кто включится и подхватит нашу «игру в города».

Владимир Мацкевич, Татьяна Водолажская

МАЛЫЯ ГАРАДЫ БЕЛАРУСІ: ЭКАНАМІЧНАЯ ГІСТОРЫЯ І ўРОКІ

1. ПЕРШЫЯ СТАРАЖЫТНЫЯ ГАРАДЫ

Узніклі першыя гарады прыкладна ў III тысячагоддзі да нашай эры на Блізкім Усходзе, а дакладней, у Міжрэччы (рэкі Тыгр і Еўфрат) ці ў Месапатаміі. Далей ареал городаў пашырыўся ў даліны рэк Егіпта, Індыі, Кітая. Першыя дыспатычныя дзяржавы аб'явіліся на магутнасць гіганцкіх сталіц тыпу Вавілона, якія ўзвышталіся над іншымі параўнальна невялікімі правінцыйнымі гарадамі.

А на беларускіх землях у той час панавалі першабытнаабшчынны лад. У пачатку II тыс. да н. э. далёкія продкі беларусаў толькі пераходзілі ад збіральніцтва да земляробства і жывёлагадоўлі. Гэта былі людзі лясоў, азёр і рэк. Пастаяннае ўжыванне рачной рыбы рабіла іх кемлівымі і вынаходлівымі, падвышала творчы патэнцыял.

У эпоху старажытнагрэцкіх городаў на беларускіх землях адбываўся працэс разлажэння першабытнаабшчыннага ладу. У часы Рымскай імперыі тут у IX—VIII ст. да н. э. пачалі будавацца гарадзішчы — прататыпы будучых городаў. Яны з'яўляліся рода-племяннымі і рэлігійнымі цэнтрамі. Там адбываліся агульныя сходы, будаваліся аязычніцкія копішчы, сховішчы для прадуктаў; ажыццяўляліся прасцейшыя формы абмену. Выглядалі гарадзішчы, зразумела, вельмі

сціпла ў параўнанні з каменнымі гарадамі Рымскай імперыі. Характар паселішчаў залежаў ад сацыяльна-кліматycznych умоў. Так жылі ў еўрапейскай ляснай зоне і іншыя народы цяперашняй Германіі і Вялікабрытаніі. Гарадзішчы ўсё ж можна лічыць першымі паселішчамі гарадскога тыпу, своеасаблівымі аграрнымі гарадкамі.

Магчыма, што мы і не даацэньваем цывілізацыйны ўзровень нашых продкаў у перыяд дакіеўскай Русі. Хто ведае, можа, калі б захаваліся дахрысціянскія пісьмовыя крыніцы, мы б мелі беларускага Гамера і сваю гераічную «Іліяду». Ва ўсякім разе, гарадзішчы з такім жа поспехам забяспечвалі жыццядзейнасць мясцовага грамадства, як і Вавілон, Афіны ці Рым. Жалезная руда з беларускіх балот праз скіфаў трапляла ў антычны свет. Археалагі знаходзяць на беларускіх землях рымскія манеты.

2. ГОРАДАўТВАРАЛЬНЫЯ ПРАЦЭСЫ ў V—X СТ.СТ. (АДКРЫТЫ ГОРАД)

У генезісе сучаснага еўрапейскага горада вядомы французкі гісторык Фернан Бראдэль вылучае тры этапы: гарады адкрытыя, калі гарадская абшчына не была аддзелена ад сельскай і практычна не адрознівалася ад яе

(А); гарады закрытыя, самадастатковыя, замкнёныя ў сабе, агароджаныя сценамі ад знешняга свету (В); гарады, трапіўшыя пад апеку правіцеляў або дзяржавы (С).

Першы этап (V—IX стст.) супадае з раннім Сярэднявеччам;

другі этап (X—XV стст.) — з Сярэднявеччам высокім (X—XIII) і познім (XIV—XV);

трэці этап (XVI—XIX стст.) — з высокім Адраджэннем (XVI — першая палова XVII), Асветніцтвам (другая палова XVII—XVIII) і індустрыялізацыяй у Новы Час (канец XVIII—XIX стст.).

Чацьвёрты этап мы выдзяляем самі. Гэта перыяд найноўшай гісторыі з пачатку XX ст. да нашых дзён, калі паміж гарадамі і дзяржавай устанавіліся *дэмакратычныя адносіны*, заснаваныя на ўзаемапавазе, гармоніі і ўзаемавыгадным дапаўненні.

На першым этапе (А), у раннім Сярэднявеччы, назіраўся ўпадак заходнеўрапейскіх гарадоў. Пасля падзення Рымскай імперыі многія з іх былі проста разбураны і абрабаваны варварамі. У выніку набегу мусульман прыпыніўся гандаль у Міжземнамор'і. Усё гэта і вяло да змянення колькасці гараджан, аграрызацыі старых гарадоў. У той жа час вялікія перасяленні народаў спарадзілі на еўрапейскім кантынентце, пераважна па-за межамі былой Рымскай імперыі, утварэнне шэрагу маленькіх *гарадоў-крэпасцяў*, якія ратавалі гараджан і навакольнае насельніцтва ад набегу вікінгаў з поўначы і захаду, качавых плямёнаў з усходу, арабаў з поўдня.

Цывілізацыйнымі цэнтрамі свету да XII ст. выступалі Візантыйская імперыя і Арабскі Халіфат. Заходняя Еўропа выглядала правінцыяй. Усход быў тады зонай імперыі і

вялізарных гарадоў. Багдад, сталіца Арабскага Халіфата, у перыяд свайго росквіту налічваў да 2 мільёнаў жыхароў і з'яўляўся самым вялікім горадам у свеце.

У VI—VII ст. колькасць гарадзішчаў на беларускіх землях, відаць, вырасла ў сувязі з прыходам стоды славянаў, якія каланізавалі новы край, абапіраючыся на драўляныя гарадзішчы-крэпасці. Не выпадкова замежныя госці называлі тады нашу краіну *Гардарыкай* (краінай гарадоў). Працэс утварэння невялікіх феадальных гарадоў-крэпасцяў тут пачаўся прыкладна адначасова з Заходняй Еўропай, у эпоху ранняга Сярэднявечча (V—X стст.). Датай узнікнення гарадскіх паселішчаў прынята лічыць іх першае згадванне ў летапісах.

Першым такім горадам на землях Беларусі быў Полацк. Сваёй увагай летапісец уганараваў яго ў 862 годзе. Першыя беларускія гарады былі выключна драўлянымі і такімі ж раскінутымі ў прасторы вакол умацаванага замка, як і паўночнагерманскія. Вакол буйнейшых гарадоў узніклі першыя старажытнабеларускія княствы. Гарады станаўліся іх сталіцамі, а таму хутчэй за іншыя набывалі рысы неземляробчых паселішчаў. Аднак да XI ст. на беларускіх землях, як і на суседніх, закладаліся толькі пачаткі гарадскога жыцця. Насельнікамі гэтых земляў былі людзі пушчаў і балот.

3. ГАРАДЫ XI—XV СТСТ.

Наступны этап эвалюцыі гарадскіх паселішчаў Еўропы, этап закрытага горада (В), супадае з высокім і познім Сярэднявеччам (XI—XV стст.). Тады з'явіліся тысячы і тысячы новых гарадоў. Рост гарадоў быў звязаны з

завяршэннем эпохі напшэсцяў (арабаў, вікінгаў, мадз'яр), эканамічным уздымам вёскі, выкарыстаннем новых крыніц энергіі (водных колаў і ветракоў), пашырэннем рамёслаў і адраджэннем міжнароднага гандлю. Канцэнтрацыя ў гарадах багаццяў стала іх асноўным адрозненнем ад вёскі.

Назапашванне багаццяў дазваляла гораду, дакладней яго рамеслена-купецкай вярхушцы, адгарадзіцца ад сялянства, а пазней — і ад феодалаў, на землях якіх гэтыя гарады ўзнікалі. У выніку кадыфікацыі гарадскога права (Магдэбургскае і яму падобныя), гараджане вызваліліся ад свавольства аграрнай арыстакратыі. Гарадскія абшчыны кіраваліся сваімі выбарнымі органамі, праводзілі сваю сацыяльна-эканамічную палітыку. Што тычыцца дзяржавы, то і тут гараджане былі ў выйгрышы. На этапе высокага і позняга Сярэднявечча ў Заходняй Еўропе эканамічнае развіццё гарадоў ішло вельмі хуткімі тэмпамі, а маладыя еўрапейскія дзяржавы яшчэ не мелі ні эканамічных, ні палітычных, ні ваенных сілаў, каб трымаць гараджан пад кантролем. Гарадскія цэнтры займелі ўнікальны панец свабоднага развіцця. Новыя эканамічныя гарады нагадвалі своеасаблівыя батустаны рыначных адносін, эмбрыёны будучых грамадстваў, у іх мадэлявалася будучыня Еўропы. Толькі самаізаляваўшыся, гарадскія паселішчы маглі дазволіць сабе самыя разнастайныя эксперыменты.

Важнейшым вынікам развіцця сярэднявечнай Заходняй Еўропы можна лічыць узнікненне густой сеткі невялікіх гарадоў, якія побач з іншымі стваралі камунікацыйны каркас для эканамічнага развіцця кантынента. І тая сетка гарадоў у значнай меры выкарыстоўваецца дагэтуль. Адначасова малыя гарады служылі

адміністрацыйнымі цэнтрамі і часцей за ўсё знаходзіліся ў залежнасці ад феодалаў ці ад буйных гарадоў. У Францыі існавала 32 тысяч камун на чале з гарадскім цэнтрам, у Італіі — каля 8 тысяч, у Германіі — каля 3 тысяч.

У той час, як еўрапейскія гарады становіліся эканамічна самадастатковымі і палітычна вольнымі, на Усходзе і Азіі яны заставаліся аграрнымі. Павялічваць свае багацці ім перапшкаджала дэспатычнасць дзяржаўнай улады, адсутнасць свабоды. Усход не ведаў этапу закрытага горада. Усходні адкрыты горад адразу ж трапляў пад апеку дзяржавы. Усталёўвалася поўнае падпарадкаванне гараджан імператарскай уладзе. Гэта былі гарады адначасова і *адкрытыя*, і *падпарадкаваныя*.

Перыяд Кіеўскай Русі ў беларускай гісторыі практычна супадае з высокім Сярэднявеччам у Еўропе (XI—XIII ст.). На тэрыторыі сучаснай Беларусі ў той час у асноўным усталяваўся феадальны лад жыцця, аграрная цывілізацыя. На варце новых парадкаў узніклі невялікія *гарады-крэпасці*. Асабліваю эканамічную выгаду мелі гарады, што ўзнікалі на валоках, там, дзе найбліжэй сыходзіліся розныя рэкі. Такія гарады ў IX—XII ст. хутка ўзбагачаліся на міжнародным гандлі з Візантыяй, Арабскім Халіфатам і Скандынавіяй.

Беларускія гісторыкі налічылі для XIII ст. каля 35 гарадоў. Насамрэч гарадскіх цэнтраў магло быць болей. Ёсць меркаванне, што колькасць гарадоў даходзіла да 50.

Чаму мы не пра ўсе ведаем? Справа ў тым, што шматлікія валасныя цэнтры гарадскога тыпу, якія тады найбольш поўна прэзентавалі эканоміку і культуру абшчын з іх радавымі і язычніцкімі традыцыямі, не заўсёды траплялі ў поле зроку летапісцаў, калі там не было замкаў-крэпасцяў.

Поспехі эканамічнага развіцця гарадскіх паселішчаў даўняй Беларусі не варта перабольшваць. Эканамічны горад еўрапейскага ўзору на беларускіх землях да пачатку XIII ст. яшчэ не склаўся. Дакладней, пачатак быў добрым, але з заняпадам Візантыі беларускія гарады не маглі своечасова пераарыентавацца на міжнародны гандаль з Заходняй Еўропай праз Ганзу, а таму і пачалі чэзнуць, адставаць ад заходнееўрапейскіх. Балтыйскае мора ад Полацка адрэзала крыжакі, заснаваўшы ў 1201 годзе ў вусці Заходняй Дзвіны Рыгу. Усходнеславянскія гарады не сталі настолькі буйнымі і эканамічна магутнымі, каб уратаваць усходнеславянска-візантыйскую цывілізацыю ад разбурэння, да якога прычыніліся татара-манголы. Гэтым гарадам не ўдалося паўтарыць поспех заходнееўрапейскіх гарадоў, з дапамогай якіх атакі качэўнікаў былі адбіты.

Перыяд Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) у беларускай гісторыі (сярэзіна XIII ст. — 1569 г.) у асноўным супадае з познім Сярэднявеччам у Еўропе (XIV—XV стст.). Гарады, якія дасягалі значных эканамічных поспехаў, атрымлівалі *Магдэбургскае права*. Германскае па паходжанні, гэтае права набывала на беларускіх землях свае адметнасці. Найважнейшая з іх — існаванне юрыдыкаў, асобных гарадскіх кварталаў, якія заставаліся ва ўласнасці прыгарадных феодалаў і на якія не распаўсюджваліся паўнамоцтвы магістратаў (звычайна там жылі яўрэі, якія плацілі падаткі і вотчынніку, і гораду).

Таму нават магдэбургскія гарады ВКЛ, у адрозненне ад заходнееўрапейскіх, не сталі да пачатку XVI ст. у поўным сэнсе гэтага слова закрытымі, а хутчэй — *напалўзакрытымі*. Цалкам вызваліцца ад вясковай абшчыны і феодалаў не ўдавалася. Каб стаць

незалежнымі і самадастатковымі, у іх не хапала эканамічнай магутнасці і багаццяў. Беларускія гарадскія паселішчы саступалі па сваім эканамічным патэнцыяле заходнеерапейскім, якія раслі на амерыканскім золаце і срэбры. З каланіяльных грошай да Беларусі дакочваліся толькі асобныя манеткі. Прыкладна палова насельніцтва мясцовых гарадоў жыла з сельскай гаспадаркі. У адпаведнасці з падзелам працы на сусветным рынку, які склаўся ў XVI ст., краіны на ўсход ад Эльбы займаліся сельскай гаспадаркай, а краіны на захад ад Эльбы — прамысловасцю.

Тым не менш, эканамічнае развіццё ішло ў агульнаеўрапейскім рэчышчы. У пачатку XVI ст. беларускія гарады перажывалі росквіт культуры і эканомікі (свой «залаты век»). Адбывалася гэта ў значнай ступені пад уздзеяннем уздыму мясцовай феадальнай гаспадаркі, якая спецыялізавалася на вытворчасці зерня на экспарт, бо якраз тады ў гарадах Захаду пачаў назірацца высокі попыт на хлеб. Зборнымі пунктамі экспартнага зерня выступалі гарады і мястэчкі, што спрыяла іх узбагачэнню.

У пачатку XVI ст. у Беларусі было каля 40 гарадоў. Да *буйных* з насельніцтвам больш за 10 тысяч чалавек належалі Полацк, Віцебск, Берасце, Магілёў, Слуцк; да *сярэдніх* з колькасцю насельніцтва ад 3 да 10 тысяч жыхароў — Горадня, Менск, Орша, Быхаў; да *малых*, у якіх пражывала ад 1,5 да 3 тысяч чалавек, адносіліся Бабруйск, Барысаў, Слонім, Кобрын і шмат іншых. Беларусь была краінай малых гарадоў і мястэчак.

Цэнтры валасцей, княжацкіх старостваў, эканомій, а таксама вотчын ва ўмовах далейшага прагрэсу феадальнай гаспадаркі набывалі рысы гарадскіх паселішчаў. Многія

з іх, у адрозненне ад папярэдняга перыяду, дабіваліся гарадскіх прывілегій і адпаведнай назвы — мястэчкі. У старабеларускай мове гэта азначае нішто іншае як гарадок, маленькі горад ці горад невялічкі. У іх пражывала не болей за 1,5 тысяч чалавек.

Узніклі мястэчкі ў XIV ст. Гэта быў якраз той час, калі ў дзяржаўнай казне ВКЛ з'явіўся лішак грошай. Гэтыя грошы здабываліся ваеннымі паходамі Альгерда і Вітаўта, працай беларускага народа і ўсталяваннем сталых гандлёвых сувязей з заходнееўрапейскімі краінамі. З XIV ст. плыты беларускага лесу пачалі спускацца па рэках да Балтыйскага мора. Марская магутнасць Англіі стваралася экспартам беларускага матчавага лесу. Першыя мястэчкі раслі пераважна на дзяржаўным экспарце лясной прадукцыі. Многія з іх сталі фрахтовымі пунктамі гэтага экспарту. Мястэчкі таго часу маглі засноўвацца толькі дзяржавай. Усе падаткі ад мястэчак ішлі ў казну.

Хоць асноўным заняткам жыхароў мястэчак была сельская гаспадарка, яны вылучаліся з вясковай стыхіі наяўнасцю кірмашу, адметнага храму, сталых гандляроў і рамеснікаў. У адрозненне ад гарадоў, мястэчкі не мелі абарончых муроў. Гэтыя паселішчы займалі прамежкавае становішча паміж вёскай і горадам. Мястэчкі побач з гарадамі вялі эканамічны ўзаемаабмен Вялікага Княства Літоўскага з краінамі Заходняй Еўропы, інакш — *вестернізацыю* беларускіх земляў.

У Маскоўскай дзяржаве не існавала ні мястэчак, ні Магдэбургскага права, ні рамесных цэхаў. У аграрнай краіне для гэтага проста не было эканамічнай неабходнасці.

4. ГАРАДСКІЯ ПАСЕЛІШЧЫ РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ. XVI СТ. — КАНЕЦ XVIII СТ.

Трэці этап эвалюцыі еўрапейскіх гарадоў, калі, закрытыя і свабодныя, яны траплялі пад апеку цэнтральных улад (С), назіраўся ў XVI — XIX стст. Акрэслены перыяд яшчэ называюць Новым часам. Нямецкі гісторык Гельмут Кёнігсбергер і іншыя еўрапейскія гісторыкі вылучаюць з гэтага перыяду ранні Новы час (1500—1789 гг.). Пачаткам Новага часу можна лічыць адкрыццё Калумбам Амерыкі (1492 г.).

Дзяржава паступова падбірала пад сябе асноўныя грашовыя патокі, у тым ліку і амерыканскага золата. З гэтым муслілі лічыцца гарады. Дзяржава не магла жыць без горада, але і горад не мог развівацца без падтрымкі дзяржавы. Складаўся ўзаемавыгадны эканамічны саюз паміж дзяржавай і горадам. Дзяржавы фактычна паўтаралі той шлях, які ўжо прайшлі гарады, пераймалі іх прыёмы кіравання, вобраз мыслення. У выніку яны становіліся падабенствам сваіх сталіц.

Галоўнай адметнасцю еўрапейскіх гарадоў XVI — XVIII ст. было тое, што іх гандлёва-фінансавая функцыя дасягнула анагею. Складваліся больш трывалыя іерархічныя сістэмы гарадоў. Дробныя гарады канцэнтраваліся вакол буйных і падпарадкоўваліся ім ў эканамічным і культурным плане. Эканамічная роля маленькіх гарадкоў (*stetchen*), якія ўзніклі ў Сярэднявеччы, яшчэ больш вырасла. Яны служылі этапнымі кропкамі на гандлёвых шляхах. У шматлікасці такіх гарадкоў выяўлялася асаблівасць Еўропы. Нават у Томаса Мора сталіца вострава Утопія — Амаўрот — аточана 53 малымі гарадамі.

Да самага XVIII ст. нават буйныя гарады Заходняй Еўропы захоўвалі розныя віды сельскагаспадарчых заняткаў. Што тычыцца шматлікіх малых гарадоў, то яны ледзьве вылучаліся з вясковага жыцця. Іх жыхары старанна сачылі за сваімі вінаграднікамі і пасевамі. У перыяд збору ўраджаю нават рамеснікі кідалі свой занятак дзеля палявой працы. У Германіі такая сітуацыя захоўвалася нават у пачатку XVIII ст.

У складзе Рэчы Паспалітай (з 1569 года) беларускія гарады ўсё больш уцягваліся ў агульнаеўрапейскі рынак. У пачатку XVI ст. Еўропа перайшла на пераважна расліннае харчаванне. З другой паловы XVI ст. урбанізаваным раёнам Заходняй Еўропы стала ўсё цяжэй задавальняць свае запатрабаванні ў харчаванні, асабліва ў неўраджайныя гады. Неўраджай 1555—1556 гадоў выклікаў увоз значнай колькасці зерня, цэны на якое стала раслі. Заходнееўрапейскія гарады сталі надзейным рынкам збыту для сельскагаспадарчай прадукцыі. Гэтым скарысталіся ўладальнікі маёнткаў і ўзмацнілі прыгон, каб павялічыць зборы зерня і яго экспарт на Запад.

Рост прыбытковасці сельскай гаспадаркі спрыяў палапаваму будаўніцтву і ўрбанізацыі краю. Колькасць прыватнаўласніцкіх гарадскіх паселішчаў вырасла. Асабліва шырокае распаўсюджанне атрымалі маленькія *stetchen*, *shtetln* — мястэчкі. У 1588 годзе права заснавання мястэчак на ўласнай зямлі атрымалі кожны шляхціц і кожная царкоўная ўстанова. У такім разе мястэчкі, як і гарады, пачалі дзяліцца на княжыцкія і прыватнаўласніцкія, гледзячы на чыёй зямлі стаялі. Калі ў XV—XVI ст. на тэрыторыі Беларусі было больш за 200 мястэчкаў (пераважна дзяржаўных), то ў XVI—XVII ст. — ужо каля 400 (пераважна

прыватнаўласніцкіх). Іх росквіт прыпадаў на перыяд ад другой паловы XVI ст. да сярэдзіны XVII ст. Гэта быў якраз той час, калі беларускае зерне ў масава пайшло на экспарт. Спачатку яно дастаўлялася галандскім купцам у Гданьск (Данцыг), потым — у Амстэрдам, а адтуль разыходзілася па ўсёй Еўропе.

Прыватнаўласніцкія гарады і мястэчкі працягвалі выконваць функцыю зборных пунктаў для фармавання аптových партый зерня, сабранага з палёў землеўладальнікаў і прызначанага на экспарт.

У 1539 годзе вялікі князь Жыгімонт Стары падараваў феодалам права браць пад апеку яўрэяў і сяліць іх у сваіх новых гарадскіх паселішчах. Раней, паводле прывілея Вітаўта 1388 года, іудзеі маглі быць толькі падданымі вялікага князя. Мясцовыя землеўладальнікі атрымалі выгаду, бо яўрэйскія купцы-пасрэднікі забяспечвалі рэалізацыю сельскагаспадарчай прадукцыі. А паны маглі бестурботна праводзіць час у забавах.

Большасць мястэчак узнікала на захадзе, які меў блізкія і зручныя сувязі з еўрапейскімі рынкамі, менш — на ўсходзе. Але і ўсход уцягваўся ў еўрапейскі гандаль праз сістэму рэк і гужавы транспарт. На ўсходзе еўрапейскі ўплыў канчаўся межамі басейна Дняпра і Заходняй Дзвіны. Басейн Волгі меў ужо цягу да паўднёвага, мусульманска-азіяцкага свету. А Беларусь была цалкам неразрыўнай часткай еўрапейскага эканамічнага арганізму. Калі яе рэкі выступалі капілярамі, то мястэчкі — своеасаблівымі лімфатычнымі вузельчыкамі гэтага арганізму.

Мястэчкі былі добрымі сувязнымі і на ўнутраным рынку. Адлегласць паміж імі вымяралася 12—30 км. Таму кожнае мястэчка рэальна ахоплівала сваім уплывам акругу ў радыусе не болей за 15 км. Гэта была якраз тая

адлегасць, якую вясковец мог лёгка пераадолець за дзень калі не пехатой, то на запрэжаным кані. Праз мястэчкі здабыткі вясковай працы траплялі ў мясцовыя гарады. А гарады ў сваю чаргу выкарыстоўвалі мястэчкі ў якасці пасрэднакаў для збыту сваіх прамысловых вырабаў сярод вяскоўцаў. У выніку маленькія беларускія вёсачкі (дзясятка хацін) уцягваліся ў таварна-грашовыя адносіны і становіліся пад эканамічнае падпарадкаванне гарадоў. Наяўнасць мястэчак было ў той час надзейнай адзнакай камерцыялізацыі сельскай гаспадаркі.

Мястэчкі прэзентавалі лакальную культуру, якая духоўна ўзбагачала гарады і, у сваю чаргу, служылі для гарадоў каналам для папаўнення вясковага асяроддзя «гарадскоў свядомасцю» і культурай ужо больш вышталтаванай. Дзякуючы мястэчкам, кожная беларуская вёска становілася часцінкай агульнабеларускай культурнай прасторы на чале з гарадамі.

Па сваёй грамадскай ролі мястэчкі мала чым саступалі гарадам. Таму не выпадкова, паводле Бельскага сейму 1564 года, яны атрымалі нароўні з гарадскімі цэнтрамі магчымасць (хоць бы тэарэтычную) набываць Магдэбургскае права і вызваляцца з-пад апекі феодалаў.

Мястэчка мела своеасаблівы выгляд. Яго цэнтрам была рынкавая плошча, побач з якой на самым высокім месцы стаялі царква і касцёл, будынак мясцовага праўлення, некалькі крамак з таварамі сялянскага хатняга ўжытку. Галоўная вуліца была шырэйшай за іншыя, у некаторых выпадках брукаванай. Пры ўездзе ў мястэчка знаходзіліся пастаялы двор і карчма. На скрыжаванні дарог ставіўся вялізарны крыж з распяццем. У цэнтральнай частцы знаходзілася некалькі добрых дамоў, якія

належалі святарам і буйным гандлярам. Крыху воддаль жылі і працавалі рамеснікі. Ускраіны займалі сялянскія гаспадаркі.

Падобная ўрбаністычная мадэль ў XV–XVIII ст. існавала ва ўсёй Цэнтральнай і Заходняй Еўропе. І там гарады былі этапнымі пунктамі на гандлёвых дарогах. І там яны былі пераважна дробнымі і шматлікімі. Большасць іх па сваёй велічыні нагадвалі нашы мястэчкі.

Заўважалася яшчэ адна цікавая адметнасць. Калі гарадскія паселішчы Захаду ў XVI ст. — пачатку XVII падпадалі пад апеку каралёў, то незалежнасць мясцовых гарадоў ад дзяржавы толькі вырастала. Балазе, што ўлада літоўскіх князёў была абмежаванай і слабай. Была іншая бяда. У XVII ст. гарады, і асабліва мястэчкі, сталі яшчэ больш залежнымі ад феодалаў.

У сярэдзіне XVII ст. на беларускіх землях налічвалася 467 гарадоў і мястэчак. Аднак працэс вестэрнізацыі і ўрбанізацыі ВКЛ быў гвалтоўна перарваны вайной з Расіяй у сярэдзіне XVII ст. (1654–1667). Яе вынікі былі трагічнымі. Па звестках гісторыка Генадзя Сагановіча, на землях Беларусі ў яе сучасных межах ацалела ўсяго 47% жыхароў, а ў гарадах — толькі 45%. Фізічныя вынішчэнні, эпідэміі, палон... Не выпадкова гэтая вайна ўвайшла ў гісторыю як «крыжавы патап». Ваенныя дзеянні на Захадзе, канкурэнцыя Галандыі і Англіі таксама не спрыялі экспарту зерня, які сілкаваў мясцовыя гарады і мястэчкі. Потым была Паўночная вайна (1700–1721), у ходзе якой беларускія землі страцілі траціну насельніцтва. Крыжавыя войны, прыгон і канцэнтрацыя багаццяў у маёнтках, якія вялі міжнародны гандаль, падрывалі сельскую гаспадарку ВКЛ, важную эканамічную базу для росту гарадоў. Эканамічнае развіццё гарадскіх паселішчаў, у параўнанні з Захадам, запавольвалася.

Да пачатку XVIII ст. эканамічны крызіс у ВКЛ усё ж быў пераадолены і яе гаспадарка дасягнула даваеннага ўзроўню. У мястэчках буйныя землеўладальнікі заводзілі першыя мануфактуры. Тым больш, што па законе 1775 года шляхта пазбаўлялася ад забароны займацца камерцыйнай дзейнасцю. Але матэрыяльнае становішча гараджан не было бліскучым. У 1776 годзе Магдэбургскае права ў дробных гарадах і мястэчках было скасавана. Былія вольнасці пакідаліся толькі 11 гарадскім цэнтрам ВКЛ. Сродкі, што ішлі на ўтрыманне магістратаў, лічылася за лепшае забіраць у казну ў выглядзе падаткаў. І сапраўды, большасць гарадоў, не кажучы ўжо пра мястэчкі, былі настолькі беднымі, што не маглі адначасова фінансаваць і дзяржаву, і гарадское кіраўніцтва.

Адбывалася кансервацыя феадальных парадкаў і феадалізацыя гарадоў ВКЛ, што ў значнай меры тлумачылася новым уздымам у другой палове XVIII ст. гандлю зернем з Заходняй Еўропай праз Гданьск і Крулявец. Цэны на зерне на Захадзе тады зноў выраслі, як гэта было ў пачатку XVI ст. Гарадскія паселішчы ператвараліся ў крыніцу фінансавання прыбытковай сельскай гаспадаркі. У XVIII ст. на тэрыторыі ВКЛ мелася каля паўсотні гарадоў, палова з якіх былі прыватнаўладасніцкімі. Яны не вылучаліся сваімі памерамі. Існавалі шматлікія паборы з гараджан. Так, прапінацыйнае права забяспечвала вотчыннікам манаполію на выраб і продаж гарэлки.

У канцы XVIII ст. толькі ў 11 гарадах з 42-х насельніцтва перавышала 2 тысячы чалавек. Адным з найбуйнейшых быў Віцебск (звыш 10 тысяч чалавек). Але ж гэта так мала ў параўнанні з гарадскімі гігантамі Захаду.

У той час як заходнееўрапейскія гарады на працягу XVIII ст. няўхільна набліжаліся да індустрыялізацыі, ліцвінскія перманентна разбураліся войнамі і ўнутрыпалітычнымі канфліктамі. Страта гарадской інфраструктуры падарвала магутнасць Вялікага Княства Літоўскага. Стабільнасць еўрапейскіх краін абумоўлівалася эканамічнай магутнасцю іх гарадоў. А вось беларускія гарадскія паселішчы мадэрнізавацца не паспелі. Як аслабленне гарадоў Кіеўскай Русі папярэднічала яе распаду, так і аслабленне гарадоў Рэчы Паспалітай папярэднічала яе разбору. У канцы XVIII ст. Рэч Паспалітая была падзелена паміж Расіяй, Прусіяй і Аўстрыяй. Беларускія землі сталі часткай Расійскай імперыі.

5. ГОРАДЫ ПОЗНЯГА НОВАГА І НАЙНОЎШАГА ЧАСУ. КАНЕЦ XVIII СТ. — XX СТ.

Пасля прамысловай рэвалюцыі XIX ст. і з пачаткам індустрыялізацыі развіццё гарадоў шматкратна паскорылася. Пачалася інтэнсіўная ўрбанізацыя. Найбольш імкліва ўрбанізавалася Англія. Там доля гараджан перавысіла палову насельніцтва ўжо ў пачатку XX ст. Вырасла колькасць гарадскіх паселішчаў, што спарадзіла новы кірунак ў эканоміцы і прадпрымальніцтве — *гарадскую гаспадарку*, якая абслугоўвала побыт гараджан і іх гандлёва-прамысловую дзейнасць. З канца XIX ст. разам з папярэннем забрукаваных вуліц, электраасвятлення, стварэннем вадаправодаў, увядзеннем будаўнічага кантролю матэрыяльнае становішча гараджан стала паляпшацца.

А мадэрнізацыя гарадскога жыцця вяла да разбурэння старога горада. Шырокія вуліцы

прабіваліся праз гістарычныя цэнтры і тым знішчалі іх. Асабліва вызначыўся ў руйнаванні старога Парыжа яго прэфект Гаўсман (Осман). Імя Гаўсмана стала «легендай». Пратэсты супраць «гаўсманізацыі», якія прайшлі ва ўсіх заходнееўрапейскіх краінах, урэшце прымусілі захоўваць помнікі гісторыі.

У ходзе рэвалюцыйных пераўтварэнняў першай паловы XIX ст. узмацнялася інтэрвенцыя кіраўніцтва краін Захаду ў гарадскія справы. Адбывалася далейшае ўзмацненне падпарадкавання гарадоў дзяржаве. Але калі дзяржаўныя чыноўнікі парушалі гарадское права, асабліва на прыватную ўласнасць, гараджане адказвалі пратэстамі.

У складзе Расіі беларускія гарады трапілі ў зусім новыя ўмовы развіцця. Яны аказаліся яшчэ больш складанымі, чым раней. Па-першае, у імперскай дзяржаве была запатрабавана толькі адміністрацыйная функцыя гарадскіх паселішчаў. Яны рабіліся апорнымі базамі ўтрымання «забранага краю». У ходзе адміністрацыйнай рэформы многія гарады былога ВКЛ, як адміністрацыйна непатрэбныя імперыі, пераводзіліся ў разрад мястэчак: Бешанковічы, Браслаў, Давыд-Гарадок, Дуброўна, Клецк, Капыль, Крычаў, Ляхавічы, Ушачы, Шарашова, Шклоў. А іншыя мястэчкі «для зручнасці кіравання» ператвараліся ў гарады: Бабінавічы, Вілейка, Докшыцы, Дрыса, Ігумен, Копысь, Лепель, Сураж, Сянно, Чавусы і інш.

Па-другое, ствараліся ўмовы, пры якіх пашырэння праслойкі мяшчан-хрысціян, будучых прадпрымальнікаў, было немагчымым. Царскі ўрад фактычна закрыў для іх шлях да камерцыйнай дзейнасці, калі пазбавіў падаткавых прывілегій. Гэта тычылася ў першую чаргу мяшчан малых гарадоў і

мястэчак. У выніку разгарэлася ўпартая барацьба за вяртанне мяшчанскага статусу. Асобным мястэчкам удавалася адстаяць свае правы. Вызваленне ад прыгоннай залежнасці і пераводу ў мяшчанскае званне дабіліся жыхары Давыд-Гарадка (1836 г.) і Петрыкава (1848 г.).

Па-трэцяе, дзеянне Магдэбургскага права спынілася, а магістраты беларускіх гарадоў былі падпарадкаваны царскай адміністрацыі.

Па-чацвёртае, пачалася штучная ўрбанізацыя. Гэты працэс быў выкліканы тым, што яўрэям забаранілі сяліцца па-за межамі былога Вялікага Княства Літоўскага (1794), а па законе 1882 году — сяліцца па-за гарадамі і мястэчкамі. У выніку колькасць гарадскога насельніцтва ў межах сучаснай Беларусі вырасла за 1786 — 1885 гады ў 7,5 разоў. Павялічылася і колькасць мястэчак. Памешчыкі, каб пакінуць яўрэяў для сваіх паслуг, пераводзілі вёскі і сёлы ў разрад мястэчак, бо мелі на тое права (указ 26 кастрычніка 1810 года). У канцы XIX ст. сярод жыхароў 44-х гарадоў Беларусі яўрэі складалі 53,5%. І ў выніку істотна ўскладняўся працэс фармавання беларускай нацыянальнай эліты.

Па-пятае, не ствараліся спрыяльныя ўмовы для кансалідацыі гарадской супольнасці. Заахвочвалася самаізаляцыя іўдзейскай, каталіцкай, праваслаўнай і магаметанскай абшчын. Працэс фармавання *гарадской ідэнтычнасці* ў параўнанні з Захадам запавольваўся. А гэта значыць, што горад тармазіў працэс перарастання яе ў беларускую нацыянальную ідэнтычнасць.

Вялізарнае ўздзеянне на лёс гарадоў Беларусі аказала чыгуначнае будаўніцтва, якое тут вёў царскі ўрад у 1862—1915 гадах. Новыя транспартныя магістралі не супадалі са старымі гандлёвымі шляхамі, што ішлі па

рэках. Мясцовыя інтарэсы не прымаліся будаўнікамі ў разлік. А таму многія старадаўнія беларускія гарады аказаліся абдзеленымі новым відам транспарту і занепадалі. Гэта — Тураў, Мсціслаў, Нясвіж, Наваградак і інш. А мястэчкі і нават сельскія паселішчы, якія набывалі чыгунку, імкліва раслі і ператвараліся ў сапраўдныя гарады. Гэта — Гомель, Баранавічы, Маладзечна, Лунінец, Асіповічы, Жлобін, Талочын, Калінкавічы, Масты, Каргуз-Бяроза, Івацэвічы, Стаўбцы, Койданава, Смалявічы, Крупкі, Жабінка. Са з'яўленнем новага віду транспарту з 1860-х гадоў прыпынілася заснаванне новых мястэчак. Будаўніцтва чыгунак паскорыла рух тавараў і тым зменшыла колькасць неабходных гандлёвых кропак. У 1871 годзе ў Віленскім павеце мястэчкам лічылася Хожэва, у якім знаходзілася толькі адна карчма. Такія мястэчкі царская адміністрацыя тут жа пераводзіла ў разрад сельскіх паселішчаў. Аднак гэта часта рабілася і беспадстаўна, толькі таму, што ў Расіі такіх паселішчаў не існавала. Таму колькасць мястэчак у Беларусі паменшылася з 418 у 1863 годзе да 322 у пачатку XX ст. Царскі ўрад увогуле планаваў частку мястэчак зрабіць вёскамі і толькі больш значныя перайменаваць у пасады. Праўда, на ажыццяўленне гэтага праекту казна не знайшла дастаткова сродкаў.

У другой палове XIX ст. з пашырэннем урбанізацыі многія беларускія мястэчкі дасягнулі ўзроўню гарадоў, але гарадскі статус ад дзяржавы атрымлівалі адзінкі. За 44 гады парэформеннага перыяду (1961—1917) у Беларусі царскі ўрад заснаваў толькі два гарады Горы-Горкі і Смаргонь, тады як у цэлым па Расіі — з'яўлялася па 6 гарадоў штогод. І гэта ў той час, калі ў канцы XIX ст. на афіцыйнае прызнанне гарадамі рэальна

прэтэндавалі такія мястэчкі як Баранавічы-Разводава, Ветка, Глыбокае, Глуск, Давыд-Гарадок, Дуброўна, Каргуз-Бяроза, Крычаў, Ляхавічы, Мір, Петрыкаў, Ружаны, Шклоў.

Аднак рост гарадоў не прыпыняўся. Іх функцыю выконвалі непрызнаныя гарады — мястэчкі. Урбанізацыя набывала неафіцыйны характар. Найбольш паспяхова яна праходзіла на захадзе і ў цэнтры Беларусі. Меў месца ўплыў Заходняй Еўропы. У ходзе ўрбанізацыі выяўлялася важная роля ў жыцці краю дробных гарадоў (з насельніцтвам да 10 тысяч чалавек) і буйных мястэчак (больш за 2 тысячы чалавек). У такіх паселішчах канцэнтравалася больш за палову неземляробчага насельніцтва Беларусі, а іх структура вытворчасці найбольш адпавядала мясцоваму ўкладу жыцця, патрэбам дамінуючай на беларускіх землях сельскай гаспадаркі.

Урэшце, Беларусь змагла захаваць традыцыйную урбаністычную мадэль. Найбуйнейшыя мястэчкі звычайна станавіліся цэнтрамі валасцей і парафій, а пасля адмены прыгону рабіліся яшчэ больш інтэнсіўнымі трансфарматарамі эканамічнага і культурнага ўзаемаабмену паміж горадамі і вёскай.

Жыццё ў мястэчках таксама рабілася ўсё больш урбанізаваным. Праваслаўны святар мястэчка Крэва сведчыў, што ў 1871 годзе яго прыхаджане мяшчанскага саслоўя імкнуліся ва ўсім пераўзыйсці сялян: на святочны дзень многія мелі сурдут чорнага, радзей шэрага колеру; іншыя — камізэлькі і нават манішкі; апраналіся мяшчане ў каптаны, але ўсё ж чорнага колеру, а не шэрага, як вяскоўцы; мужчыны галіліся, пакідалі толькі невялікія вусы і рэдка — бакенбарды; жанчыны ў святочныя дні апраналі стракатыя паркалёвыя, а то і ваўняныя сукенкі. Перад вяскоўцамі

мяшчане любілі паказаць сябе гараджанамі. Сяляне ставіліся да іх з належнай папанай, але за вочы — пасмейваліся.

Мястэчкі заставаліся скарбніцай разнастайнай народнай творчасці. Мястэчка Боцькі на Гродзеншчыне славілася ў сярэдзіне XIX ст. вытворчасцю нагаек і пуг (бізуноў), вядомых сярод школьнікаў пад назвай «боцькаўскія ўгаворшчыкі». Жыхары м. Гарадок, што на Ашмяншчыне, займаліся ў 60-х гадах XIX ст. гандлем п'явак, якіх прывозілі з ваколіц Гомеля.

У падсумаванне варта адзначыць, што царскі ўрад быў бясцільным перарабіць беларускія губерні па ўзоры рускіх, галоўным чынам, таму, што яму не ўдалося вынішчыць спецыфіку і традыцыі мясцовага гарадскога жыцця. Наяўнасць шырокай сеткі гарадскіх паселішчаў, уключна з мястэчкамі і чыгуначнымі станцыямі, стварала спрыяльныя ўмовы для вестэрнізацыі беларускага краю.

198

6. У НАЙНОЎШЫ ЧАС. АД ПАЧАТКУ XX СТ.

Найноўшы час — гэта XX — пачатак XXI ст. Кропкай яго адліку лічыцца Першая сусветная вайна. І толькі савецкія гісторыкі ды іх паслядоўнікі бяруць за мяжу дзвюх эпох падзеі Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года. У гэты перыяд развіцця гарадской цывілізацыі завяршаецца выпрацоўка дэмакратычнай мадэлі ўзаемаадносін горада і дзяржавы. Прынцыпы дэмакратычнага грамадства, закладзеныя некалі ў горадзе, канчаткова распаўсюдзіліся на ўсе краіны Захаду. Таму праблем ва ўзаемаадносінах горада і дзяржавы не існуе. Больш за тое, калі горад ажыццяўляе нейкі дзяржаўназначны праект — напрыклад, утрымлівае ўніверсітэт, паслугамі якога

карыстаецца ўся краіна, — то дзяржава ўдзельнічае ў фінансаванні такіх праектаў коштам усіх падаткаплательшчыкаў.

XX ст. — гэта час гіганцкіх шматфункцыянальных і ўніверсальных гарадоў. Вобраз горада ніколі так хутка не мадэрнізаваўся, як у Найноўшы час (XX–XXI ст.). Вялікі ўплыў на еўрапейскае горадабудаванне зрабіў французкі архітэктар Ле Карбюзье (сапраўднае імя — Жанэрэ). У 1922 годзе ён прапанаваў новую формулу пражывання ў вялікім горадзе — канцэпцыю «жылога блока» (гэта асобная кватэра ў шматпавярховым доме). Заходняя Еўропа прымала ідэю стандартнага жылля ў горадзе. Пасля Другой сусветнай вайны на фоне гарадскіх агламерацый малыя і сярэднія гарады мусілі спецыялізавацца на пэўнай дзейнасці. Адны становіліся цэнтрамі турызму і курортнага адпачынку, іншыя — гандлёвымі пасрэдкамі або проста спальнымі паселішчамі ў ценю вялікіх гарадскіх цэнтраў.

У Савецкім Саюзе ўлада мадэрнізавала гарады ў адпаведнасці са сваімі ідэалагічнымі канонамі. Па ўзоры «жылога блока» Ле Карбюзье, перавага аддавалася «дамам-камунам», у якіх побач з індывідуальнымі пакоямі існавалі памяшканні агульнага карыстання — пакоі адпачынку, кухня, умывальнік і туалет. Жыллё прызначалася «новаму чалавеку», пазбаўленаму эгаізму і ўласнага «я». На першае месца ставілася сацыяльная задача задавальнення жыццёвых запатрабаванняў гараджан, а не прыгажосць горада.

У гады НЭПу з 176 беларускіх мястэчак БССР афіцыйнае прызнанне набылі менш за траціну. А паводле меркавання вядомага беларускага географа М.Азбукіна, мястэчкамі заслугоўвалі называцца ў той час не меней за

300 сельскіх паселішчаў. Існавала дзяржаўная праграма падтрымкі местачковага насельніцтва, якое пакутвала ад беспрацоўя. Прапаноўваліся праца на зямлі, сыравіна і крэдыты для рамеснай вытворчасці. Аднак савецкі рэнесанс мястэчак працягваўся нядоўга. Праграма адраджэння мястэчак аказалася нерэальнай. У дзяржавы не хапала фінансавых сродкаў. Панавалі безгаспадарлівасць і апатыя. З пачаткам калектывізацыі местачкоўцаў, пераважна яўрэяў, заганылі ў калгасы і ў рамесныя арцелі. Яўрэйская бедната выжывала дзякуючы замежнай дапамозе, а моладзь з'язджала ў буйныя гарадскія цэнтры Савецкага Саюза. Значны ўклад ў развіццё савецкай культуры Ленінграда ўнеслі якраз беларускія яўрэі.

У 1938 годзе Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР зацвердзіў класіфікацыю паселішчаў рэспублікі. Мястэчкім у гэтай класіфікацыі ўжо не знайшлася месца. Яны былі ператвораны часткова ў гарадскія пасёлкі, часткова — у рабочыя пасёлкі, а часткова — у сёлы. Тое, што распачало самаўладдзе, дакончылі бальшавікі. Мястэчкі, як сувязныя рынку, становіліся не патрэбнымі і замяняліся паселішчамі-казармамі, тыпу рабочых пасёлкаў. Сталінскі рэжым мог трымацца толькі на адміністрацыйнай аднастайнасці і ўніверсальнасці. А мястэчкі выбіваліся з гэтага правіла.

У Заходняй Беларусі гэтыя паселішчы захоўваліся да 1939 года. Інтэнсіўнае будаўніцтва вузкакалейных чыгунак рабіла іх развіццём, а таксама і рост гарадоў больш стабільным. Чыгуначны транспарт займелі Пружаны, Навагрудак, Браслаў, Друя, Лынтупы, Любча, Іванава і інш.

У пасляваенны перыяд канчаткова складалася таталітарная іерархічная сістэма гарадоў. Ні царская Расія, ні Савецкі Саюз не

ведалі вольных гарадскіх паселішчаў, па ўзоры якіх стваралася б дзяржава, як гэта было на Захадзе. Тут наадварот: гарады ва ўсім капіявалі таталітарную дзяржаву. Масква дыктавала стыль, эстэтыку, моду, ідэалы, капітоўнасці сталіцам савецкіх рэспублік. Мінск, які па колькасці насельніцтва з 1972 года ўвайшоў у «клуб» гарадоў-мільянераў, перадаваў гэты дыктат абласным гарадскім цэнтрам, а яны, у сваю чаргу, — гарадскім цэнтрам раённага ланцужка. Гэта значыць, што былія функцыянальныя мадэлі ўзаемазалежнасці гарадоў (інфармацыйна-культурная і эканамічная) цалкам змяніліся, набылі таталітарны характар. Гарадскія паселішчы ўключаліся ў жорсткую сістэму забеспячэння функцыявання савецкай культуры і эканомікі.

Пасляваеннае аднаўленне суседнічала з разбурэннем гістарычнай забудовы, якую можна было аднавіць і рэстаўраваць. І ўсё гэта потым спісвалася на нямецкіх акупантаў. Наплыў у гарады вяскоўцаў, якія ўліваліся ў шэрагі гарадскога рабочага класа, выклікаў неабходнасць тэрміновага разгортвання таннага і сціплага жытця. Таму з канца 1950-х гадоў у беларускіх гарадах пачалося масавае ўзвядзенне панэльных дамоў па стандартных праектах. Будаваліся спальныя раёны ці мікрарэны.

Дробныя гарады апынуліся, на шчасце, у баку ад інтэнсіўнай савецкай мадэрнізацыі. Адсутнасць добраўпарадкаванасці, незабяспечанасць камунальнымі паслугамі былі асабліва характэрнымі для раённых цэнтраў і пасёлкаў гарадскога тыпу. Іх адзіным упрыгожаннем з цягам часу становіліся зялёныя пасадкі, закладзеныя самімі жыхарамі.

Негатыўны ўплыў на развіццё малых гарадоў зрабіла ліквідацыя ў пасляваенны

перыяд амаль 500-кіламетровай сеткі вузкакалейных чыгунак і спыненне эксплуатацыі амаль 200 км чыгунак шырокай каляіны ў заходнебеларускім рэгіёне. У выніку чыгуначнага транспарту пазбавіліся Браслаў, Лельчыцы, Наваградак, Пружаны, Расоны, а гарады Іванава і Івацэвічы перасталі быць чыгуначнымі вузламі. Справа ў тым, што да 1939 года ліквідаванія чыгункі складалі адзіную транспартную сетку польскай дзяржавы, вялі ў бок Польшчы. Бальшавікі, відаць, пабаяліся пакінуць такую шчыльную чыгуначную сувязь з суседняй дзяржавай, каб больш надзейна кантраляваць мяжу.

У пасляваенны час у 188 малых і сярэдніх гарадах, таксама пасёлках гарадскога тыпу колькасць насельніцтва заставалася нязменнай. Больш за 30 малых гарадоў, у якіх калісьці вірвала жыццё і якія мелі слаўнае гістарычнае мінулае, такія, як Тураў, Ула, Свір, Асвея, Порузава, Васілевічы, Стрэшын, гублялі сваё насельніцтва. Індустрыялізацыя перацягвала жыхароў аграрных гарадкоў у прамысловыя цэнтры.

Гарады атрымлівалі з саюзнага бюджэту фінансаванне адпаведна свайму рангу. Малым гарадам даставаўся мізер. Істотны ўнёсак ў гарадскі бюджэт рабілі буйныя прамысловыя прадпрыемствы. Але ў малых гарадах іх не было. Вось яны і нападзіліся вясковымі клопатамі.

Нельга сказаць, што савецкае кіраўніцтва нічога не рабіла для падтрымкі малых гарадоў. Распрацоўваліся праграмы іх адраджэння, прымаліся маштабныя генеральныя планы рэканструкцыі. Толькі за 1970-1980-я гады было прынята больш за дзесяць рапэнняў і пастановаў Савета Міністраў, ЦК КПБ, мясцовых органаў кіравання аб стымуляванні росту малых гарадскіх паселішчаў, у тым ліку і

шляхам пераносу ў іх прамысловых прадпрыемстваў з вялікіх гарадоў. Аднак жыццё ўносіла свае карэктывы. Пры сутыкненні з рэальнасцю высвятляліся ўтапізм і палітычны дагматызм прынятых планаў.

Многія гарады БССР набывалі высокі адміністрацыйны статус і хутка раслі, а потым гублялі гэты статус і траплялі ў глыбокі крызіс. Так, у 1920-х гадах Бабруйск, Полацк, Орша, Мазыр, Слуцк становяцца цэнтрамі аднайменных акруг, а Клімавічы — цэнтрам Калінінскай акругі. Пасля далучэння ў 1939 годзе Заходняй Беларусі на чале новых абласцей стаялі Баранавічы, Пінск, Вілейка. У 1944 годзе цэнтрам вобласці прызначаецца Маладзечна. Аднак пасля вайны працэс савецкай урбанізацыі пайшоў у адваротным накірунку. У 1953 годзе ў БССР ліквідаваліся Баранавіцкая, Бабруйская, Палеская (з цэнтрам у Мазыры), Пінская, Полацкая, а потым і Маладзечанская вобласці. Не ўсе пералічаныя тут гарады пасля скарачэння адміністрацыйных адзінак мелі потым бліскучую будучыню. Акрамя таго, да 1963 года былі ліквідаваныя 98 з 175 раёнаў. А лёс іх адміністрацыйных цэнтраў дык і ўвогуле быў незайздросным. Бальшыня была ператворана ў рабочыя пасёлкі, якія хутка дэурбанізаваліся і мала чым адрозніваліся ад вёсак.

На характар дэмаграфічных працэсаў у невялікіх гарадах вялікае ўздзеянне зрабіла Чарнобыльская катастрофа.

Пасля абвяшчэння незалежнасці Беларусі ў 1991 годзе гарады па-ранейшаму выкарыстоўваюцца для навіязвання савецкіх каштоўнасцяў. У іерархіі гарадоў роля галоўнага «дыктатара» (і найперш у ідэалогіі) перайшла ад Масквы да Мінска, хоць і расійская сталіца не згубіла свайго ўплыву.

З набыццём незалежнасці дэградацыя малых і сярэдніх гарадоў паскараецца. Смяротнасць у краіне з 1992 года пачала перавышаць нараджальнасць. Рос адток насельніцтва з вёсак, што яшчэ больш звужаў «поле дзейнасці» малых гарадоў — яны трапілі сваю ролю цэнтраў, сваю адметную і непаўторную субкультуру, сваю палітычную вагу ў выбары палітычнага курсу краіны. Іх эканамічны патэнцыял разбураўся па дзвюх аноўных прычынах. Па-першае, адсутнічала надзейная дзяржаўная падтрымка лакальных, правінцыйных і агульнанацыянальных традыцый. Па-другое, праблема малых і сярэдніх гарадоў — гэта праблема малых і сярэдніх прадпрыемстваў. У новых эканамічных умовах яны банкрутавалі, асабліва тыя, што працавалі на ваенны комплекс СССР.

Аднак сумяшчальнасць сацыялістычную спадчыну з выклікамі сучаснасці становіцца ўсё цяжэй. У 2007 годзе, па ацэнках звестках, у гарадах Беларусі пражывала 73% насельніцтва. Ігнараваць спецыфіку гарадскога жыцця становілася небяспечна.

З 207 гарадскіх паселішчаў (гарадоў і пасёлкаў гарадскога тыпу) сучаснай Беларусі 94% адносяцца да катэгорыі малых і сярэдніх. Ёсць сярод іх — знакамітыя сваімі гістарычнымі каранямі. Ёсць такія, дзе захаваліся гістарычныя помнікі. Некаторыя выгадна размешчаныя побач з буйнымі гарадамі. Такія гарады, як Нясвіж, Мір, Наваградак, Мазы, Лагойск, Заслаўль, яшчэ неяк трымаюцца. Аднак большасць знаходзяцца ў глыбінцы і на радыяктыўна забруджанай тэрыторыі.

Па звестках 2008 года, у дробных і сярэдніх гарадах пражывае кожны пяты беспрацоўны Беларусі. Асабліва пакутуюць жанчыны. У большасці дробных гарадскіх

паселішчаў удзельная вага беспрацоўных кабет складае, па афіцыйных звестках, 70-90%. Увогуле, у малых гарадах узровень жыцця ніжэйшы, чым у буйных, менш развітая сацыяльная інфраструктура, горшая забяспечанасць жыллем, а насельніцтва мае больш нізкія даходы.

Студэнтка ЕГУ з Пастаў Вольга Якубоўская расказвае: «Увечары, калі людзі сталага веку могуць адпачыць у хаце, пасядзець перад тэлевізарам, моладзі хочацца павесяліцца. А пайсці няма куды: адна-дзве дыскатэкі з дрэннай апаратурай ды кінатэатр без ацяплення, з драўлянымі жорсткімі крэсламі, як у Савецкім Саюзе, і фільмамі пяцігадовай даўнасці. Няма ні тэатраў, ні выстаў. Культурнае жыццё амаль вымерла. Таму ўся моладзь са звышымі галовамі з'язджае. А тыя, хто застаецца, співаюцца ад нуды і безвыходнасці».

З 1999 года ў Беларусі праводзіцца палітыка дзяржаўнай падтрымкі сярэдніх і малых гарадоў. У 2007 годзе яна набыла форму дзяржаўнай комплекснай праграмы развіцця рэгіёнаў, малых і сярэдніх гарадскіх паселішчаў на 2007–2010 гады і 7 чэрвеня зацверджана прэзідэнтам. Комплексная праграма ахоплівае 187 населеных пунктаў: 95 пасёлкаў гарадскога тыпу (рабочых пасёлкаў з насельніцтвам ад 500 чалавек), 73 малыя гарады з насельніцтвам да 20 тысяч чалавек, 15 сярэдніх гарадоў з насельніцтвам да 50 тысяч чалавек, 1 сельскі пасёлак (Ільч), 2 вёскі і г.Слонім (51,5 тысяч чалавек).

Акцэнт робіцца на захаванне існых і збудаванне новых малых прадпрыемстваў. Для такіх прадпрыемстваў прадугледжана льготнае падаткаабкладанне. Плануецца заахвочваць прыватны бізнес, развіццё прыдарожнага сервісу, выкарыстанне гістарычна-культурнай

спадчыны гарадкоў для прыцягнення ў іх турыстаў. Аднак нізкая актыўнасць мясцовага кіраўніцтва, якое прывучана нічога не рабіць без непасрэднага ўказання зверху, паставіла выкананне праграмы пад пытанне. Улады на месцах стрымліваюць працэс пашырэння прыватнага прадпрыемальніцтва. Мясцовыя чыноўнікі не ідуць на продаж дзяржаўнай маёмасці нават калі яна і не выкарыстоўваецца. Захоўваюцца цяжкія ў атрыманні крэдытаў. Не стае і падрыхтаваных прадпрыемальнікаў, якія б жадалі працаваць у правінцыі. І сапраўды, без прыцягнення да адраджэння малых і сярэдніх гарадоў мясцовай грамадскасці і мясцовых прадпрыемальнікаў зрушыць справу да лепшага аказалася немагчымым. Важна ўлічваць і такую акалічнасць: эканамічна бесперспектыўныя гарады ратаваць вельмі цяжка.

Прышлося прымаць дадаковыя меры. З 1 красавіка 2008 года ўведзены шэраг дадатковых ільгот для бізнесменаў, у тым ліку і замежных, ва ўсіх паселішчах з насельніцтвам да 50 тысяч чалавек. Гэта зніжэнне падаткаў, адмова ад празмернага дзяржаўнага рэгулявання, забеспячэнне гарантыі абароны ад неспрыяльных перамен у заканадаўстве на працягу 5 гадоў. Ільготы не распаўсюджваюцца толькі на 23 буйнешыя гарады краіны: Барановічы, Брэст, Пінск (Брэсцкай вобласці), Віцебск, Наваполацк, Орша, Полацк (Віцебскай), Гомель, Жлобін, Мазыр, Рэчыца, Светлагорск (Гомельскай), Гродна, Ліда (Гродзенскай), Барысаў, Жодзіна, Маладзечна, Слуцк, Салігорск (Мінскай), Могілёў, Бабруйск (Магілёўскай вобласці). На думку афіцыйных экспертаў, ільготы, якія атрымаў на гэты раз бізнес у рэгіёнах, адпавядаюць тым, што ўводзяцца ў свабодных эканамічных зонах.

Наколькі будуць эфектыўнымі далейшыя дзяржаўныя меры, пакажа час. Толькі ніякі адміністрацыйны ціск, ніякія жорстка ўстаноўленыя тэрміны і ўтапічныя праекты тут не дапамогуць. Такая палітыка спараджае толькі фармалізм і эканамічную неэфектыўнасць. Пра гэта сведчыць і мінулы вопыт БССР. Пры такой колькасці «вертыкальшчыкаў» спадзявацца на поспех праблематычна. Працэс дэмакратызацыі гарадскога самакіравання ў Беларусі ідзе марудна. Яшчэ пераважаюць прыхільнікі «моцнай рукі» і былых савецкіх метадаў кіравання, пры якіх нікому і ў галаву не прыходзіла нават памерці без узгаднення з начальствам.

Трагедыя малых беларускіх гарадоў палягае ў тым, што яны самі не вераць у будучыню, бо страцілі сваё мінулае. Яны не ведаюць ні ўласнага, ні чужога досведу, каб скарыстацца ім. Грамадства толькі асэнсоўвае ролю малых гарадоў.

Пры спрыяльных умовах малыя гарады маглі б змягчыць вертыкальны прэсінг больш вялікіх гарадскіх цэнтраў шляхам падтрымкі і развіцця гарызантальных плыняў, якімі могуць стаць нацыянальная і правінцыйна-лакальная культуры, нейкія забытыя эканамічныя выгады ці традыцыі асобных раёнаў.

Працэсы адраджэння самабытнасці і стабільнасці (устойлівага развіцця) маглі б паскорыцца, калі б гарадскім паселішчам сапраўды былі вернуты іх былыя вольнасці і прывілегіі — самыя шырокія правы на прыватную ўласнасць, права на гарадское самакіраванне, увогуле, на жыццё, вольнае ад дыктату зверху. Толькі стварыўшы ўсебаковыя спрыяльныя ўмовы для развіцця любога гарадскога паселішча, мы можам сказаць: свет вялікі, і няма маленькіх гарадоў, як і маленькіх краін, народаў, людзей, рэчаў.

Літаратура

1. Административно-территориальное устройство БССР. Т. 1-2. Мн., 1986-1987.
2. Азбукін М. Паселішчы гарадскога тыпу ў БССР // Матэрыялы да геаграфіі і статыстыкі Беларусі. Т. 1. Мн., 1928.
3. Без-Корнилович М. Исторические сведения о примечательных местах Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855.
4. Бродель Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — VIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд. М., 2006.
5. Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Т.1. Мн., 2004.
6. Город и маятниковая миграция населения. Мн., 1973.
7. Жучкевич В.А., Малышев А.Я., Рогозин Н.Е. Города и села Белорусской ССР: Историко-географический очерк. Мн., 1959.
8. Князева В.М. Падарожжа па Беларусі: Гарады і гарадскія пасёлкі. Мн.: Беларусь, 2005.
9. Красовский К.К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ. Брест, 2004.
10. Круталевич В.А. Административно-территориальное устройство БССР. Мн., 1966.
11. О’Салливан. Экономика города. 4-е изд. М., 2002.
12. Польскі С.А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917—1941 гг.). Мн., 1973
13. Польский С.А. Урбанизация в Белорусской ССР. Мн., 1985
14. Соркіна І.В. Мястэчкі Беларусі ў XV—пачатку XX ст. Метадычны дапаможнік. Гродна, 2001.
15. Хорев Б. Городские поселения СССР. М., 1967.